

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

О
Р
Г
А
Н
Ж
У
Р
Н
А
Л
И
Н
С
С
С
С
К
О
Н
О
М
И
К
И

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 4—5

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1932

Памяти М. Н. Покровского	5
СТАТЬИ	
Косиченко, А. Сеид-Гусейнов — Потребление и накопление в первую пятилетку и в перспективе второй	9
Д. Розенберг — Менювая концепция в различных ее вариантах	25
С. Гиммельфарб — К вопросу о планировании рабочей силы	47
А. Сетюков — К вопросу о передаче и распределении электроэнергии во второй пятилетке	70
А. Сидоров — Боевые вопросы реконструкции и развития ж.-д. сети СССР	84
Н. Березин и Д. Ласкин — О законе стоимости	105
А. Реуэль — Учение Томаса Годгскина о капитале (продолжение)	121
БИБЛИОГРАФИЯ	
Радченко К., Сидоров А., Казанский А., Мацаков И., Чудновский М. За марксистско-ленинский учебник политэкономии	130
Носов В., Сергневский А., Федоровский С. — По поводу книги «О природе советской торговли на современном этапе»	146

М. Н. Покровский
1868—1932

ПАМЯТИ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО

Умер 10 апреля 1932 г.

В большой напряженной работе-борьбе сгорел крупнейший ученый-революционер — Михаил Николаевич Покровский.

В его лице мы потеряли «виднейшего представителя старой большевистской гвардии, активного участника революции 1905 г. и Октябрьской пролетарской революции, непримиримого борца за генеральную линию партии, всемирно известного ученого-коммуниста, виднейшего организатора и руководителя нашего теоретического фронта, неустанного пропагандиста идей марксизма-ленинизма».

В этой сжатой характеристике, которую дал Михаилу Николаевичу Покровскому ЦК ВКП(б) в своем извещении о его смерти, в необычайно яркой форме резюмирована та громадная роль, которую играл Михаил Николаевич в рядах нашей партии: здесь в краткой форме подведен как бы итог всей его жизни.

Вся жизнь т. Покровского носила боевой политически заостренный характер, была проникнута воинствующей партийностью.

Его идеалом был воинствующий большевизм в науке.

Здесь уместно будет отметить ту глубокую ненависть, которую питают к нему белоэмигрантские «профессора» — они иначе не называют Михаила Николаевича, как «злым гением русского просвещения» (см. например юбилейный сборник, посвященный 175-летней годовщине московского университета).

Михаил Николаевич беспощадно разоблачавший в своих речах и в своих печатных выступлениях все бесстыдство и фальшь позиции защитников буржуазной «культуры», не мог не быть по отношению к ним «злым гением». Он до конца вскрывал классовую сущность якобы «объективно научных», внеклассовых теоретических построений многочисленных школ и школок дворянской и буржуазной историографии, разоблачая многих и многих «ученых», оказавшихся затем за пределами СССР, в стане иступленной белой эмиграции, в слепой ненависти к освободившимся трудящимся призывающей к иностранной интервенции и разгрому СССР.

В этой непримиримой борьбе с квази-научными теориями реакционной профессуры громадная заслуга М. Н. Покровского.

И бешеная ненависть к нему со стороны белоэмигрантских «научных» кругов свидетельствует лишь раз об остроте и меткости ударов, которые с такой силой наносил Михаил Николаевич в неустанной своей борьбе с врагами пролетариата на теоретическом фронте.

Как теоретик-марксист т. Покровский определился уже в самом начале 1900-х годов, и в 1905 г. мы уже видим его в рядах московской организации большевиков в качестве пропагандиста, агитатора и публициста.

Он был одним из сильнейших большевистских ораторов в политической борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными партиями и был активным участником московского вооруженного восстания.

С тех пор вся жизнь т. Покровского тесно связана с партией, и именно эта повседневная связь с партийной жизнью, рост т. Покровского как члена партии, как ленинца обусловили и рост его как мирового ученого нашей эпохи.

На этом пути у т. Покровского были отдельные ошибки, но он умел под руководством партии их преодолевать, в тщательном изучении работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, в повседневной работе и самокритике черпая силы и указания к их преодолению.

Значение т. Покровского в борьбе за чистоту марксо-ленинской методологии огромно.

В его лице мы имели главу революционного марксизма в русской науке, и в первую голову в русской историографии.

Если первые работы т. Покровского (например «Экономический материализм») являлись еще этапами на пути его превращения в большевистского историка, ликвидации «идеалистического наследства и приближения к ортодоксальному марксизму», то написанная во время эмиграции капитальная работа «Русская история древнейших времен» принадлежит к числу произведений, открывающих новую эпоху в науке, по-новому ставящих и разрешающих вопросы.

В этой работе т. Покровский до конца разделался с буржуазными концепциями русской истории и сумел, пользуясь методом диалектического материализма, вскрыть действительные пружины русского исторического процесса и увязать его с борьбой российского пролетариата.

Тов. Покровский всегда связывал свою теоретическую работу с борьбой против всяческих уклонов от генеральной линии партии.

Ему принадлежит безусловная заслуга разоблачения антимарксистской концепции Троцкого, утверждавшего, что русское самодержавие носило надклассовый характер; при этом т. Покровский сумел показать связь этого утверждения, в целом заимствованного у представителей буржуазной историографии, с троцкистской теорией перманентной революции, и вскрыл таким образом классовые корни троцкизма.

Разоблачая Троцкого, ведя неослабную борьбу с буржуазными историками (Тарле, Платонов, Петрушевский, Яворский и др.), т. Покровский со всей большевистской резкостью критиковал и правооппортунистические шатания в отдельных звеньях нашей партии. Дубровский, Теодорович и Слупков с их механистическими извращениями марксизма-ленинизма встречали со стороны т. Покровского жесточайший отпор.

Будучи разносторонне образованным историком, Михаил Николаевич многое сделал и по изучению истории международных отношений, по изучению истории западных государств, особенно по изучению периода подготовки империалистической войны 1914—1918 гг.

Тов. Покровский умел сочетать теорию с революционной практикой, и потому его теоретические работы так захватывающе интересны и значительны. Будучи уже крупным ученым, т. Покровский был активным участником революции 1917 г. и председателем Совнаркома Московской губернии.

Глубокая трактовка вопросов сочеталась у т. Покровского с простотой и доступностью изложения. Он был понятен самым широким слоям читателей. Такие книги его, как «Русская история в самом сжатом изложении», являются образцом марксистской популярной литературы.

Значение т. Покровского как большевика-теоретика далеко выходит за пределы исторических дисциплин. Недаром Ленин характеризовал т. Покровского как «обязательного советника (и руководителя) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще».

Осуществляя через Наркомпрос, государственный ученый совет, Комкадемию, ИКП и другие учреждения руководство научной жизнью Союза, М. Н. Покровский имел громадное влияние на направление научно-исследовательской работы во всех областях научной мысли. Научные работники — марксисты и коммунисты, работающие в области естествознания, точных наук, педагогики, общественных дисциплин, получали указания и руководство со стороны М. Н. Покровского, во многом обязаны ему своими успехами и достижениями.

Хотя в своей последней речи на юбилее ИКП М. Н. и подчеркивал свое невмешательство в область экономической науки, все же, справедливость требует указать на весьма заметное влияние М. Н. и на эту научную дисциплину.

Несомненно громадное значение для разработки экономической истории России и СССР, а отчасти и Запада имеют общеисторические работы т. Покровского.

В этих областях он дал много свежего, оригинального, выявил множество новых моментов, бросающих яркий свет на эволюцию народного хозяйства нашей страны.

Пусть же все его утверждения полностью могут быть приняты: т. Покровский сам всегда являл собой пример жесточайшей самокритики и не боялся вскрывать свои ошибки; он и сам умел их преодолевать и толкал других на новые завоевания в области применения марксо-ленинской методологии к анализу явлений исторического процесса.

Тов. Покровский выступал и по чисто экономическим проблемам, например на диспуте по докладу Скворцова-Степанова на тему «Предмет и метод политической экономии», и весьма обстоятельно критиковал ошибочные позиции большинства специалистов-экономистов по этому кардинальнейшему вопросу теоретической экономии.

Отлично владея марксо-ленинской методологией, М. Н. Покровский имел возможность быстро ориентироваться в основных вопросах любой отрасли научных знаний.

Являясь одним из наиболее образованнейших людей нашей эпохи, М. Н. всю жизнь сохранял тесную связь с широкими рабочими массами. Он хорошо знал и любил рабочую аудиторию. Он хорошо понимал все значение подготовки новой рабочей интеллигенции, которой суждена роль главного организатора социалистического строительства, проводимого под руководством партии.

С той же задачей орабочения научных кадров связывалось им и создание Института красной профессуры, дающего кадры высококвалифицированных руководителей различных отраслей народного хозяйства и научно подготовленных работников теоретического фронта.

Наконец как организатор и бессменный председатель Коммунистической академии (перва Социалистической академии общественных

наук), т. Покровский хорошо понимал необходимость концентрации очень немногочисленных марксистских коммунистических научных сил для совместной теоретической разработки вопросов марксизма-ленинизма и для координированного наступления на буржуазную науку по линии общественных дисциплин.

Наркомпрос, ГУС, ГАНИОН, Центральный архив, Общество марксистов-историков и многие другие учреждения, научные общества и организации обязаны руководству М. Н. Покровского своими успехами и той ролью, которую они сыграли и продолжают играть в деле социалистического переустройства нашей страны.

М. Н. Покровский умел вложить в работу этих учреждений свой энтузиазм, свою непримиримость, свой боевой дух, свою преданность партии и проводимой ею генеральной линии строительства социализма.

Он всех заражал своей необычайной работоспособностью, весь до конца отдаваясь работе, совершенно забывая о себе, о своем здоровье, о своей все развивающейся болезни.

Именно в этой преданности до самозабвения делу международной пролетарской революции, в глубоком понимании марксизма-ленинизма и умении владеть его методологией, в нераздельном сочетании теоретической мысли с практической, партийной революционной деятельностью — сила Михаила Николаевича, тот высокий личный авторитет, которым он пользуется у все, чье знамя — социалистическое преобразование нашей страны, социалистическое преобразование всего мира.

Г. КОСЯЧЕНКО, А СЕИД-ГУСЕИНОВ

НАКОПЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ В ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ И В ПЕРСПЕКТИВЕ ВТОРОЙ

Обе наши пятилетки, первая и вторая, представляют собой неразрывные части единого генерального плана социалистической реконструкции всего народного хозяйства СССР, плана построения полного социалистического общества. Поэтому при изучении проблем нашего экономического развития, необходимо исходить из этой неразрывной связи. В частности это относится и к проблеме накопления и потребления и соотношения между ними.

Народный доход и его распределение

Говоря о распределении народного дохода, нужно иметь в виду соотношение между той долей совокупного народного дохода общества, которая идет на накопление и закрепляется в форме различных капитальных фондов, и той его долей, которая идет на личное потребление всех членов общества. Когда мы говорим о совокупном народном доходе, мы обычно определяем его в денежной форме. Но под этим общим денежным выражением всегда предполагается определенная масса материальных благ, созданных обществом за данный отрезок времени (например год), на которую оно затратило свои трудовые ресурсы.

Эта масса материальных благ с самого начала по своему составу делится на две отличные друг от друга группы: на группу средств производства и на группу средств потребления.

Этим материальным составом всего общественного продукта в основном уже предопределяется деление народного дохода на долю накопления и долю потребления. Первая группа по своему материальному составу может служить только как средства производства для производительного потребления в процессе производства. Вторая группа совокупного общественного продукта по своему материальному составу может служить только для удовлетворения непосредственных личных потребностей и не может применяться как средство производства¹.

Следовательно соотношение между накоплением и потреблением представляет собой в определенной степени выражение динамики соотношения между двумя основными подразделениями общественного производства, именно между производством средств производства и производством средств личного потребления. В общем и целом эти два подразделения совпадают с группой «А» и группой «Б» в нашем советском хозяйстве.

Распадение совокупного народного дохода на долю накопления и на долю потребления и соотношение между этими долями не являются чем-то постоянным и неизменным. Они различны в различных общественных формациях и на различных этапах развития одной и той же общественной формации. Само это распадение народного дохода в различных

¹ Хотя некоторые продукты могут потребляться и как средства потребления и как средства производства, как например зерно — хлеб, семена, но для нас сейчас важно установить указанное принципиальное различие между этими двумя группами.

общественных формациях происходит на основе различных специфических законов, сами эти доли выступают в различных специфических формах.

Чем выше уровень развития производительных сил, чем выше общественный способ производства, чем выше производительность общественного труда, тем относительно большая доля общественного продукта идет на накопление, на дальнейший рост общественных производительных сил. Так например, в условиях первобытного родового строя накапливаемая часть продукта труда представляла собой ничтожную долю, а подавляющая часть продукта должна была идти на личное потребление всех участников трудового процесса. В условиях капиталистического общества в сравнении с феодализмом накапливаемая часть общественного продукта колоссально возрастает. Социалистическое общество дает дальнейший огромный рост доли накопления по сравнению с капиталистическим обществом.

Но условия роста народного дохода и доли накопления при капитализме и в социалистическом обществе в корне отличны друг от друга. В капиталистическом хозяйстве распадение народного дохода на доли накопления и потребления и соотношения между ними устанавливаются стихийно, на основе закона стоимости и прибавочной стоимости.

Весь вновь созданный продукт распадается на совокупную прибавочную стоимость, присваиваемую всем классом капиталистов, и на совокупную сумму заработных плат, получаемых всем рабочим классом. Соотношение между прибавочной стоимостью и зарплатой, лежит в основе соотношения между накоплением и потреблением². Капитализм путем неимоверного нажима на рабочий класс стремится выжимать из него в максимальной степени прибавочную стоимость, чтобы тем самым повысить долю накопления в совокупном народном доходе. К этому необходимо принуждают капиталистов закон конкуренции и закон средней нормы прибыли, обуславливающие колоссальную конкуренцию производства. Но одновременно, этим же самым, капитализм в конечном счете ставит определенные рамки тому же накоплению, поскольку сокращает возможности сбыта созданной продукции путем ограничения спроса со стороны рабочих. «Капитализму, — пишет Ленин, — присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а, с другой стороны, пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления»³.

Капиталистическое накопление имеет другой своей стороной возрастание непроизводительных расходов в связи с обостренной конкуренцией, прямую растрату производительных сил в связи с кризисами, не говоря уже о том, что огромная доля прибавочной стоимости идет на продажу паразитическими слоями, все более возрастающими в условиях капитализма.

Расширенное воспроизводство всех этих противоречий все больше накапливает элементы, долженствующие в ожесточенных классовых схватках привести к краху самой капиталистической системы.

Следовательно распределение народного дохода и соотношение между накоплением и потреблением в капиталистическом хозяйстве носит антагонистический характер. Тут речь идет о долях определенных антагонистических классов капиталистического общества в совокупном общественном продукте.

² Но при этом нужно иметь в виду, что эти два соотношения не совпадают полностью, ибо не вся прибавочная стоимость идет на накопление, часть ее идет на личное потребление капиталистов и на ряд непроизводительных расходов.

³ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 400.

При этом доля рабочего класса не только все более относительно падает, но происходит абсолютное ухудшение положения пролетариата. Воспроизводство богатства в расширяющемся масштабе на стороне капиталистов одновременно сопровождается расширенным воспроизводством нищеты и тягот труда на стороне рабочих. В этом состоит сущность капиталистического накопления.

Совершенно иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Здесь распределение народного дохода на доли накопления и потребления происходит на основе совершенно иных законов. Здесь выступают несравненно более высокие темпы роста самого народного дохода, выступают иные пропорции распределения его на доли накопления и потребления и иное соотношение между этими долями. Закон социалистического накопления, освобождающий производительные силы общества от пут капитализма и раскрывающий для их развития безграничные просторы, наряду с несравненно более быстрым абсолютным ростом доли накопления и увеличением ее удельного веса предполагает также систематический рост потребления трудящихся. Эти две доли не представляют здесь собой антагонистических частей, выражающих, как это имеет место при капитализме, противоречия между антагонистическими общественными классами.

В период строительства социализма в корне уничтожаются законы капиталистического воспроизводства и накопления. Закон социалистического накопления, начинающий действовать с момента пролетарской революции, уничтожает антагонистическое распадение труда рабочего на долю необходимую и долю прибавочную. Весь труд рабочего социалистических предприятий становится трудом необходимым, часть которого составляет фонд личного потребления самих рабочих, а другая часть — фонд социалистического накопления, идущий на расширенное воспроизводство социалистических производительных сил и производственных отношений, на построение социалистического общества. Эти части гармонически друг друга обуславливают, причем первая удовлетворяет непосредственные потребительные нужды рабочих, а вторая служит длительным интересам рабочего класса в целом. Рост накапливаемой части народного дохода и соответствующий рост потребляемой части его есть безусловный закон социалистического способа производства.

Соотношение между этими долями в нашем советском хозяйстве определяется конкретными условиями социалистического строительства и классовой борьбы на каждом данном этапе. Это соотношение следовательно меняется с изменением этих условий, оно различно на разных этапах.

* *
* *

Пролетариат нашей страны во главе с большевистской партией строит социализм, с одной стороны, в условиях капиталистического окружения и классовой борьбы с мировым капитализмом, а, с другой стороны, в условиях определенного соотношения классовых сил и обостренной классовой борьбы внутри страны. Оба эти фронта классовой борьбы, разумеется, тесно связаны друг с другом. Внутри страны эти условия определяются тем, в какой мере разрешен вопрос «кто кого» и каковы наши успехи по линии уничтожения классов вообще. Вне страны она определяется тем, в какой мере обеспечена наша полная независимость от капиталистических стран в технико-экономическом отношении и каковы наши успехи по линии осуществления лозунга «догнать и перегнать».

От конкретных условий этой классовой борьбы зависит, в какой пропорции народный доход нашего хозяйства будет распределяться на долю накопления и на долю потребления. А эти условия для нашей страны оказались такими, что мы вынуждены были быстрым темпом изжить исторические

диспропорции нашего хозяйства между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой промышленностью; вынуждены быстрым темпом догонять в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Перед нами следовательно стояли задачи форсирования социалистической индустриализации страны, форсирования роста тяжелой индустрии в особенности, и на основе последней — форсирования социалистической реконструкции нашего отсталого мелкокрестьянского сельского хозяйства; наконец перед нами стояли задачи добиться уничтожения нашей экономической отсталости в сравнении с передовыми капиталистическими странами и выйти здесь на первое место. Эти задачи являются первостепенными задачами классовой борьбы, от их разрешения зависела и зависит судьба социалистического строительства в нашей стране.

Вопрос о создании индустриальной базы, способной перестроить всю нашу экономику на социалистических началах, был поставлен нашей партией во всей остроте. На IV конгрессе Коминтерна Ленин указывал: «Мы должны экономить сколько только возможно. Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно быть потому, что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна». И далее Ленин подчеркивал, что «тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю как социалистическое, — погибнем.» (т. XXVII, стр. 349).

Когда партия вплотную подошла к претворению в жизнь этих ленинских указаний, к задаче социалистической индустриализации нашей страны и развития тяжелой индустрии, ей пришлось со всей решительностью преодолеть сопротивление правых оппортунистов, которые извратили указанные ленинские положения и пытались тянуть нас на путь капиталистической реставрации. Для разрешения задач социалистической индустриализации нашей страны, нам необходимо было добиться такого распределения народного дохода, которое обеспечило бы серьезнейший рост доли накопления, доли капитальных вложений в нашу индустриализацию и прежде всего в тяжелую индустрию. Против этих вложений и против такого перераспределения народного дохода прежде всего и была направлена борьба правых.

В самом начале первой пятилетки на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. т. Сталин разоблачал взгляды правого оппортунизма, указывал на необходимость быстрых темпов развития нашей индустрии, исходя из конкретных внешних и внутренних условий, в которых происходит социалистическое строительство СССР. Он указывал тогда, что «вопрос о том, чтобы догнать и перегнать экономически передовые страны, Ленин ставил как вопрос жизни и смерти нашего развития». «Именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии». Одновременно он указывал, что наша крупная социалистическая индустрия является ведущим началом всего народного хозяйства СССР, выступает «как остров среди моря» «преобладающего большинства мелких товаропроизводителей», что нельзя долго «базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах»: крупной социалистической промышленности и раздробленного отсталого крестьянского хозяйства, что необходимо коренным образом реконструировать сельское хозяйство и подогнать его к индустрии; «но для того, чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии». Если же мы задачи этой не разрешим, «тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением». «Вот где основа того, — говорил в заключение т. Сталин, — что наши хозяйственные планы — и бюджетный и

внебюджетный — проходят у нас под знаком напряженности, под знаком серьезных вложений в дело капитального строительства, имеющих своей целью сохранение быстрого темпа развития индустрии»⁴.

Таким образом т. Сталин со всей резкостью и с предельной ясностью поставил вопрос о темпах нашего развития. Он выдвинул перед пролетариатом нашей страны те классовые задачи, вне разрешения которых невозможно наше развитие к социализму. Одновременно он указал и пути разрешения этих задач. Он ни в малейшей степени не скрывал от рабочего класса нашей страны и всего мира, что тут мы должны выдержать определенное напряжение, должны преодолеть определенные трудности, взять определенные барьеры.

Наша первая пятилетка из этих именно установок и исходила. Рабочий класс во главе с большевистской партией со всей решимостью встал на этот указанный вождем путь, со всей жесткостью отверг путь правых капитулянтов и на втором же году осуществления пятилетки поставил своей задачей выполнение пятилетки в четыре года.

Сейчас мы уже можем подвести первые итоги проведения этой генеральной линии партии на индустриализацию страны, на построение социалистического общества. Рост совокупного народного дохода и доли накопления в нем в первой пятилетке выглядит следующим образом:

Показатели	1928	1929	1930	1931	1932	1929—1932
Весь народный доход (в млн. руб. в ценах 1926/27 г.) . .	26 422	28 861	33 289	38 078	49 441	149 669
В проц. к предыдущему году	—	109,2	115,3	114,4	129,8	—
Капитальное вложение по общественному сектору (в млн. руб., в ценах соответствующих лет) ⁵	4 091	5 872	9 841	16 046	22 253	54 012
В том числе капитальное вложение в промышленность (включая электр. в промышл.) . .	1 883	2 589	4 258	8 175	12 000	28 905

Эти цифры являются яркой иллюстрацией генеральной линии партии в действительности. Они свидетельствуют об огромных темпах роста народного дохода в целом, роста капиталовложений, в особенности роста накопления в СССР. Они характеризуют те резкие сдвиги в распределении народного дохода, которые произошли в течение первой пятилетки в стране.

В 1932 г. народный доход возрастает против 1928 г. на 78%. Одновременно капитальные вложения в 1932 г. против 1928 г. возрастают на 443%, т. е. увеличиваются почти в 5,5 раза. Систематически, из года в год, росла доля накопления, увеличившись от 15,5 в 1928 г. до 45% в 1932 г.⁶ Та-

⁴ «Вопросы ленинизма», стр. 458 — 466. Разрядка наша. — Авторы.

⁵ Цены соответствующих лет не совпадают с неизменными ценами 1926/27 г. Благодаря снижению цен на материальные элементы капитальных затрат за эти годы, сумма капитальных вложений в неизменных ценах превышает приведенные вложения в ценах соответствующих лет примерно на 6—7%.

⁶ Эти процентные соотношения имеют весьма относительное значение. При этом нужно иметь в виду не только сделанную выше оговорку насчет соотношения различных цен, но также и то, что 1932 г. в большей мере охватывает накопление во всем народном хозяйстве (поскольку учитывается только общественный сектор), нежели 1928 г. Кроме того нужно иметь еще в виду, что капитальные вложения не совсем совпадают с действительным накоплением. Поскольку, с одной стороны, включают амортизацию, а с другой — не включают накоплений, происходящих благодаря расширению действующего производства за счет средств самого предприятия.

ких темпов не знает и не может знать ни одна капиталистическая страна. Больше того, как раз за эти самые годы в капиталистических странах происходило резкое снижение народного дохода и в особенности накоплений, благодаря свирепствующему там кризису.

Нужно отметить, что такой колоссальный рост накоплений и такой рост народного дохода в СССР оказались возможными только благодаря нашему наступлению по пути социалистического строительства, только благодаря нашим успехам по линии социалистической индустриализации и социалистической переделки мелкотоварного производства, по линии решительного вытеснения и ликвидации частнокапиталистических элементов. Этот процесс привел в результате к резкому сокращению доли частного сектора в целом в народном доходе, к катастрофическому падению доли частнокапиталистического сектора в том числе. Если в 1928 г. доля систематического сектора в совокупном народном доходе составляла 52,7%, а доля частного сектора — 47,3%, то в 1932 г. это соотношение будет: 90,7% и 9,3%. Причем доля частнокапиталистических элементов, которая в 1928 г. все еще составляла довольно значительный процент, в 1931 г. упала до 1,6%, а в 1932 г. составит всего 0,1%.

Здесь мы имеем наглядное выражение закономерности нашего советского хозяйства, состоящей в расширенном воспроизводстве социалистических отношений, одновременно по-социалистически переделывающем отношения мелкотоварных производителей и постепенно сводящем на-нег воспроизводство капиталистических элементов. У нас стало невозможным не только расширенное воспроизводство, но даже и простое воспроизводство частнокапиталистического сектора. Он стал воспроизводиться на все более суженной основе и постепенно идет ко дну.

Если доля социалистического сектора в народном доходе в 1928 г. в абсолютных размерах составляла 14 924 млн. руб., а доля частного сектора — 11 493 млн. руб., то в 1932 г. первая составит уже 44 843 млн. руб., выросши в 3 раза, а вторая составит только 4 598 млн. руб., сократившись в 2 с лишним раза. Вот где дана наглядная диалектика нашего развития. Источники этого роста лежат в бурном развитии социалистических производительных сил и развертывании социалистических производственных отношений. Они лежат в том огромном упорстве и энтузиазме, с которым рабочий класс нашей страны, ведущий за собой многомиллионное трудящееся крестьянство строит социализм, сокрушая всяческое противодействие классовых врагов.

«Социализм,— писал Ленин,— таит в себе гигантские силы и... человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» (т. XXVII, стр. 415). Мы несомненно находимся пока только в самом начале развертывания этих «гигантских сил», но уже имеем блестящее подтверждение этого ленинского предсказания.

Мы далеко еще не завершили техническую реконструкцию всего народного хозяйства,— это является основной задачей второй пятилетки. Однако за первую пятилетку, в результате такого перераспределения народного дохода, мы добились колоссального роста продукции тяжелой индустрии. В 1932 г. валовая продукция по группе «А» составит 20,53 млрд. руб. против 5,86 млрд. руб. в 1928 г., т. е. возрастет на 250% (цены 1926/27 г.).

Наряду с этим бурным ростом накоплений «у нас происходил также и рост потребления трудящихся. С 22 331 млн. руб. в 1928 г. доля эта возрастает до 27 188 млн. руб. в 1932 г., дав прирост 21,8% (цены 1926/27 г.). Но эти цифры сами по себе далеко еще не отражают, разумеется, картины роста потребления рабочего класса.

Прежде всего здесь нужно иметь в виду, что наряду с общим ростом народного дохода и его доли потребления за годы первой пятилетки, систематически сокращался доход частнокапиталистических элементов, а следовательно сокращалось и их потребление. Поэтому наряду с общим ростом потребления происходили сдвиги в сторону повышения удельного веса потребления трудящиеся и рабочего класса в особенности. Нельзя забывать того, что доля частнокапиталистических элементов в народном доходе в 1928 г. была все еще значительна. Нэпман, торговец, кулак тогда еще приоваливали в свою пользу значительную часть общественного продукта. Так, в народном доходе 1927/28 г., составлявшем 25 775 млн. руб., доходы городской буржуазии составляли 609 млн. руб. В 1927 г. во всем урожае по хлебу, составлявшем 4 749 млн. пуд., кулацкое производство занимало 617 млн. пудов, т. е. 13%. На основании этих данных для 1928 г. долю всех эксплуататорских элементов в совокупном народном доходе можно было бы определить приблизительно в 8—9%.

За годы первой пятилетки мы неуклонно и систематически снижали долю паразитических элементов в потреблении и повышали долю трудящихся. В результате к концу пятилетки мы почти полностью уничтожаем непроизводительное потребление паразитических элементов, сведя долю частнокапиталистических элементов в народном доходе к 0,1%. Понятно, что за счет этого уничтожения происходит значительно более быстрый, чем это показывает общий прирост в 21,8%, рост потребления трудящихся.

Одновременно с этим не могла не сказаться также и наша политика преимущественного снабжения рабочих и промышленных центров. Благодаря этому мы имеем значительный рост потребления рабочего класса. Правда, в отношении организации рабочего снабжения мы имеем еще много недостатков, которые должны быть устранены на основе всемерного развертывания советской торговли. Последнее должно также окончательно выбить частного из бюджетного набора рабочего, где он, пользуясь нашими недостатками, занимал еще до последнего времени значительное место. Наша политика преимущественного снабжения потребительскими товарами рабочих ставила и ставит своей целью более быстрый рост потребления тех групп трудящихся, которые играют наиболее важную роль в осуществлении производственных планов в нашем социалистическом наступлении. Мы осуществляем так же преимущественное снабжение ударников.

За годы первой пятилетки происходит значительное улучшение и повышение материального и культурного уровня рабочего класса. Так, если взять данные о величине зарплаты, то мы имеем следующую картину:

Движение фонда зарплаты и численности рабочих и служащих
(по учитываемым категориям)

Показатели	1928	1929	1930	1931	1932
Общая сумма фонда зарплаты (в млн. руб.)	8 112	9 654	13 495	19 942	26 800
Общая численность рабочих и служащих (в тыс. чел.)	11 552	12 394	14 462	18 108	22 296
Среднегодовая зарплата (в руб.) .	702	779	933	1 101	1 202

Из таблицы видно, что темпы роста фонда зарплаты из года в год повышались. 1929 г. против 1928 г. дал прирост на 19%. 1930 г. против 1929 г. — на 39,8%; 1931 г. против 1930 г. — на 47,8%; план 1932 г. намечает дальнейший рост на 34,5%. В итоге первая пятилетка дает колоссальный рост фонда зарплаты рабочих и служащих; фонд зарплаты в 1932 г. против 1928 г.

возрастает на 230%. Это, естественно, привело к значительному возрастанию доли рабочего класса в совокупном народном доходе.

Среднегодовая зарплата 1932 г. против 1928 г. возрастает на 71,2%.

Но рост фонда зарплаты не дает однако еще всей картины роста потребления рабочего класса. Значительная часть потребностей рабочих удовлетворяется через так называемый социализированный фонд зарплаты. Последний в 1927/28 г. составлял 32% к номинальной зарплате, а в 1932 г. составит уже 37,5%. Сумма социализированного фонда зарплаты на душу рабочего населения возрастает в 1932 г. против 1927/28 г. на 89%. Таким образом, кроме своей зарплаты, рабочий получает еще в форме различных непосредственно-материальных и культурных услуг дополнительно больше, чем треть зарплаты.

Нужно также отметить рост числа работающих членов рабочей семьи как обстоятельство, повышающее уровень потребления всей семьи. Коэффициент занятости в рабочей семье (из 4 чел.) в 1930 г. составлял 1,33, в 1931 г.—1,5, в 1932 г. (по плану) составит 1,63.

Как крупнейший фактор улучшения материального и культурного уровня и роста потребления рабочего класса в целом должна быть указана полная ликвидация в СССР за эту пятилетку безработицы, этого проклятого наследия капитализма. Это обстоятельство особенно резко выступает на фоне все большего роста безработицы в капиталистических странах, достигающей десятков миллионов людей. Одновременно за первую пятилетку все рабочие нашей страны переходят на семичасовой рабочий день.

Как серьезнейший фактор улучшения жизненных условий рабочих должен быть отмечен систематический рост жилищного строительства. По промышленности ВСНХ в жилищное строительство вложено: в 1928 г.—140 млн. руб., в 1929 г.—175 млн. руб., в 1930 г.—300 млн. руб., в 1931 г.—575 млн. руб. и в 1932 г. (по плану по всей промышленности) —1 168 млн. руб. Жилищные условия являются одним из важнейших факторов, определяющих материальный и культурный уровень рабочих и производительность их труда. На основе роста производительных сил социалистического хозяйства мы добились значительных успехов в этом деле. По пятилетке была намечена постройка новой жилплощади на 16,5 млн. кв. м. Но уже за истекшие 3 года построено 16,8 млн. кв. м, а за все 4 года будем иметь 32—33 млн. кв. м.

Одной из ярких характеристик роста потребления рабочего класса и всех трудящихся нашей страны являются данные по отрасли общественного питания.

Доля отрасли общественного питания в совокупном народном доходе с 0,3% (от всего народного дохода) в 1928 г. возрастает до 1,07% в 1932 г., т. е. увеличивается в 3,5 раза. По абсолютным данным народный доход отрасли общественного питания дает прирост на 563%, увеличившись с 80 млн. руб. в 1928 г. (в неизменных ценах) до 530,6 млн. руб. в 1932 г.

Общественное питание является такой отраслью, доля которого в народном доходе за первую пятилетку дает наибольший рост, чем всякая другая отрасль. В эти годы общественное питание не только имеет огромный абсолютный прирост, но также значительно увеличило свою долю в отношении остальных отраслей. В этом отношении отрасль общественного питания идет впереди всех остальных.

Одновременно с этим колоссальным ростом происходило быстрое сокращение удельного веса в нем частного сектора: с 27,5% в 1928 г. доля частного сектора падает до 1% в 1932 г.

Эти данные характеризуют огромное расширение охвата трудящихся общественным питанием и сокращение (почти сведение на-нет) доходов частного капитала, идущих на непроизводительное потребление. К концу пяти-

летки общественное питание почти целиком будет сосредоточено в обобщественном секторе, что имеет весьма важное значение. Одновременно такой рост общественного питания создает условия для освобождения женщины от домашней кухни и превращает миллионы женщин в активных участников социалистического строительства. Это в свою очередь содействует быстрому повышению материального уровня рабочей семьи и культурного уровня трудящихся женщин, являвшихся до сих пор в этом отношении самой отсталой группой.

Все эти успехи по линии роста потребления в СССР составляют резкий контраст тому обнищанию рабочих масс и разорению миллионов трудящихся мелких производителей, которые происходят во всех без исключения странах капитализма и которые как раз в эти годы принимали особенно чудовищные размеры. Капитализм все более обрекает десятки и десятки миллионов трудящихся на голод, на культурную деградацию, на одичание и т. п. Социализм дает систематический рост потребления всех трудящихся, дает огромный размах общего роста культурного уровня населения.

Но, несмотря на значительные достижения по линии роста потребления рабочего класса и всех трудящихся, мы однако ни в коем случае не можем удовлетвориться достигнутым. Потребности трудящихся растут у нас быстрым темпом, и иначе при социалистической системе хозяйства и не может быть. Наряду с общим ростом производительных сил у нас интенсивно растут и потребности трудящихся, как материальные, так и культурные.

Исходя из специфических условий и задач первой пятилетки, мы по необходимости обязаны были сделать ударение на тяжелой индустрии. Это, разумеется, нашло свое отражение в темпах роста легкой индустрии. По состоянию производительных сил нашей страны и по соотношению классовых сил, мы за первую пятилетку не могли повышать личное потребление в такой мере, в какой это требуется ростом потребностей трудящихся масс.

XV съезд партии прямо поставил тогда перед рабочим классом вопрос о соотношении между производством и потреблением, неизбежно вытекающем из конкретных исторических условий нашего социалистического строительства. В своих директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства XV съезд партии указывал, что «в области соотношений между производством и потреблением необходимо иметь в виду, что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого». «В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии» съезд считает «правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства». Съезд подчеркивал, что «в первую очередь должно быть усилено производство средств производства». В директивах указывалось на необходимость «перераспределения в пользу индустрии народного дохода». Следовательно XV съезд партии со всей большевистской четкостью и ясностью сделал ударение на необходимости за первую пятилетку развить нашу тяжелую индустрию, наладить собственное производство средств производства.

Разрешение этой задачи, разумеется, ни в коем случае не могло идти за счет ухудшения потребления рабочего класса и трудящегося крестьянства, как того, по существу, требовали тогда троцкисты. Директивы съезда исходили из необходимости систематического роста этого потребления. Стоя последовательно на позициях марксистско-ленинской диалектики, съезд отводил вопросу о потреблении подчиненное место, ибо потребление всегда определяется производством, а в производстве решающим является производство средств производства. «Правильное решение, — указывает поэтому съезд, — центральных проблем пятилетнего плана обуславливает такое возрастание народного дохода и его распределение, которое обеспечивает рост благосостояния рабочего класса, беднейшего и

среднего крестьянства при сохранении максимально возможного темпа развития всего народного хозяйства»⁷.

Иного решения задачи нашего хозяйственного развития по социалистическому пути и не могло быть. Всякое иное решение привело бы нас на путь капиталистической реставрации, будь то по рецептам контрреволюционного троцкизма или правого оппортунизма — агентуры кулака.

Без разрешения проблемы тяжелой индустрии мы не могли разрешить проблему легкой индустрии, проблему форсирования производства предметов широкого потребления. Для того чтобы форсировать последнее, нам необходимо было, во-первых, создать собственную базу производства средств производства для легкой индустрии, если только исходить не из установки превращения нашей страны в придаток капитализма. Во-вторых, необходимо было нам создать соответствующую сырьевую базу для легкой индустрии, ибо не могли же мы в самом деле развивать ее за счет импортного сырья.

Для того чтобы обеспечить создание этой сырьевой базы, необходимо было коренным образом реконструировать на социалистических началах наше отсталое сельское хозяйство, ибо мелкотоварное крестьянское хозяйство было неспособно удовлетворить растущие быстрым темпом нужды промышленности. А разрешение задачи социалистической реконструкции сельского хозяйства в свою очередь упиралось в проблему нового инвентаря сельского хозяйства, в проблему сельхозмашин, в проблему тракторов, комбайнов и т. д. Следовательно, для того чтобы осуществить эту коренную реконструкцию сельского хозяйства, необходимо было опять-таки быстрым темпом двигать вперед нашу тяжелую индустрию. Необходимо было создать новую, более высокую передовую техническую базу как для самой легкой индустрии, так и для ее сырьевой базы. Отсюда совершенно ясна та ведущая роль, которая принадлежит производству средств производства в деле коренной реконструкции всего народного хозяйства, в деле социалистической переделки сельского хозяйства в особенности. Отсюда совершенно понятно также, почему партия выдвинула тяжелую индустрию как основное звено, ухватившись за которое, мы сможем вытянуть всю цепь, сможем быстрым невиданным темпом двинуть вперед личное потребление широких масс трудящихся.

На основе достигнутых успехов в деле индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства партия сейчас выдвинула в качестве одной из центральных задач развертывание более быстрым темпом и легкой индустрии и дальнейший, более быстрый рост потребления трудящихся. «Нельзя отрицать, что в области жилищного строительства и снабжения рабочих сделано за последние годы немало. Но того, что сделано, недостаточно для того, чтобы покрыть быстро растущие потребности рабочих. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей»⁸.

Производство и потребление во вторую пятилетку

Анализ соотношения роста производства и потребления в первую пятилетку и сопоставление его с директивными установками второй пятилетки с наглядной убедительностью вскрывают внутреннее диалектическое единство и специфический характер производства и потребления в стране строительства социализма. В этом отношении первая пятилетка и директивы второй пятилетки представляют собой богатейший материал для исследователя при изучении марксистско-ленинской теории воспроизводства. Материалы первой

⁷ Савельев и Поскребышев, Директивы, стр. 410 — 418.

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 756

пятилетки и директивы партии для составления второй пятилетки являются непревзойденным образцом гениального применения марксистско-ленинской экономической теории на практике социалистического строительства и вместе с тем дальнейшим развитием этой теории, обогащая ее новым опытом на новом этапе строительства социализма. Директивы партии по второй пятилетке с предельной сжатостью изложения и вместе с тем с непревзойденной глубиной и ясностью вскрывают диалектическую взаимозависимость роста производства и личного потребления, обусловливаемого совокупностью конкретных социально-экономических условий внутреннего и внешнего порядка и основных задач данного этапа социалистического строительства. Директивные указания о более быстром подъеме благосостояния трудящихся и в частности утроение душевого потребления органически увязаны со всеми основными установками пятилетки, с ее особенностью, и целиком из них вытекают. На основе достигнутых успехов первой пятилетки XVII партконференция выдвинула в качестве основной политической задачи второй пятилетке окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще. Эта важнейшая политическая задача, как указывают директивы, может быть выполнена лишь на базе развернутой технической реконструкции всего народного хозяйства.

Громадные успехи, достигнутые в этом отношении партией и рабочим классом в первую пятилетку, являются, как гласят директивы, «лишь началом осуществления технической реконструкции народного хозяйства». Завершение реконструкции всего народного хозяйства и создание технической базы для всех отраслей народного хозяйства, рассматривается в директивах как «основная и решающая хозяйственная задача».

Исходным и определяющим моментом развертывания всех отраслей народного хозяйства являются отрасли, играющие ведущую роль в завершении технической реконструкции всего народного хозяйства, и прежде всего отрасль советского машиностроения. Чтобы обеспечить полную реконструкцию всех отраслей хозяйства на основе советского оборудования, наше машиностроение должно быть увеличено не менее чем в 3—3½ раза. Далее идет производство электроэнергии, достигающее 100 млрд. квтч против 17 млрд. квтч 1932 г., (увеличение в 6 раз); добыча каменного угля возрастает почти в 3 раза, нефти в 2½—3 раза; выплавка чугуна — 22 млн. т как минимум против 9 млн. т по плану 1932 г. По ж.-д. транспорту намечается коренная техническая реконструкция, развертывание строительства новых железных дорог и перевод ряда важнейших дорог на электрическую тягу.

Такое развертывание ведущих отраслей создает прочную материально-техническую базу для невиданного развертывания и легкой индустрии. Говоря о перспективах развертывания легкой и пищевой промышленности во вторую пятилетку, необходимо особенно подчеркнуть колоссальное значение успехов, одержанных партией в области коллективизации. Разрешение одного из основных противоречий нашей экономики, вытекающего из наличия двух разных основ — крупной социалистической промышленности и раздробленного мелкокрестьянского хозяйства — открывает перспективу интенсивного развития производительных сил социалистического земледелия и подводит мощную сырьевую базу под социалистическую промышленность.

Намеченные в директивах удвоение производства хлопка, льна, утроение производства сахарной свеклы, дальнейшее развертывание животноводства обеспечивающее разрешение в основном животноводческой проблемы, — все это наряду с подведением высокой технической базы советского оборудования дает полную возможность развертывания легкой и пищевой про-

мышленности в таком размере, чтобы «обеспечить утроение норм душевого потребления».

Таким образом, получается гигантский рост материального и культурного благосостояния трудящихся, отнюдь не свертывание темпов роста тяжелой промышленности, как это предлагали правые оппортунисты, а на основе достигнутых успехов развития тяжелой промышленности и дальнейшего ускорения ее роста — развертывание и опромный размах и легкой промышленности.

Систематически повышая материальное благосостояние трудящихся, партия вместе с тем в первую пятилетку основной упор делала на тяжелую индустрию, осуществляя курс на создание собственной тяжелой индустрии, «без которой мы как самостоятельная страна погибли бы» (Ленин). «До сих пор, мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, чтобы восстановить тяжелую индустрию»⁹. Лишь на основе разрешения этой главной и все подчиняющей себе задачи мы получили возможность двинуть быстрыми темпами и легкую промышленность. В этом диалектическом движении соотношения тяжелой и легкой промышленности в первую и вторую пятилетки нагляднейшим образом вскрываются их внутренняя закономерность и принципиально отличный от капитализма характер соотношения производства и потребления.

Известно, что капиталистической системе присуще антагонистическое противоречие между производством и потреблением, которое является неотъемлемой частью его всеобщего противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Капиталистическое производство имеет непосредственной своей целью и основным движущим мотивом получение прибыли, а потребление трудящихся является лишь моментом воспроизводства капитала. Стоимость рабочей силы, т. е. необходимый прожиточный минимум, и данный размер переменного капитала — вот предел и граница участия рабочего класса в потреблении.

«Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, — говорит Ленин, — что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс»¹⁰.

Интенсивный рост производительных сил сопровождается при капитализме ростом эксплуатации, повышением чрезмерной интенсивности труда, ростом безработицы и падением заработной платы ниже необходимого прожиточного минимума. Одним словом, рост материального производства не только не сопровождается соответствующим ростом материального благосостояния трудящихся, но вызывает прямо противоположное явление — абсолютное обнищание рабочих. «Рабочие, — говорит Ленин, — нищают а б с о л ю т н о, т. е. становятся прямо-таки беднее прежнего, вынуждены жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам» (т. XVI, стр. 212). Это абсолютное обнищание рабочих, о котором говорил Ленин в 1912 г., особенно возросло в послевоенный период капитализма и достигло ужасающих размеров в период современного мирового кризиса. Достаточно указать на прогрессивно растущую мировую безработицу, которая перевалила за 40 млн. чел.; достаточно указать на огромное количество так называемых полужанярых рабочих, которые работают в неделю не более 2—3 дней; достаточно указать на катастрофическое падение заработной платы остальной пока еще занятой рабочей массы, которая (зарплата) в Соединенных штатах снижена за последние 2 года на 37%, — чтобы оценить всю глубину антагонистических противоречий капиталистической системы.

⁹ Сталин, Доклад на XVI партсезде.

¹⁰ Ленин, т. II, стр. 498.

Наглядную иллюстрацию этого антагонистического противоречия Маркс дает в своих знаменитых схемах расширенного воспроизводства, где, как говорит Ленин, «ясно показано..., что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления»¹⁰.

Когда Маркс отводит ведущую роль I подразделению и норму накопления капитала II подразделения подчиняет норме накопления I, то он этим вместе с тем иллюстрирует также материально-производственное выражение антагонистического противоречия между производством и потреблением. Если Роза Люксембург видела в более быстром росте I подразделения лишь всеобщий закон человеческого прогресса, то Ленин вскрыл в этом антагонистическую форму капиталистических противоречий.

Но примат производства над потреблением, являясь безусловным законом всякого общественного производства, проявляется по-разному в различных общественных формациях, действует на основе специфических экономических законов в каждой данной общественной формации.

Каждый общественный способ производства придает ему особый характер и специфическую форму выражения. При капитализме он приобретает антагонистическую форму выражения специфического противоречия между ростом материальных производительных сил и ограниченной возможностью утилизации их трудящимися массами.

Рабочий класс в нашей стране экспроприировал экспроприаторов и, уничтожив основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения, тем самым уничтожил и антагонизм между производством и потреблением. Окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще во вторую пятилетку означает, что во всем народном хозяйстве весь вновь созданный продукт «идет не классу собственников а всем трудящимся, и только им»¹¹. «Социалистическое общество есть производственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельского хозяйства» (Сталин).

При социализме удовлетворение потребностей как непосредственная цель социалистического производства часто толкуется сугубо упрощенно, односторонне и потому неправильно. Некоторые считают, что раз при социализме мотивом производства является не получение прибыли как непосредственная цель этого производства, а удовлетворение потребностей самих трудящихся масс, то «при социализме необходимо брать за исходный пункт потребление как базу» (Преображенский), т. е. исходить из нормы душевого потребления.

Такое представление о соотношении производства и потребления при социализме ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Оно является результатом грубо механистического понимания единства производства и потребления и приводит к разрыву с основными положениями материалистической диалектики. Если, мол, при капитализме, потребление следует за производством, то при социализме, наоборот, производство должно следовать за потреблением; если при капитализме напряжение производства определяет границу потребления, то при социализме самоудовлетворение (независимо от производства) растущие потребности определяют собой размер и границы производства; если с точки зрения капиталистического производства ведущим началом является I подразделение — производство средств производства, то «с точки зрения социалистического общества мы должны подойти к делу не с подразделения I, а с подразделения II»¹².

¹⁰ Ленин, т. II, стр. 498.

¹¹ Ленин, Ленинский сборник XI.

¹² Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 118.

Одним словом, получается, что достаточно представить дело в противоположном капитализму смысле, чтобы проблема производства и потребления при социализме обнажила свой архипотребительский характер. Подобные рассуждения игнорируют прежде всего то обстоятельство, что социализм является лишь первой фазой коммунизма, когда наряду с удовлетворением все растущих потребностей трудящихся масс предстоит еще развить производительные силы до таких размеров, чтобы подготовить переход к высшей фазе коммунизма. Но эти рассуждения не являются правильными применительно к коммунизму. Примат производства над потреблением не утрачивает как таковой своего значения ни при социализме, ни при коммунизме, ибо это есть общее положение материалистической диалектики, лежащее в основе всех исторических законов развития различных общественных формаций.

Отрасли производства орудий производства всегда будут являться источником технического прогресса для всех остальных отраслей общественного производства. Интенсивное развитие всех остальных отраслей возможно будет лишь в той мере, в какой отрасли, производящие орудия производства, в состоянии будут снабдить их более усовершенствованными орудиями. Потребление в каждый данный момент будет ограничено данным уровнем развития производительных сил. Оно будет возрастать по мере роста производительных сил не только в том смысле, что недостаточно иметь желание потреблять, а нужно иметь еще материальную возможность производства, соответственно потребностям, но и в том смысле, что сами эти новые потребности будут возникать вследствие дальнейшего развития производительных сил: интенсивное развитие производства создает новые потребности. «Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается производством не только объективно, но и субъективно. Производство создает таким образом потребление. Предмет искусства, а также всякий другой продукт создает понимающую искусство и способную наслаждаться красотой публику. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъекта для предмета»¹³.

Эту ведущую роль производства в отношении потребления подчеркивает и Энгельс в «Принципах коммунизма». «Расширение производства... тогда (с устранением капиталистической собственности.— Авторы) окажется недостаточным и должно будет расширяться еще более. Вместо того чтобы вызывать бедствия, перепроизводство, выходящее за пределы ближайших потребностей общества, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех граждан, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения»¹⁴. Эта ведущая роль производства в полном соответствии с учением основоположников марксизма последовательно проведена, также и в директивах по составлению второй пятилетки.

Мы уже видели, что там за исходный момент взято развертывание ведущих отраслей — машиностроения, энергетики, металла которым обособно выделяются развертывание всех остальных отраслей народного хозяйства и рост душевого потребления. Игнорирование необходимости развертывания ведущих отраслей, отрыв и противопоставление потребления необходимости развития тяжелой индустрии не только теоретически неправильно но и политически непрагматично и вредно.

Непрерывное улучшение положения трудящихся масс, которое по мере развития производства будет все более и более возрастать, является в то же время важнейшим стимулом, ускоряющим развитие самого производства. «Истинная конкуренция — это отношение потребительной

¹³ Маркс, К критике политэкономии, стр. 17.

¹⁴ Маркс — Энгельс, Соч., т. V, стр. 477.

силы к производительной силе. В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой»¹⁵.

Непрерывный и все ускоряющийся рост материального благосостояния трудящихся предполагает прежде всего качественный рост потребления широких трудящихся масс.

«В будущем обществе,— говорит Маркс,— где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимого на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство того и иного предмета, будет определяться степенью его полезности»¹⁶.

Ставя перед собой задачу добиться утроения душевого потребления, партия придает вместе с тем особо важное значение улучшению качества питания.

«При общем росте потребления продуктов питания особо важно,— подчеркивает т. Куйбышев в докладе на XVII партконференции,— радикальное изменение структуры питания в сторону значительного улучшения за счет уменьшения потребления доли наиболее питательных, наиболее легко усваиваемых организмом человека продуктов. Особо значительно должно возрасти потребление таких видов продуктов питания, как мясо, молоко, фрукты, яйца и др.»

Осуществление этих задач возможно на основе всемерного развертывания советской торговли. Обеспечить быстрый рост потребления рабочих и всех трудящихся путем выявления и развертывания новых источников снабжения предметами широкого потребления — такова задача советской торговли во вторую пятилетку.

* * *

Задачи второй пятилетки поистине грандиозны. Они воздвигают перед трудящимися всего мира картину величайших побед пролетариата СССР. Они вызывают новый мощный подъем творческого энтузиазма рабочих и всех трудящихся нашей страны.

Вторая пятилетка ставит перед нами еще более высокие задачи классовой борьбы — задачи полной ликвидации классов вообще. Это не легкие задачи. Мы должны в корне уничтожить все капиталистические элементы, всякую эксплуатацию. Гибнущие остатки капитализма будут оказывать отчаянное сопротивление, которое мы должны решительно и беспощадно сокрушать.

Мы должны коренным образом переделать и перевоспитать крестьянство, ставшее сейчас в основном уже колхозным крестьянством. Это — труднейшая задача. Здесь необходимо в корне преодолеть всякие кулацкие влияния, всяческие проявления собственнических, антисоциалистических навыков и тенденций. Здесь необходима упорная и непрерывная борьба за уничтожение всех этих наследий капитализма, борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, являющееся центральной задачей для колхозов во вторую пятилетку, борьба за последовательное внедрение и упрочение пролетарской дисциплины и социалистического труда в колхозах.

Задачи культуры, воспитания, переделки сознания являются важнейшими задачами классовой борьбы во вторую пятилетку. Пролетариат под руководством большевистской партии не только по-социалистически переделывает и перевоспитывает все трудящиеся массы и прежде всего крестьянство, но перевоспитывается и сам в процессе этой борьбы. Он подтягивает свои более отсталые слои к передовым рядам, борется за преодоление мелкобуржуазных настроений в своей среде, переделывает в проле-

¹⁵ Маркс — Энгельс, Соч., т. II, стр. 310.

¹⁶ Маркс, Ницета философии, Соч., т. V, стр. 326.

тарском духе миллионы трудящихся, вливающих в его ряды. В этой классовой борьбе рабочий класс подготавливает изживание и себя как класса во вторую пятилетку. Все трудящееся население страны превращается «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Разрешение всех этих задач классовой борьбы наряду с неизбежностью еще большего, дальнейшего обострения противоречий между СССР и капиталистическим миром диктует нам упрочение всей системы диктатуры пролетариата, упрочение государственной власти, еще большее единство и монолитность большевистской партии на ленинских позициях, еще больший охват партийным руководством всех сторон хозяйственной и общественной жизни. Всякие оппортунистические разговоры об ослаблении пролетарской диктатуры, ослаблении большевистской принципиальности, притуплении партийной бдительности, о размагничении пролетарских рядов получают сокрушительный отпор.

Партия со всей большевистской непримиримостью будет бороться против всяческих отклонений от ее линии, представляющих собой выражение буржуазного влияния на пролетариат и всех трудящихся. Партия направляет главный огонь борьбы против правого оппортунизма, являющегося главной опасностью на данном этапе, пытающегося снизить наши темпы и помешать в деле ликвидации капиталистических элементов. Одновременно партия ведет самую решительную борьбу против оппортунистической антибольшевистской «левой» фразы, игнорирующей упорную, систематическую работу по перевоспитанию и переделке и т. д., перескакивающей через непройденные этапы. Таким образом, лозунгом партии остается борьба на два фронта — против правых как главной опасности и против «левых» фразеров.

Только при этом условии мы сможем разрешить все грандиозные задачи второй пятилетки и добиться построения социалистического общества в СССР.

Д. РОЗЕНБЕРГ

МЕНОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЕЕ ВАРИАНТАХ

I. Кое-что из истории политической экономии

Предметом исследования буржуазной политической экономии в период ее возникновения было только обращение. Маркс об этом говорит следующее:

«Первая теоретическая разработка современного способа производства — меркантильная система — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явления, отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще, отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»¹.

Меркантилисты как теоретики торгового капитала исходят из формы движения этого капитала: $D—T—D'$. Процесс обращения капитала они представляли как кругооборот, состоящий только из двух фаз обращения: $D—T$ и $T—D''$. Поэтому они считали обращение источником прибыли и источником богатства вообще. А это у них еще увязывалось с их представлением о богатстве как накоплении денег. Действительно для купца купля и продажа товаров есть лишь средство для увеличения своего денежного капитала, для превращения D в D' : он бросает в обращение меньшую сумму денег и извлекает оттуда больше денег.

Но постепенно торговый капитал начинает овладевать производством; купец начинает, выражаясь на современном языке, контролировать подпавших под его власть мелких товаропроизводителей — ремесленников-кустарей; появляется так называемая капиталистическая домашняя промышленность. И политическая экономия не может игнорировать процесса производства; на смену ранним меркантилистам приходят позднейшие меркантилисты (систему ранних меркантилистов Маркс называет монетарной, а систему позднейших — меркантильной). Кругооборот капитала только в форме $D—T—D'$: уже не соответствует действительности; купец уже не ограничивается только куплей и продажей готовых изделий; он покупает и сырье, которым снабжает зависимых от него мелких товаропроизводителей; он также часто снабжает их и орудиями труда. Следовательно кругооборот его капитала уже начинает принимать форму $D—T... T'—D''$. Из этой формы движения капитала уже фактически исходят позднейшие меркантилисты, т. е. представители меркантильной системы.

Хотя кругооборот капитала становится, так сказать, более развернутым, он не ограничивается больше одними фазами обращения. Однако производство представляется еще, во-первых, как нечто подчинен-

¹ «Капитал», т. III, ч. I, стр. 260; изд. 1929 г.

ное, — примат представляется принадлежащим обращению; во-вторых, весь кругооборот капитала, все еще омырашен, если можно так выразиться, исключительно в денежный цвет; и исходный и конечный его пункты суть деньги, а все движение капитала выступает как процесс с а м о в о з в р а щ е н и я денег.

Характеризуя односторонность кругооборота денежного капитала, т. е. Д—Т... П... Т' «Д'э Маркс пишет: «Производственный процесс (в этом кругообороте.— Д. Р.) является необходимым злом, неминуемым средством для деления денег. (Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают манию мошенничеств, при помощи которых они рассчитывают совершать делание денег «без посредства производственного процесса»)»².

Конечно и в эту эпоху — эпоху господства торгового капитала — в конечном счете обращение определялось производством, а не наоборот. Само господство торгового капитала обусловлено было состоянием производства. Ленин пишет: «При ничтожном развитии товарного производства мелкий производитель ограничивается сбытом изделий на мелком местном рынке, иногда даже сбытом непосредственно в руки потребителя. Это — низшая стадия развития товарного производства, едва выделяющегося из ремесла. По мере расширения рынка такой мелкий раздробленный сбыт (находившийся в полном соответствии с мелким раздробленным производством) становится невозможным. На крупном рынке сбыт должен быть крупным, массовым. И вот мелкий характер производства оказывается в непримиримом противоречии с необходимостью крупного, оптового сбыта. При данных общественно-хозяйственных условиях, при изолированности мелких производителей и разложении их, это противоречие не могло решиться иначе, как тем, что представители зажиточного меньшинства забрали сбыт в свои руки, концентрировали его; скупая изделия (или сырье) в массовых размерах, скупщики таким образом удешевляли расходы сбыта, превращали сбыт из мелкого случайного и неправильного в крупный и регулярный, — и это чисто экономическое преимущество крупного сбыта неизбежно повело к тому, что мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала»³.

Но капитал постепенно овладевает производством. На историческую арену выступает промышленный капитал, роль же торгового капитала коренным образом меняется. Маркс об этом пишет:

«При капиталистическом способе производства, т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму, купеческий капитал является лишь капиталом с особой функцией. При всех прежних способах производства — и тем в большей мере, чем больше производство есть непосредственно производство средств существования для самого производителя — купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence*»⁴.

Совершается переворот и в политической экономии, — «теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства». Переход этот сделан был физиократами, и Маркс вполне заслуженно называет их «отцами современной политической экономии». Источником богатства, следовательно и прибыли, физиократы уже считают только производство. В обращении, по их воззрениям, происходит лишь распределение производственного прибывающего продукта; обращение является также необхо-

² Маркс, Капитал, т. II, стр. 23.

³ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 297.

⁴ «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 251.

димым условием непрерывности производства, т. е. воспроизводства. И физиократы ставят себе грандиознейшую задачу: изобразить производство, обращение и распределение всего общественного продукта в целом.

Но свое научное здание физиократы стали строить с... крыши. Не имея еще представления о товаре, деньгах, капитале вообще, они уже пытаются дать анализ общественного капитала. В этом была их сила и их слабость. Они сразу становятся неизмеримо выше меркантилистов; ими отбрасываются все иллюзии последних, питаемые наблюдениями за поверхностью явлений, в частности за сферой обращения индивидуального капитала. Но ими отрывается содержание от формы; капиталистическое производство представляется ими как производство вообще, как естественно-технический процесс, являющийся условием существования всякого общества. Более того, их исключительный натурализм в понимании производства выражается еще в том, что они под производством понимают только сельскохозяйственное производство, где по их представлениям происходят рост и увеличение самой материи.

«Так как, — говорит Маркс, — заслугой и отличительным признаком физиократии является то, что она выводит ценность и прибавочную стоимость не из обращения, а из производства, то она по необходимости в противоположность монетарной и меркантильной системам начинает с той отрасли производства, которая вообще может быть рассматриваема отдельно, вне зависимости от обращения и условием которой служит обмен не между людьми, а между человеком и природой»⁵.

Положив в основу своих исследований отрасль производства, «которая вообще может быть рассматриваема отдельно, вне зависимости от обращения», физиократы тем самым лишили себя возможности понять процесс обращения капитала, особенность разных форм капитала и разных форм самого кругооборота капитала. Обращение общественного капитала изображается ими, правда, в форме кругооборота товарного капитала: $T' — D' — T... P... T'$, но последний для них не является особой формой капитала в отличие от других форм капитала; они лишь ошупью подходят к этой форме кругооборота капитала, единственно пригодной для изображения движения общественного капитала.

Если меркантилисты за обращением не видят производства, то физиократы, наоборот, за производством не видят обращения; последнее для физиократов, как производство для меркантилистов, — лишь необходимое условие, «неизбежное зло». И если для меркантилистов богатство есть скопление денег, то для физиократов оно — скопление материальных благ. Правда, последние должны пройти через каналы обращения, но обращение не обусловлено самим способом производства, а существует рядом с производством и выполняет определенные функции, — функции необходимые, но не имеющие отношения к сущности самого производства.

Классическая буржуазная политическая экономия в лице Смита и Рикардо продолжает двигаться по пути, проложенному физиократами. Основным предметом исследования является производство. И в то же время делается и дальнейший значительный шаг вперед: Смит, а вслед за ним и Рикардо свои исследования переносят в «те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается». Им они уже не кажутся «непроизводительными»⁶ и «простыми придатками земледелия». Более того,

⁵ «Теория прибавочной ценности», т. 1, стр. 40.

⁶ Физиократы считали производительным только труд в земледелии, труд в других отраслях производства они считали бесплодным вследствие его непроизводительности; в промышленности меняется форма вещей, но само вещество не увеличивается, а в земледелии увеличивается сама материя.

ренту — доход земельных собственников — Рикардо уже сводит к части прибыли (Смит еще считал источником ренты большую производительность труда в земледелии), к добавочной прибыли, которую дают лучшие и средние участки земли в сравнении с худшими. Между тем для физиократов единственной и всеобщей формой дохода (нетрудового) была рента; прибыль как определенная категория Кенэ еще не признается.

Объясняется это в первую очередь тем, что капитализм в Англии, родине Смита и Рикардо, был гораздо более развит, чем во Франции, родине физиократов. Капитализм в Англии уже успел покончить с феодализмом, в недрах которого он возник, и классическая политическая экономия уже не является «как бы буржуазным воспроизводством феодальной системы господства земельной собственности».

Английский капитализм, представляя могучую мировую силу, базировался на широко разветвленной международной торговле, пронизавшей своими щупальцами почти все части земного шара. Поэтому у классиков иное отношение к обращению, в частности к торговле. Правда, и они (особенно Смит) довольно резко полемизируют с меркантилистами, но их борьба направлена против исключительности меркантильной системы, т. е. в той мере, в какой эта система была выражением господства торгового капитала. Классики как идеологи промышленного капитала не отрицают и не могут отрицать значение торгового капитала, но ставят последний, что называется, на н а д л е ж а щ е е м е с т о.

Классики не отрицают значения торгового капитала, но сущность капиталистического обращения как такового ими не понята; более того, они даже не подозревают, что тут есть какая-нибудь проблема. В этом отношении они не продвинулись ни на шаг дальше физиократов. Смигу и Рикардо, как и физиократам, совершенно чуждо понимание единства производства и обращения и их различия. И это потому, что классики, опять-таки как и физиократы, отождествляют капиталистическое производство с производством вообще, а производство вообще в н у т р е н н е увязать с обращением никак нельзя; приходится лишь считать с их параллельным существованием и ф а к т и ч е с к о й их взаимосвязанностью.

В одном отношении — принципиально важном — классики даже делают шаг назад в сравнении с физиократами. Они об'явили в противовес последним всякую отрасль промышленности производительной, что вполне правильно, но они пошли дальше: производительной они считают и торговлю; фактически они ее возводят в «ранг» особой отрасли производства. И Маркс констатирует, что «современная экономия, даже в лице своих лучших представителей, прямо сваливает в одну кучу торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей»⁷.

Классики как идеологи промышленного капитала ставили, как мы уже сказали, торговый капитал на надлежащее место; в их системе, как и в отображенной ею действительности, первенствующее место занимает промышленный капитал. Но вывести из последнего торговый капитал, представить его как обособившуюся форму промышленного капитала классики были не в состоянии. Отождествляя капиталистическое производство с производством вообще, классическая политическая экономия, как уже отмечено, не понимает ни единства, ни различия производства и обращения. Последнее она поэтому берет так, как оно непосредственно дано, т. е., во-первых, в его связи с торговым капиталом и торговлей как существующей уже в качестве отдельного промысла; во-вторых, в связи с теми производственными процес-

⁷ «Капитал», т. III, ч. I, стр. 204.

сами, которые обычно происходят или продолжают в сфере обращения, как перевозка товаров, хранение их, упаковка и т. д. Теоретическая проблема единства и различия производства и обращения подменяется проблемой чисто практического порядка: о связи и взаимоотношениях между промышленным капиталом и торговым. Последний таким образом выступает с самого начала как капитал, рядом стоящий с промышленным капиталом, и их различие фактически сводится только к различиям, существующим между разными капиталами, занятыми в разных отраслях самой промышленности.

Промышленный капитал Маркс определяет так: «Капитал, который в течение всего кругооборота принимает и потом отторгает эти формы (т. е. денежную, товарную и производительную. — Д. Р.) и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть промышленный капитал». Классическая политическая экономия, отождествляя капиталистическое производство с производством вообще, не понимает и не может понять ни сущности капитала, ни форм проявления его. Она поэтому промышленный капитал сводит только к производительному капиталу, который в свою очередь ею отождествляется со средствами производства. А товарный капитал и денежный капитал не суть разные формы промышленного капитала, но являются разными капиталами, — точнее — разными видами капитала. Этим также полностью отождествляется товарный капитал с торговым, а денежный капитал — с ссудным.

II. Меновая концепция в современной буржуазной политической экономии

Если политическая экономия как действительная наука начинается по заявлению Маркса «лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства», то верно и обратное: политическая экономия перестает быть наукой, как только она покидает процесс производства. Она из научной политической экономии превращается в вульгарную. Правда, можно и производство изучать вульгарно; блестяще это доказали первые вульгаризаторы: Сэ во Франции, Мак-Куллог в Англии и др. Сэ выступил со своей пресловутой теорией трех факторов, согласно которой капитал производит прибыль, земля — ренту, а труд — заработную плату. Мак-Куллог считал, что производят и создают стоимость не только люди, но и машины, а также природа. Вульгарный элемент был и в классической политической экономии. И это было неизбежно, поскольку она отождествляла капиталистическое производство с производством вообще. Но современная буржуазная политическая экономия в лице наиболее влиятельных ее представителей поступает гораздо радикальнее: она выбросила полностью производство за борт... своих исследований. Представители разных направлений «обосновывают» это по-разному, но все они сходятся на том, что процесс производства не является предметом исследования их «науки».

Психологи и субъективисты не находят в производстве ничего психологического и субъективного: производство — явление объективное, не зависящее от сознания и воли людей. Согласно вульгарным воззрениям названных экономистов политическая экономия изучает субъективные оценки хозяйственных благ, отношение человека к вещи, а потому она не имеет дела с производством. Сторонники же так называемого социального направления не видят ничего социального в производстве; они его относят к технике. Следовательно производство не может быть предметом политической экономии, ибо она — наука социальная. Что политическая экономия —

наука общественная, это вполне правильно, но «социальники» понимают вульгарно и производство, и социальное. Производство они понимают по Сэ и Мак-Куллогу, а социальное они противопоставляют материальному. Один из столпов этого направления — Штольцман уверяет, что социальное в противоположность материальному должно исследоваться не методом каузальности (причинности), а методом телеологическим (целевым), так как социальное регулируется, мол, законом нравственной свободы.

Так, «круто расправившись» с производством, представители названных направлений буржуазной экономики гораздо «милостивее» относятся к обращению, — к той сфере, где вульгарный экономист чувствует себя вообще недурно. В сфере обращения все поставлено, что называется, наголову; это — царство разных фетишей и превращенных форм. Но для субъективистов и «социальников» обращение имеет еще особый интерес.

Возьмем представителей социального направления. Для них социальное не обусловлено производством, но оно все же возникает и может возникнуть при общении людей между собою, при их взаимной связанности и воздействии друг на друга. Экономически это возможно если не в производстве (в последнем человек имеет дело якобы только с природой), то в обращении. Рынок, биржа, банки — вот «истинное» царство социального. Оно возникает в обмене, в конкуренции, в борьбе покупателей с продавцами и в борьбе покупателей и продавцов между собою.

Буржуазная политическая экономия в лице «социальников» благополучно вернулась к своей исходной точке: в центре ее внимания опять обращение. Правда, теперь не господствует торговый капитал, но зато сейчас господствует финансовый капитал, финансовая олигархия. Организовать рынок, т. е. по возможности его монополизировать; регулировать цены, т. е. держать их на известной высоте; строить всевозможные финансовые комбинации и спекуляции, — все это составляет основную деятельность королей промышленности и банков.

И представители другого крыла буржуазной экономики, австрийской школы, тоже свою премудрость черпают из сферы обращения. Правда, для конструирования основного понятия, ценности, они удаляются в пустыню: там они «изучают» отношение пустынного человека к стакану воды, ломтю хлеба и т. д. Но это они делают для того, чтобы показать, что ценность — категория не социальная и не историческая; ценность, мол, коренится в психике индивидуума как живого существа, вытекает из его потребностей и соответственно его отношению к нужным ему вещам. Сконструировав таким образом «вечную» категорию ценности, «австрийцы» пустынно оставляют и возвращаются на капиталистический рынок; здесь субъективная ценность превращается у них в объективную ценность; из столкновения разных субъективных оценок получается объективная оценка, или, выражаясь проще, рыночная цена!⁹

Следовательно настоящим предметом исследования и для австрийской школы является сфера капиталистического обращения. Категория субъективной ценности, полученная от «наблюдения» за... пустынным человеком, нужна ей для того, чтобы возводить «солидный», «непреходящий», «вечный» фундамент под рыночную цену и в конечном счете под капитализм в целом, который они считают системой, основанной на обмене благ, услуг и т. д. В отношении между рабочими и капиталистами они тоже видят только меновые отношения; эксплуатация ими отрицается. Действительно, видеть ее в сфере

⁹ Мы здесь не ставим себе задачу изложить, всесторонне осветить теорию «австрийцев», как и не ставим задачи всесторонне осветить «социальное направление».

обращения — дело не легкое. Здесь по меткому замечанию Маркса — царство свободы, равенства и Бентама.

До сих пор мы говорили о таких экономистах, которые сами по крайней мере претендуют на то, что их теории монистичны, созданы из единого принципа. «Австрийцы» свои вульгарные меновые концепции обволакивают глубокомысленными суждениями и изысканиями в области психологии (индивидуалистической), а «социальники» — столь же глубокомысленными суждениями и изысканиями в области социологии. Но есть экономисты, не менее если не более влиятельные, которые являются открытыми эклектиками, ширят классиков и их вульгарных последователей с новейшими течениями. К ним в первую очередь относятся представители англо-американской школы. Теория ценности например ими строится на основе теории издержек производства и предельной полезности (Маршалл); теория прибыли — на основе теории трех факторов производства и предельной производительности (Кларк). А в целом их «концепции» являются ничем иным, как прикрытыми меновыми концепциями. Качественный анализ везде заменяется ими количественным анализом, и это дает многим из них возможность объявить математический метод всеобъемлющим методом политической экономии. Последняя по их уверениям имеет всегда дело с величинами, находящимися в функциональной зависимости; цена например есть функция спроса и предложения, а спрос и предложение — функция цены. И дело экономиста показать, как определенному спросу и предложению соответствует определенная цена и как с изменением первых меняется последняя.

Последний и исходный пункт их исследования есть сфера обращения. Вся хозяйственная жизнь представляет своего рода биржу, где обмениваются одни хозяйственные блага на другие и хозяйственные блага на услуги (сюда включается и труд), а также услуги на услуги. Даже в производстве они видят обмен: издержки производства обмениваются на готовый продукт. Один из экономистов-математиков — Джевонс рисует приблизительно такую умилительную картину. Допустим, что все общество собралось на одном месте, скажем, — на парижской бирже; в центре ее находится предприниматель, который то и делает, что покупает у собравшихся все необходимое ему для производства и продает им произведенный у него готовый продукт. Само производство находится где-то за кулисами, и весь кругооборот капитала сведен только к двум фазам обращения: к купле — продаже.

Подведем пока лишь краткое резюме, характеризующее меновую концепцию в целом.

Наш беглый очерк показал, что основное и решающее в меновой концепции есть то, что ею признается примат обращения над производством. А методологически это значит, что она изучает поверхность явления, сущность же его остается не раскрытой. Первые экономисты изучали обращение, так сказать, без задних мыслей; современные буржуазные экономисты и социал-фашисты, как покажем дальше, отворачиваются от производства вполне сознательно.

Меновая концепция — вульгарная и реакционная концепция. Ею стирается грань между различными экономическими формациями. Обращение существовало задолго до капитализма. И при феодализме существовала купля-продажа. Возьмем также нашу советскую экономику. Если исходить только из поверхности явления, а не ставить вопроса о производственных отношениях изучаемого способа производства, то можно прийти к выводу, что у нас такая же купля-продажа, как и в капиталистических странах, и следовательно наша экономика не отличается от капиталистической. Буржуазные экономисты и социал-фашисты так и утверждают. Они говорят, что у нас тоже капиталистическая строй, но с некоторыми особенностями. Значит меновая концепция не дает возможности понимать существо капиталистичес-

тического производства, понимать законы этого производства, его возникновение, развитие и гибель. Все это меновая концепция смазывает, затушевывает. Вместе с тем она не дает возможности понять принципиальное отличие капитализма от других форм производства, а главное принципиальное отличие нашей экономики от экономики капиталистической.

Но правильную критику меновой концепции возможно дать лишь на основе правильного понимания единства производства и обращения. К этому мы сейчас и переходим.

III. Единство производства и обращения

Прежде всего, что такое единство производства и обращения? Что под ним следует понимать? Единство производства и обращения не исчерпывается тем, что между ними существует взаимная связь и взаимообусловленность; что производство влияет на обращение и обращение на производство. Такое понимание этого единства есть механическое понимание, и оно кстати наиболее распространено. При таком понимании производства и обращение рассматриваются как разные отрасли хозяйства или разные его отделы, наподобие того, как окажем, добывающая промышленность и обрабатывающая.

Единство производства и обращения Марксом наиболее метко формулировано при анализе противоречий общей формулы капитала. «Итак, — заключает Маркс, — капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время вне обращения»¹⁰. Это верно и в отношении товара, денег и других категорий капиталистической экономики. На самом деле, где возникает товар, и где возникают деньги? Они не возникают в обращении, но их нет и вне обращения. Они возникают в производстве, составляющем с обращением одно целое. Вне этого целого нет также и стоимости и прибавочной стоимости, ибо нет стоимости без меновой стоимости и нет прибавочной стоимости без прибыли. А это значит, что стоимость и прибавочная стоимость не могут «возникнуть из обращения и столь же не могут возникнуть вне обращения».

«Капитал, — говорит Маркс, — охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть кроме того движение, процесс крутооборота, проходящий различные формы процесса крутооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающая в покое»¹¹.

Производство и обращение составляют фазы этого единого движения, т. е. капитала как движения. Крутооборот капитала есть, если можно так выразиться, носитель этого единства производства и обращения и наиболее наглядно его представляет. Не все фазы обращения и производства представляют единый крутооборот капитала, т. е. составляют единство капитала как движения.

Далее: единство производства и обращения означает и различие между ними. Различие тоже не должно конечно пониматься механистически, на подобие например различия между разными отраслями хозяйства. Речь идет о различии сторон, которые друг друга предполагают и которые друга друга исключают. «Процесс крутооборота капитала, — говорит Маркс, — есть постоянный перерыв, оставление одной стадии и вступление в следующую, сбрасывание одной формы, бытие в другой форме; к а ж д а я и з э т и х с т а -

¹⁰ «Капитал», т. I, стр. 109, изд. 1929 г.

¹¹ «Капитал», т. III, стр. 60.

дий не только обуславливает другую, но в то же время ее исключает»¹².

Производство, которому не предшествует обращение в виде Д—Т—РСп (превращение Д в рабсилу и средства производства) и за которым не следует обращение в виде Д—Т, не есть капиталистическое производство. Так же и обращение: если оно не составляет фазы кругооборота капитала, т. е. не предшествует фазе производства и не следует за ней, не есть капиталистическое обращение. Различие же между производством и обращением заключается в том, что стоимость и прибавочная стоимость создаются в производстве и реализуются в обращении; что труд следовательно является производительным лишь в производстве, что форма капитала, непосредственно связанная с производством, есть производительный капитал; а формы капитала, непосредственно связанные с обращением, суть товарный и денежный капиталы.

Наконец единство производства и обращения включает примат производства над обращением. Это не значит, что производство важнее обращения, — не о степени важности идет речь, — это значит, что производство определяет обращение; что в обращении проявляется то, что дано в производстве. Но было бы ошибочно понимать обращение лишь как пассивный рефлекс, отражающий только изменения, совершающиеся в производстве. Обращение в свою очередь влияет на производство, однако примат остается за последним.

Товарный и денежный капиталы свое бытие как капиталы получают от производительного капитала. Фигурально выражаясь, можно сказать: «Как луна получает свой свет от солнца, так денежный и товарный капиталы свое бытие как капиталы получают от производительного капитала. Деньги лишь тогда функционируют как денежный капитал, когда они авансируются на покупку средств производства и рабочей силы, которые, таким путем объединяясь, становятся производительным капиталом. И товары являются товарным капиталом лишь потому, что они произведены производительным капиталом.

Единство производства и обращения предопределяет и метод исследования и изложения капиталистической экономики. Буржуазные экономисты всю экономику размещают, так сказать, между тремя отделами: 1) производством, 2) обращением и 3) распределением и исследуют каждый отдел отдельно, абстрагированно от других. Маркс, во-первых, иначе располагает материал: 1) он исследует процесс производства капитала, процесс обращения капитала и процесс капиталистического производства, взятого в целом. Во-вторых, он никогда и нигде не абстрагирует ни производства от обращения, ни обратно — обращения от производства. И это вполне понятно. Раз нет капиталистического производства без капиталистического обращения и капиталистического обращения без капиталистического производства, то их отдельно рассматривать нельзя. Можно лишь единство это рассматривать и со стороны производства, и со стороны обращения, а каждый раз, рассматривая одну сторону единства, нужно также привлечь и другую сторону. Поэтому Марксом обращение исследуется и в I томе, но постольку, поскольку это необходимо для анализа производства, а во II томе им рассматривается и производство, но как фаза в кругообороте капитала, как момент в капитале как движении.

Анализ производства раскрывает то, что скрыто, что, если можно так выразиться, зарыто глубоко; анализ обращения раскрывает то, что гораздо ближе, так сказать, к поверхности общества. Однако и формы, которые раскрывает анализ обращения, еще далеки от тех конкретных форм, которые

¹² Там же, стр. 58. Разрядка моя.— Д. Р.

даны уже на поверхности общества и которые могут быть раскрыты лишь анализом капиталистического производства, взятого в целом.

Маркс говорит: «В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым форма капитала в непосредственном процессе производства, а также его форма в процессе обращения являются лишь особыми моментами. Следовательно, — продолжает Маркс, — те формы капитала, которые мы описываем в этой книге, шаг за шагом приближаются к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в действии различных капиталов одного на другой, в конкуренции и в обыденном сознании деятелей производства».

И говоря о задаче III тома Маркс пишет: «Что касается задачи этой третьей книги, она не может заключаться в том, чтобы представить общие рассуждения относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и описать те конкретные формы, которые возникают из рассматриваемого как целое процесса движения капитала»¹³.

На самом деле, возьмем среднюю прибыль: она не может быть выведена ни анализом процесса производства капитала, ни анализом процесса обращения капитала, взятым отдельно. Она может быть выведена лишь рассмотрением процесса капиталистического производства в целом. Средняя прибыль — это не результат конкуренции, она в первую очередь обусловлена наличием разного органического строения капитала; конкуренция путем переливов капиталов из одной отрасли в другую отрасль производства выравнивает лишь разные нормы прибыли в среднюю.

Возьмем далее торговый капитал: мы его не находим в производстве, но мы его не находим, как это ни странно на первый взгляд, и в обращении как моменте воспроизводства; в производстве находим только производительный капитал, в обращении — товарный и денежный капиталы. Торговый капитал уже означает обособление обращения от производства и может быть опять-таки выведен лишь «из рассматриваемого, по выражению Маркса, как целое процесса движения капитала». Также и капитал, приносящий проценты: он непосредственно не дан не только в производстве, но и в обращении. Он предюлагает расщепление капитала на «капитал-собственность» и «капитал-функцию» и его движение, т. е. передача его от денежного капиталиста функционирующему, и возврат его последним первому, даже не составляет момента кругооборота капитала, а составляет лишь пролог и эпилог этого кругооборота. Сюда составляет введение в кругооборот капитала, а возраст ее — заключительный его акт. Следовательно ссудный капитал есть проблема именно капиталистического производства, взятого в целом.

Не требует доказательств, что и рента есть проблема именно капиталистического производства, взятого в целом.

Вот это и лежит и в основе разделения «Капитала» на три тома. Деление это построено, как мы видим, на диалектическом единстве производства обращения.

Но где же исследуется Марксом проблема распределения? По этому поводу полемизируя с Струве, Ленин пишет: «На этом примере подтвердилось еще раз, как нелепо выделять «распределение» и «потребление» как какие-то самостоятельные отделы науки, соответствующие каким-то самостоятельным процессам и явлениям хозяйственной жизни. Политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей в производстве, общественным строем производства. Раз эти общественные отношения выяснены и проанализированы до конца, тем самым определено и место каждого класса в производстве, а следовательно и получаемая им доля национального потребления. И разрешение той проблемы, перед которой остано-

¹³ «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 1.

лась классическая политическая экономия и которую ни на волос не двинули всяческие специалисты по вопросам «распределения» и «потребления», дано теорией, непосредственно примыкающей именно к классикам и доводящей до конца анализ производства капитала, индивидуального и общественного.

Вопрос о «национальном доходе» и о «национальном потреблении», абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этих вопросов и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации, оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала. Мало того: этот вопрос перестает существовать отдельно, когда выяснено отношение национального потребления к национальному продукту и реализации каждой отдельной части этого продукта. Остается только дать название этим отдельным частям»¹⁴.

Итак никаких особых проблем распределения нет, и это потому, что производство и обращение, изучаемые в политической экономии,— это не производство вещей и не обращение вещей, а общественные отношения людей в производстве, общественный строй производства. Это положение Ленина очень ценно еще и потому, что оно бросает яркий свет и на проблему единства производства и обращения. Производство вещей и обращение вещей не составляют никакого единства; они представляют разные процессы, лишь технически и организовано связанные между собою. Но их единство дано в том, что они являются отношениями людей по производству, общественным строем производства. Это и делает их едиными или двумя сторонами единого целого.

С этим вполне согласуется и заявление Маркса, что предметом его исследования являются капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и отношения обмена. Именно капиталистический способ производства как определенный исторически обусловленный общественный строй производства и придает производству и обращению их единство. Таким образом учение Маркса о единстве производства и обращения связано со всей его методологией. Извращение этого учения методологически связано с извращением всей марксовой методологии а политически с оппортунизмом в разных его проявлениях.

IV. Меновая концепция социал-фашистов

а) Гильфердинг.

Гильфердинг ставит себе задачу исследовать новейший капитализм. Эту задачу он выполнил в сущности по-меркантилистски, т. е. исследование перенес прямо в сферу обращения, минуя сферу производства. Он свое исследование начинает с простого обращения, с выяснения необходимости денег в товарном хозяйстве, затем переходит к роли денег в «обращении промышленного капитала» и дает теорию кредита. Таково содержание первого отдела «финансового капитала». Этот отдел служит основой, на которой Гильфердинг строит все последующее. И он даже горделиво заявляет: «Итак, наш путь ведет не на капиталистическую фабрику с ее чудесами техники. Наше внимание должно обращаться к монотонному однообразию вечно равных процессов, разыгрывающихся на рынке... Только надежда, что нам удастся напасть на тайну того, каким же способом из самых процессов обращения возникает та сила, которая в виде капиталистического кредита, в конце концов получает господство над общественными отношениями... (Финансовый капитал, стр. 54). От кредита Гильфердинг переходит к «мобилизации капитала», т. е. к акционерному капиталу, бирже, банкам; а от «мобилизации капитала» он переходит к «финансовому капиталу и ограниченно свободной конкуренции». Тут он решает в основном поставленную им задачу, т. е. выясняет особенность современного капитализма; четвертый

¹⁴ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 283—284.

отдел посвящен проблеме кризиса, а пятый — «экономической политике финансового капитала».

Нас здесь не интересуют отдельные теории Гильфердинга; здесь нас интересует общий подход его к проблеме финансового капитала и империализма. Финансовый капитал у него вышел из обращения, а империализм представлен как экономическая политика финансового капитала; точнее (и это больше соответствует характеру его исследования) — как торговая политика финансового капитала. О производстве он говорит лишь там, где уже никак молчать нельзя; он например останавливается на таком факте, как более быстрый рост основного капитала в сравнении с оборотным капиталом, так как это служит «препятствием уравнивания нормы прибыли».

Перед марксистами стояла следующая задача: капитализм перешел в новую фазу. Какова причина этого перехода, где ее искать? Как эту задачу решил Ленин? Он в «Империализме как новейшем этапе капитализма» пишет: «Концентрация производства; монополия, вырастающая из нее (подчеркнуто мною.— Д. Р.); слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия». Ленин монополию, являющуюся основным и решающим признаком финансового капитала, выводит из концентрации производства; и это действительно марксистское решение проблемы. А Гильфердинг выводит финансовый капитал из обращения, а это уже есть меркантилистское решение проблемы. Гильфердинг «историю финансового капитала» представляет превратно: исходный момент — концентрация производства — у него выпал. Этим он стал методологически на путь буржуазных меновых концепций.

Концентрация и централизация вначале происходят в рамках индивидуальных капиталов. Последние расширенно воспроизводятся вследствие капитализации прибавочной стоимости, они также увеличиваются и в результате поглощения мелких и средних капиталов крупными. Но индивидуальный капитал все же остается по своей величине ограниченным и дальнейшее развитие производительных сил приходит в острое противоречие с индивидуальной формой капитала.

«Мир до сих пор,— пишет Маркс,— оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые единичные капиталы до тех размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ достигла этого как бы по одному мановению руки».

Но это верно не только в отношении железных дорог, но и гигантских металлургических заводов, громаднейших размеров горного дела и вообще большей части тяжелой индустрии, бывшей еще мало развитой во времена Маркса.

Громадный с того времени рост производительных сил выдвинул на первый план производство средств производства, и здесь-то впервые централизация приняла — должна была принять — новую форму: на смену индивидуальному капиталу пришел акционерный и трестовский капитал. Конечно, ни акционерные общества, ни предпринимательские объединения не уничтожили противоречия между производительными силами и капиталистической их оболочкой, но они создали новую форму движения этого противоречия, которое отныне стало воспроизводиться на новой основе, на основе монополистического капитализма.

Процесс этот схематически может быть представлен так: 1) изменение и даже переворот в производительных силах, 2) возникновение новых форм централизации капитала, «капитала непосредственно ассоциированных лич-

ностей», 3) переход к монополиям и образованию монополистического капитализма, т. е. того, что составляет сущность и содержание империализма.

Конечно факторы, проистекающие из обращения, должны быть полностью освещены; эти факторы нужно было конечно полно исследовать. Но это не значит, что надо оставить метод Маркса и фальсифицировать «историю финансового капитала». Но эта фальсификация Гильфердингу нужна для того, чтобы смазать обострение противоречия капитализма при империализме, чтобы не «замечать» загнивающего и умирающего капитализма. В сфере обращения все, как говорится, шито-крыто.

Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения — находит свое дальнейшее обострение именно в том, что индивидуальный капитал уступает свое место капиталу «ассоциированных личностей». Поэтому Маркс в акционерном капитале увидел «упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому себя само уничтожающее противоречие, которое *prima facie* представляется просто исходным пунктом к новой форме производства»¹⁵.

а) Гильфердинг, переносивший исследование из сферы производства в сферу обращения, увидел в акционерных обществах и предпринимательских объединениях рост согласованности, организованного уничтожения рыночной анархии и перспективу образования единого всемирного картеля. Так на рельсах... реакционной буржуазной меновой концепции, социал-фашист Гильфердинг докатился до реакционной буржуазной теории организованного капитализма, и стал одним из ее глашатаев.

б) Реннер

Извращение учения Маркса о единстве производства и обращения и примата производства над обращением получает свое дальнейшее развитие (пожалуй, и полное завершение) в работе Реннера «Теория капиталистического хозяйства». При этом Реннер ставит вполне четко и политическую задачу. Если Гильфердинг делал вид, что «Финансовый капитал» должен вооружить пролетариат в борьбе с буржуазией на новом этапе (в эпоху империализма), то Реннер ставит задачу вооружить социал-демократию в борьбе с революционным (т. е. коммунистическим) движением рабочего класса.

Впрочем предоставим слово самому Реннеру. Нужно отдать ему справедливость: он местами довольно откровенен.

Еще в предисловии он заявляет: «Таким образом эта книга должна решить давно назревшую задачу — не только заполнить теоретический пробел, но и служить также для практических целей». Что это за практические цели, Реннер скоро сообщает. «Некоторые эксперименты, — повествует социал-фашист, — в первую очередь русский эксперимент, были затеяны с большой смелостью, но большинство из них не достигло результата и прямо село на мель, именно потому, что они игнорировали или не приняли во внимание законов обращения»¹⁶.

И Реннер берется научить законам обращения, к которым он советует относиться осторожно, предусмотрительно, даже нежно. «Всякое вмешательство в экономический совокупный процесс, которое этот процесс тормозит, поражает прежде всего рабочий класс, подвергая его в бедствия, связанные с безработицей... ибо такое вмешательство, во-вторых, поражает столь тонкий механизм, каковым является система обращения, — это изумительнейшее создание человеческого ума (разрядка моя. — Д. Р.). Одним движением пинцета можно в одну минуту испортить ча-

¹⁵ «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 341.

¹⁶ Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 3.

сти, которые изготовлял в течение долгого времени художник этой профессии»¹⁷.

Ясно, что Реннер не учит, а путает: поосторожнее, не слишком близко подходите к этому «тонкому механизму», который является «изумительнейшим созданием человеческого ума». А без овладения этим «тонким механизмом» социализация невозможна. «Социализация — уверяет Реннер, — не может начинаться с производства. Захват фабрик, отчуждение предприятий; изгнание фабричной бюрократии — все это может иметь место в революционной ситуации но это не представляет путей к достижению целей»¹⁸. Целевая установка уже вполне выяснилась, — социализация не может начинаться с производства, а к обращению надо относиться очень осторожно, так что лучше всего и близко к нему не подходить. Следовательно доказано то, что и требовалось (конечно буржуазии), доказать: социализация невозможна.

Теперь остановимся на «теоретическом» багаже Реннера. Реннер ловко подделывается под Маркса: он вначале по-своему пересказывает не без таланта II и III тома «Капитала»; местами его изложение близко подходит к тексту оригинала, и это придает его писанию вид марксистской работы. Но это только одна видимость. Уже не говоря о том, что согласно своей установке Реннер должен извращать Маркса, — приходится констатировать, что он ничего не понял, особенно не понял процесса обращения капитала в его наиболее абстрактных моментах. Он к обращению подходит не как экономист, а как юрист. Он в обращении видит только передачу собственности и передачу вещей; смена форм стоимости для него понятие совсем недоступное. Он поэтому вначале, рисуя обращение товаров и крутооборот капиталов, считает возможным даже абстрагироваться от меновой стоимости: «Все предшествующее исследование, — пишет Реннер, — предполагало изображение одного только процесса движения хозяйства, одни лишь внешние формы его движения, причем обозначения $D—T—Pc$ и sp в нашем изложении имели в виду не стоимостное содержание вещей, как это имеет место у Маркса, а их вещественное содержание, движение которых изображалось так, как оно и представляется на поверхности наблюдения, при условии временного отвлечения от чрезвычайно важных осложняющих моментов». Абстрагироваться от осложняющих моментов конечно можно, но ведь нельзя абстрагироваться от самого объекта исследования; если абстрагироваться от стоимости, то что же тогда обращается? Но в том то и дело, что Реннер понимает обращение натуралистически (как движение вещи) и юридически (как передачу собственности); обращение в экономическом смысле, или — как любит он выражаться — хозяйственный процесс представляет комбинацию обращения вещей и передачи собственности. Так представляют обращение и буржуазные экономисты, но Маркс тут не при чем. Маркс и не «догадался», что можно перечисленными символами обозначить «вещественное содержание», абстрагироваться от «стоимостного содержания»; Маркс держится того взгляда — единственно правильного, — что без стоимости нет обращения. Быть может Реннер хочет раньше представить обращение так, как оно выступает на «поверхности наблюдения» (он эти словечки употребляет), а затем дать правильное представление об обращении? Но не тут то было, и в дальнейшем у него обращаются вещи и собственность, но вещи, оказывается, имеют стоимость; обстоятельство, которое осложняет обращение, но последнее мыслится вполне и без стоимости.

Само собою разумеется, что при таком понимании обращения говорить о единстве производства и обращения не приходится; они выступают лишь либо как параллельно происходящие процессы, либо как процессы, происхо-

¹⁷ Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 319.

¹⁸ Там же.

дящие один за другим. И только. В производстве Реннер различает социальную и техническую стороны, но как он представляет себе эти обе стороны, видно хотя бы из следующего: «Но в действительности,— говорит он,— производственный процесс не ограничивается только естественно-технической стороной так, как он всегда приводится в движение, наблюдается и осуществляется людьми (подчеркнуто Реннером), объединяющимися в процессе труда в определенную группу (рабочие, мастера, руководители производства, предприниматели и т. д.). Классы у Реннера исчезли, а остались только люди. Социальность он видит в объединении людей; но люди объединяются не только в производстве, они могут объединяться и для игры в карты; тогда и в карточной игре необходимо различать социальную и техническую стороны. «Технические средства, орудия производства,— продолжает Реннер,— обозначаемые экономически термином «средства производства» (сп); социальные средства производства — по преимуществу рабочие силы (рс)...» Тут уже обе стороны — социальная и техническая — представлены так: техническая — это орудия производства, а социальная — рабочие силы.

В заключение отметим еще, что весь «труд» Реннера построен на «постулате равновесия», которое осуществляется конечно в обращении. А потому он так преклоняется перед этим «тонким механизмом».

в) Рубин

Сей мастер работает гораздо тоньше и искуснее Реннера. Он ловко «шлифует» категории марксистской политической экономии; шлифует их всегда в одну, так сказать, сторону, удаляя из них все грубое, материальное и оставляя одно... социальное. Но здесь остановимся лишь на вопросе, имеющем отношение к нашей теме, т. е. на вопросе о единстве производства и обращения.

Рубин единство производства и обращения «признает», «признает» даже и примат производства над обращением; но он «признанные» им положение «шлифует», уточняет. В производстве Рубин видит технику, а в обмене — социальное; в своей совокупности они представляют исторически обусловленное хозяйство. Социальное, обмен, обуславливается техникой, т. е. производством, и само воздействует на последнее. «Обмен,— формулирует Рубин свою точку зрения,— интересует нас главным образом не как отдельная фаза процесса воспроизводства, перемежающаяся с фазой непосредственного производства, а как социальная форма процесса воспроизводства, накладывающая определенную печать и на фазу непосредственного производства»¹⁹. Но в других местах своей работы социальной или общественной формой он называет производственные отношения. «Между процессом производства материальных благ и общественной формой, в которой он,— говорит Рубин,— протекает, т. е. совокупностью производственных отношений людей, существует тесная связь и взаимодействие»²⁰.

На первый взгляд получается как будто неувязка; то социальной формой является обмен, то ею является совокупность производственных отношений. Но Рубин это затруднение легко «преодолеывает», оказывается, что отношения между людьми возникают и устанавливаются в обмене, следовательно все «выяснилось». Производственные отношения товарного хозяйства — это меновые отношения. «Эти производственные отношения,— подсказывает Рубин,— не существуют заранее, но устанавливаются через посредство перехода вещей от одного лица к другому...»²¹.

Рубин наделяет «социальностью» и производство, но в той мере, в какой в процессе производства уже учитывается обмен; это — так сказать, иде-

¹⁹ «Очерки по теории стоимости Маркса», изд. 3-е, стр. 18. Разрядка Рубина.

²⁰ Там же, стр. 20. Первая разрядка Рубина, а вторая моя.—Д. Р.

²¹ Там же, стр. 24.

альная «социальность», реальная же «социальность» только в обмене. Отсюда Рубин делает важное «открытие»: абстрактный труд возникает в обмене, но не в обмене как обращении,— «комментирует» Рубин свое собственное открытие,— а в обмене как социальной форме товарного хозяйства. Предварительно он конечно категорию абстрактного труда отшлифовал, удалил из нее все материальное и оставил только-социальное. И одно социальное — абстрактный труд — стало у него возникать в другом социальном,— в обмене; или одна социальная форма порождает другую социальную форму.

Обмен и производство уподобляются солнцу и луне: луна получает свой свет от солнца, а производство свою «социальность» получает от обмена. Но как же обмен определяется производством или как же определяются производственные отношения производительными силами,— этою «ларчика» не открыл и сам механик, т. е. Рубин.

Что представляет собой рубиновская меновая «концепция»? Во-первых, ловкую подделку учения Маркса о единстве производства и обращения (различные внутри единства). По Марксу, само производство является и материальным и социальным; оно является социальным потому, что всегда «индивиды производят в обществе» (Робинзоны — это лишь фантазия) или — что одно и то же — производство всегда есть «общественно-обусловленное производство индивидов». Производственные отношения суть отношения самого производства,— в обмене они лишь особым образом проявляются. Поэтому Маркс говорит, что предметом его исследования является «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и отношения обмена» (разрядка моя.— Д. Р.).

Единство производства и обмена вытекает из того, что отношения того и другого обусловлены способом производства, но отличаются друг от друга своими формами проявления. Например отношения между рабочими и капиталистами в фазе Д—Т выступают не так, как в фазе П, но отношения одни и те же,— классовые.

Во-вторых, Рубин, продолжая Гильфердинга, марксизм подменяет «социальным направлением» буржуазной политической экономии, но подменяет ловко, искусно. Рубин ни от одного положения Маркса формально не отказывается, но зато всю марксистскую политическую экономию превращает в ее противоположность — в «социальное направление» буржуазных экономистов.

V. Вариант меновой концепции у Розы Люксембург

Само собой разумеется, что совершенно недопустимо смешивать Розу Люксембург с меньшевиками, с лидерами II Интернационала. Роза Люксембург погибла в борьбе с буржуазией и современной социал-демократией, погибла от рук палачей из современной социал-демократии. Но все же именно потому, что мы питаем и должны питать высокое уважение к ее памяти, мы должны раскрывать ее ошибки. И приходится констатировать, что в отношении меновой концепции Роза Люксембург занимает неправильную позицию, позицию близкую к меньшевистской, позицию полуменьшевистскую. Она не только не борется с меньшевизмом по этой линии, но сама заражена в значительной степени меновой концепцией.

У Розы Люксембург есть две основные работы по политической экономии: первая работа — это «Накопление капитала», вторая — «Введение в политическую экономию».

«Введение в политическую экономию» представляет запись лекций. Роза Люксембург читала лекции в Берлине в конце 1913 и начале 1914 гг. Читала она эти лекции берлинским рабочим. Все эти записи были потом собраны и изданы; получилась книга «Введение в политическую экономию». Нужно

всегда помнить, что «Введение» не сам автор обрабатывал. Оно было отредактировано после ее смерти; но все же названная работа дает представление не только о том, как Роза понимала ту или иную проблему, но и как она трактовала политическую экономию в целом.

В этой книге есть очень много интересных мест, очень живо она изложена и, главное, очень темпераментно, революционно, именно в стиле Розы Люксембург; но в то же время есть крупнейшие ошибки, в первую очередь по тому вопросу, о котором здесь идет речь.

Роза Люксембург построила свои лекции таким образом: в первой лекции она поставила вопрос, что такое политическая экономия. Роза Люксембург хочет выяснить своеобразие товарного хозяйства, хочет выяснить, что такое товарное хозяйство. Для этого она прибегает к гипотетическому примеру. Она говорит: допустим, что существует коммунистическая община; все производится сообща, все распределяется сообща и т. д. Но допустим, продолжается она, что в один прекрасный день коммунистическая община распалась; вместо общины получились разрозненные индивидуумы. Как им теперь быть, как они будут теперь жить? В то время, как один индивидуум умеет шить сапоги, другой умеет, скажем, только печь хлеб. Конечно эти индивидуумы начнут обменивать между собой свои продукты и таким образом возникает новая форма связи, новая форма общения. Этим Роза хочет своим слушателям дать представление о том, что такое товарное хозяйство и приходит она к следующему выводу:

«Таким образом,— говорит она,— обмен создал новую связь между разрозненными, оторванными друг от друга частными производителями»²².

Обмен, запомним, по Розе Люксембург создает новую связь.

Дальше: «Его сапоги (речь идет о сапожнике.— Д. Р.),— продолжает она,— представляют в первую очередь частный труд, который никого не касается. Затем лишь эти сапоги на товарном рынке обмениваются, и, лишь поскольку их берут в обмен, затраченный на них труд сапожника признается общественным трудом. В противном случае они остаются продуктом его частного труда и не имеют ценности»²³.

В приведенных цитатах мы имеем меновую концепцию. По Марксу, связь создается производством, тем, что общественный труд и средства производства разделены между производителями; тем, что один товаропроизводитель производственно зависит от другого товаропроизводителя. Вот где связь между ними, а в обмене эта связь проявляется, т. е. проявляется то, что уже дано в производстве. Какая разница между товарным и коммунистическим хозяйством? В то время как в коммунистическом обществе связь дана и осуществляется непосредственно,— в товарном хозяйстве эта связь опосредствована. Он выступает не непосредственно, она должна проявляться еще в обмене, но сказать, что обмен создает связь, это конечно глубоко неверно. Но может быть это — обмолвка со стороны Розы? Вдумаемся во вторую цитату. Она говорит, что пока сапожник шьет у себя в мастерской сапоги, его труд — частный труд, а вот когда сапожник вынесет эти сапоги на рынок и на рынке их берут, т. е. когда он найдет для них покупателя, тогда его труд станет общественным. Это что означает? Это значит, что общественный труд возникает в обмене. А это и есть меновая концепция. Дальше. Что же будет, если сапоги окажутся непроданными? Сапожник возвращается с рынка домой с непроданными сапогами, и Роза Люксембург заявляет: оказалось, что сапоги не имеют ценности. Выходит, что ценность (стоимость) возникает в обмене.

А разве это учение Маркса? По Марксу стоимость создается в производстве товарном, составляющем единство производства и обращения, а

²² Р. Люксембург, «Введение».

²³ Там же.

не в фазе обращения. Поскольку товаропроизводитель потратил общественно-необходимый труд на производство сапог, он и создал стоимость, притом стоимость определенной величины. На рынке стоимость реализуется, т. е. она превращается из товарной формы в денежную форму. Если сапоги остались непроданными, то стоимость оказалась нереализованной, но это не значит, что она оказалась несозданной. Это то же, как, допустим, сапожник свои сапоги потерял, или они у него какими-нибудь судьбами погибли. Для сторонников меновой концепции стоимость (ценность) возникает в обмене, а потому раз сапоги не проданы, то они не имеют стоимости, т. е. стоимости у них никогда не было. ¹

Правда, можно сказать, что Роза Люксембург, в данном контексте имеет дело с гипотетическим случаем, с внезапным распадом предполагаемой коммунистической общины, вследствие чего все производители оказались разрозненными, без всякой связи. При таких условиях, только обмен их связывает между собою, а до обмена труд каждого из них является только частным, общественным же становится только в обмене. Но, во-первых, если это было так, то отсюда следовало бы, что и сам пример взят неудачно, раз он ставит все, что называется наголову, раз отношения между производством и обменом представляет в искаженном виде. Во-вторых, и в этом гипотетическом случае не обмен делает труд бывших коммунаров общественным, а он (труд) продолжает быть общественным, потому что каждый из них, как и раньше, продолжает работать на всех, только вследствие распада прежней формы связи создается безвыходное положение: продуктов много, но они лежат без движения и следовательно не могут быть потреблены. В обмене, который и здесь обусловлен изменившимся характером производства, наши бывшие общинники получают форму связи. Лишь при одном условии их труд перестал бы быть общественным, если бы они превратились в робитозонов, но тогда отпала бы необходимость в обмене.

Роза Люксембург — в плену меновой концепции. Даже когда она приходит к характеристике капитализма, капиталистического способа производства, над ней тоже тяготеет меновая концепция. Вот возьмем хотя бы такую фразу, очень коротенькую, но лобопытную своей выразительностью. Она, желая наиболее резко подчеркнуть различие между капитализмом и феодализмом, заявляет следующее: «Конечно и в настоящее время над трудящимися массами господствует могучий владыка — капитал, но его форма проявления, не деспотия, а анархия». Что можно возразить против такой формулировки? Как будто все, как говорится, в порядке; действительно капитал господствует над массами, действительно он — могучий владыка, действительно его форма властвования отличается от феодальной формы властвования.

Но посмотрим, как Маркс формулирует господство капитала. Анализируя мануфактурное производство, он говорит: «Анархия общественного производства и деспотия мануфактуры, разделение труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства».

Маркс говорит не только об анархии. Он говорит о единстве анархии и деспотии. Более того, он всегда подчеркивает, — и это есть одна из основных идей марксизма, — что капитал превращает работников, которые существовали до капиталистической эпохи отдельно, изолированно, в частицы единого коллектива, но их себе подчиняет, он над ними господствует прежде всего в производстве. Это «собрание» рабочих и господство над ними начинается уже в простой кооперации. А в мануфактуре рабочий превращается в винтик целого людского механизма; в машинном производстве он уже окончательно закрепляется за капиталом. Не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего.

Следовательно где нужно искать своеобразие господства капитала над трудом в первую очередь? Отнюдь не только в анархии, а в производстве, которое обуславливает анархию. Труд становится обобществленным, но под властью капитала. Тут мы имеем и основное противоречие капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

А Роза Люксембург концентрирует внимание на анархии. Это свидетельствует о том, что Роза Люксембург находится, как сказано, в плену меновой концепции. Поэтому бросается в глаза в первую очередь то, что рабочий как продавец своей рабочей силы не всегда может ее продать, что он стало быть находится в зависимости от рынка, т. е. от покупателя-капиталиста. Позволительно спросить: что было бы, если бы рабочий всегда находил покупателя для своей рабочей силы и всегда продавал ее по полной ее стоимости? Разве он и тогда не эксплуатировался бы?

Но самым главным и решающим является то, что Роза Люксембург совершенно искажала учение Маркса о революционной гибели капитализма.

Припомним, как Маркс подошел к этой проблеме. Маркс в 7-м отделе I тома «Капитала» дает анализ капиталистического накопления. Маркс показывает, как с развитием капитализма растет постоянный капитал и уменьшается,— правда не абсолютно, но относительно,—переменный капитал, изменяется таким образом органическое строение капитала в сторону повышения. Вследствие этого для капитализма неизбежным является существование резервной армии безработных. Больше того, эта армия безработных все время растет, а резервная армия безработных давит в свою очередь на заработную плату в сторону постоянного снижения ее ниже стоимости рабочей силы. Отсюда и обнищание рабочего класса не только относительно, но и абсолютное; рост нищеты и рост богатства составляют два полюса всеобщего закона капиталистического накопления. Но рабочие не только нищают, но и организуются и выделяют свой авангард, свою партию — коммунистическую — для свержения власти буржуазии.

Уничтожение капитализма нельзя рассматривать как акт, совершающийся автоматически; капитализм, мол, сам уничтожится. Он сам не уничтожится. Он уничтожается революционной борьбой рабочего класса. Гибель капитализма должна рассматриваться не фаталистически, т. е. не так, что капитализм будет уничтожен сам собою. Необходимым условием этой гибели является революционная борьба рабочего класса, увенчивающаяся восстанием рабочего класса против буржуазии и установлением диктатуры пролетариата.

Совершенно иначе к этому вопросу подошла Роза Люксембург. Она считает, что во всеобщем законе капиталистического накопления нет еще обоснования гибели капитализма. Она ищет в другом обоснование гибели капитализма. Она ищет обоснование гибели капитализма в некапиталистической среде.

Припомним ее теорию накопления. Роза Люксембург, критикуя теорию Маркса воспроизводства, пришла к выводу, что прибавочная стоимость внутри капиталистического общества, если под капиталистическим обществом будем понимать общество состоящее из двух классов: рабочего класса и буржуазии, не может быть реализована. Прибавочная стоимость, по ее мнению, может быть реализована у так называемых третьих лиц, т. е. у мелких товаропроизводителей, в некапиталистической среде. Но капитализм, как она утверждает, стихийно распространяется по всему земному шару, другими словами, с развитием капитализма некапиталистическая среда все больше уничтожается. И вот, по мере того как уничтожается некапиталистическая среда, капитализм лишается возможности существования. Капитализм не сможет больше существовать, потому что прекращается накопление. Выходит, что капитализм в конце концов автомати-

чески изживает себя. Капитализм распространяется по всему земному шару, — и настанет такой момент, когда капитализму некуда больше распространяться, некуда податься, и он должен погибнуть. Капитализм может быть уничтожен чисто автоматическим путем: он, так сказать, изживает себя в результате своего распространения. По существу классовая борьба здесь не является н е о б х о д и м ы м фактором гибели капитализма. Правда, Роза Люксембург революционный инстинкт предохранил от такого вывода. Она заявляет, что задолго до того, как капитализм распространится по всему земному шару, он вызовет такие бедствия и обострит борьбу, что будет уничтожен насильственным путем. Но это только компромисс, это только свидетельствует о том, что ее революционный инстинкт не допускал довести антиреволюционную теорию до логического конца. Из ее же теории вытекает именно возможность гибели капитализма и без классовой борьбы.

Решающим является не субъективное настроение автора теории, а объективная суть самой теории. Согласно теории Розы Люксембург гибель капитализма может наступить и без классовой борьбы. Не приходится доказывать, что это совершенно антимарксистская, антиреволюционная теория. Она в значительной мере подсказана меновой концепцией автора. Такая теория конечно не мобилизует рабочий класс, такая теория не содействует революционизированию рабочего класса, а, наоборот, действует совершенно в другую сторону.

Обратим внимание еще на следующее. В то время когда Маркс все свое внимание, весь свой анализ концентрирует на внутренних противоречиях, т. е. на противоречиях между классовыми и производственными отношениями и производительными силами, на противоречии между пролетариатом и буржуазией, в то время, как Маркс показывает и доказывает, что пролетариат в ходе развития капитализма мобилизуется, организуется, становится непобедимой силой, которая в конце концов снесет буржуазный строй и на развалинах буржуазного строя построит социализм, — Роза Люксембург переводит анализ в сторону внешних противоречий.

Что значит борьба между капиталистической и некапиталистической средой? Борьба, скажем, между Англией и ее колониями или борьба между Англией и Францией из-за колоний. Мы эту борьбу не можем игнорировать. Она имеет громадное значение, но она — производный момент производный от внутренних противоречий.

Роза Люксембург делает обратное. У не выходит, что все — во внешних противоречиях.

Если мы вдумаемся дальше, то увидим, что и здесь она находится в плену меновой концепции. На самом деле, почему Роза Люксембург переносит центр тяжести как раз на внешнюю борьбу, почему она находится все время во власти рынка? Если бы она не рассматривала капитализм преимущественно со стороны стихийности, господства рынка, то конечно она не могла бы притти к такому выводу. Но над ней все время тяготеет меновая концепция и это толкает ее в сторону подмены проблемы воспроизводства и накопления капитала проблемой реализации прибавочной стоимости. Не замечая, что в процессе накопления капитала уже дано обоснование гибели капитализма, она ищет его (обоснования) в условиях реализации. Реализация из момента накопления превращается в момент самодовлеющий, предрешающий и полностью обуславливающий накопление.

Ее меновая концепция повлияла и на то, что она не могла дать правильной марксистской теории кризисов. В то время когда по Марксу и по Ленину, основная причина кризиса заключается в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения, т. е. во внутреннем противоречии, — Роза Люксембург свою теорию кри-

зисов связывает со своей теорией накопления. Кризис есть выражение только противоречия между производством и реализацией, и кризис изживается по мере улучшения условий реализации, скажем — расширения внешних рынков.

Роза Люксембург, исходя из своей немарксистской общей концепции, не могла дать и не дает правильной теории империализма. В чем состоит основа ленинской теории империализма? Основа ленинской теории империализма заключается в том, что монополия — экономическая суть империализма, и последний образует последнюю фазу капитализма.

Империализм не есть что-то отличное, особое от капитализма, он — лишь последняя фаза капитализма.

С другой стороны, нельзя не видеть специфических особенностей империализма, которые заключаются в том, что мы тут имеем дело с монополистическим капитализмом, который является в силу господства монополий загнивающим, паразитическим капитализмом. Поэтому Ленин везде и всюду говорит, что империализм — это канун пролетарской революции.

Роза Люксембург империализм понимает совершенно иначе. Для нее империализм есть борьба за внешний рынок. Империализм лишь означает, что борьба за внешний рынок обострилась. Почему? Потому что становится все труднее найти свободный внешний рынок.

Если мы теперь поставим вопрос, какое принципиальное различие между империализмом и предыдущей фазой капитализма, ответ может быть один: принципиального различия никакого нет. Всегда капиталисты боролись за внешний рынок, но сейчас эта борьба более обострилась. Никакой последней фазы мы здесь не имеем. Всем известно, что некапиталистическая эреда еще громадна. Ни о каком кануне революции мы не можем говорить. Итак, начиная с анализа товарного производства и кончая империализмом, Роза Люксембург все время находится в плену меновой концепции, и, несмотря на то, что она старается всячески делать революционные выводы, старается всячески держаться на марксистских позициях, ее теория объективно ее оттуда отталкивает, ее теория толкает ее в другую сторону. Вред этой теории велик именно потому, что она принадлежит Розе Люксембург. Это и диктует необходимость разоблачения этой теории, раскрытия всех ее ошибок.

Еще несколько слов о предмете политической экономии, как он определяется Розой Люксембург. Как известно, она считала, что с уничтожением капитализма уничтожается и политическая экономия.

Но ошибка Розы Люксембург в отношении определения предмета политической экономии тоже в значительной мере связана с ее меновой концепцией. Роза Люксембург, как я уже говорил раньше, в товарном хозяйстве и даже в капиталистическом видела в первую очередь обмен, меновые отношения, анархию, господство рынка и т. д., — и она полагает, что политическая экономия изучает меновые отношения, господство рынка, анархию и т. д. Следовательно с уничтожением товарной капиталистической системы, политическая экономия должна быть уничтожена. Она станет «безработной». Чем она станет тогда заниматься? Отсюда «выглядывает» опять-таки меновая концепция. Подход к определенной экономической формации общества только с точки зрения обращения. Уничтожается обращение, уничтожается объект изучения политической экономии.

Если бы Роза Люксембург подошла к капиталистическому способу производства со стороны производства, то она пришла бы к другому выводу. Конечно обращение играет большую роль; играет большую роль рынок; без обращения нет капитализма, но обращение есть момент в воспроизводстве. Решающим и основным является другое — своеобразие капиталистического производства, а капиталистическое производство, как Маркс пока-

зал еще в I томе «Капитала»,— это процесс труда и процесс увеличения стоимости. Капиталистическое производство есть исторически обусловленное производство, и исторически обусловленное производство Маркс изучает в «Капитале». Уничтожится капитализм; но как не уничтожится материальное производство, так не уничтожится его общественная форма. При коммунизме не будет просто производства, производства вообще, а будет коммунистическое производство. Это коммунистическое производство и будет изучаться политической экономией.

Поэтому и Энтельс и Ленин подчеркивают как раз противоположное. Политическая экономия, как Ленин говорит, остается даже при чистом коммунизме, потому что и при чистом коммунизме будет воспроизводство, будет коммунистическое накопление, будет целый ряд других проблем, которые должны будут изучаться и исследоваться.

А у нас, в СССР с завершением фундамента социалистической экономики потребность в разработке политической экономии периода социализма неизмеримо возросла. Это мы ощущаем на каждом шагу. Отставание экономической теории от практики советского строительства, подчеркнутое т. Сталиным еще два с лишним года назад, остается до сих пор нашей бедой, которая должна быть поскорее с корнем ликвидирована.

Итак мы видим, что у Розы Люксембург имеются не отдельные ошибки, а имеется безусловно ошибочная концепция. Эта ошибочная концепция должна быть преодолена. Этим самым мы марксистскую политическую экономику поднимаем на большую высоту.

Люксембургизм же в настоящее время стало знаменем контрреволюционных сил, т. е. из антимарксистской теории Розы Люксембург сделаны контрреволюционные выводы. Тем с большей необходимостью мы должны вскрыть немарксистский характер ее концепции, чтобы тем самым поднять марксистско-ленинскую теорию как теорию революционной практики на должную высоту.

С. ГИММЕЛЬФАРБ

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВАНИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

В 1930/31 г. в СССР была ликвидирована безработица, в то время как в капиталистических странах она непрерывно растет. Вся мировая обстановка говорит о том, что современный экономический кризис еще не дошел до своей кульминационной точки. Это будет чревато дальнейшим ростом безработицы, дальнейшим быстрым обнищанием миллионов рабочих масс, как безработных, так и работающих.

Ликвидация безработицы в СССР произошла в результате совершенноного социально-экономического развития, чем характер хозяйственного развития капиталистических стран. Весь ход этого развития вел к ликвидации безработицы в СССР.

Ликвидация безработицы показывает, — даже при первом подходе к изучению этого неосуществимого для капиталистического мира события, — что в СССР действуют принципиально иные законы движения населения, чем в капиталистических странах, в которых создание, а затем непрерывный относительный и абсолютный рост армии скрытых и явных безработных, является их законом народонаселения.

Этот же первый подход к изучению причин ликвидации безработицы в СССР показывает, что решающую роль в этом отношении играли:

а) Возрастающие темпы роста промышленности, строительства, транспорта, торговли и др., короче — возрастающие темпы индустриализации и соответствующий рост спроса на новую рабочую силу обгоняли общий рост населения и в частности рост городского населения, несмотря на более быстрый рост всего населения СССР и его работоспособной части, чем в любой капиталистической стране. Еще резче видно это отставание, если взять только рост постоянного городского населения.

Таким образом, уже этот один факт в тенденции вел к ликвидации безработицы, а сейчас, после ликвидации безработицы, является условием невозможности ее возрождения.

б) Если раньше миллионы сельского населения угрозой голода вынуждены были идти «в отход» на заработки, то сейчас, фактом коллективизации, приведшей и дальше ведущей к росту благосостояния коллективизированного сельского населения и ликвидировавшей существовавшую ранее угрозу голода, прекратился вынужденный уход в город сельского населения.

Таким образом, социалистическая индустриализация страны с соответствующим быстрым ростом численности рабочего класса и коллективизация привели к ликвидации безработицы.

Отсюда вполне понятен возросший интерес к вопросу о глубоком изучении причин, приведших к ликвидации безработицы в СССР, так как действие этих причин целиком продолжается и после ликвидации безработицы, а также понятен возрастающий интерес к изучению закона населения периода социализма. Интерес к изучению последнего будет еще более возрастать в связи с директивой партии в течение второй пятилетки ликви-

ровать последние остатки капиталистических классов и построить бесклассовое общество. А это и приведет к тому, что все работоспособное население — или почти все — будет в той или другой форме работать в социалистических предприятиях, и его движение (населения) будет иметь огромное значение для социалистического строительства.

Первую попытку разрешить проблему закона населения периода социализма сделала т. Залкинд на страницах журнала «Проблемы экономики» за 1931 г. в № 7. Отдав должное трудностям застрельщика в разработке новой научной проблемы, имеющей сугубо политическое значение, к сожалению, необходимо констатировать, что т. Залкинд с проблемой не справилась и развила ряд ошибочных положений.

Рассмотрим по порядку основные ошибки ее работы.

I. О сущности переходного периода

Основоположники научного коммунизма, Маркс и Энгельс, неоднократно останавливались на вопросе о необходимости переходного периода от капитализма к социализму; установление диктатуры пролетариата знаменует собой его начало. Самой основной задачей переходного периода, осуществление которой наполняет все его содержание, является: ликвидация частной собственности, на средства производства, их обобществление и социалистическое развитие, что вместе с тем является ликвидацией классов, ликвидацией всякой эксплуатации.

Энгельс в «Принципах коммунизма» на вопрос о том, каков должен быть будущий общественный строй и какие должны быть проведены переходные мероприятия для его осуществления, отвечает: «Надо будет отменить частную собственность и заменить ее общим пользованием всеми средствами производства и распределением продуктов по общему соглашению, т. е. надо будет ввести так называемую общность имущества. Отмена частной собственности является даже самым кратким и характерным признаком того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно объявляют главным своим требованием отмену частной собственности»¹. И дальше Энгельс говорит, что диктатура пролетариата «была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность»².

В своей общей работе «Манифест коммунистической партии» Маркс и Энгельс, обобщая всю человеческую историю, приходят к выводу, что история человеческого общества есть история борьбы классов, что борьба классов определяется имущественными интересами; что результатом этой борьбы является смена одних производственных имущественных отношений другими. Коммунизм сменяет одну форму собственности — капиталистическую — другой — коммунистической.

«Характерной особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплуатации одних другими.

¹ Энгельс, Принципы коммунизма; Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 472—473. Разрядка моя — С. I.

² Там же, стр. 475.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»³. В этом — суть коммунистического движения.

Тов. Ленин в политотчете IX съезду РКП(б), раз'ясняя основной смысл и основную задачу Октябрьской революции, знаменующей переходный от капитализма к социализму период, вслед за Марксом и Энгельсом говорил, что основное содержание всякой революции — это вопрос о собственности, о формах собственности на средства производства, о мероприятиях, обеспечивающих рост и победу новой формы собственности на средства производства.

«Когда классы сменяли друг друга,— говорил т. Ленин,— то они меняли отношения к собственности»⁴. То же самое делает и пролетариат, захвативший власть в свои руки и установивший свою диктатуру.

«В чем выражается сейчас господство класса? — спрашивает т. Ленин и отвечает.— Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность... Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство классов. Прежде всего в вопросе собственности»⁵.

Можно было бы умножить выписки из работ наших учителей. Но и приведенного достаточно, чтобы показать, в чем основное содержание переходного периода. И если мы бросим ретроспективный взгляд на всю уже пройденную историю переходного периода в СССР, то увидим, что мы решали (и в основном уже разрешили) самую трудную для нашей революции, в стране с абсолютным большинством мелкого и мельчайшего бедняцко-средняцкого крестьянского хозяйства, проблему обобществления всех средств производства.

Крупнокапиталистическую и помещичью собственность мы в короткий срок ликвидировали, национализировав ее, национализировав фабрики и заводы, национализировав землю. Затем началась длительная и упорная работа по переводу на социалистические рельсы мелкого собственника. Эта работа проходила в обстановке и на основе упорной борьбы за индустриализацию — единственного условия для укрепления нашей независимости и победоносного продвижения по пути к социализму — и самой ожесточенной борьбы против капиталистических элементов в городе и деревне (кулаков). К настоящему моменту мы прошли уже самую трудную и решающую часть переходного периода. Вторая пятилетка ставит задачу завершить переходный период от капитализма к социализму. В резолюции XVII партконференции говорится:

«Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Таков победный путь советского пролетариата под руководством партии от капитализма к полному социалистическому обществу.

³ Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии. Там же, стр. 496, Разрядка Маркса и Энгельса.

⁴ Ленин, Отчет ЦК РКП(б) IX съезду, Собр. соч., 1-е изд., т. XVII, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 73. Разрядка моя — С. Г.

Тов. Залкинд в своей работе развила другую теорию основного содержания переходного периода. «Опорой» в ее построениях явилось одно положение Маркса, ею совершенно не понятое.

Маркс в т. II «Капитала» говорит, что «каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»⁷.

В чем же действительное содержание этой мысли Маркса? Для ее понимания важно знать, что она приведена в первом отделе II т. «Капитала», имеющем задачу освещения «метаморфоз капитала и их кругооборота». В особенности важно знать, что она высказана в I главе, толкующей о «кругообороте денежного капитала».

Маркс ставит перед собой вопрос, почему авансированный капитал, т. е. авансированная стоимость определенного размера, может играть роль капитала? И отвечает: потому что, приобретая на рынке все условия производства, она противостоит рабочей силе как объективно-общественное условие возможности производства вообще. Маркс и говорит, что «каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства (выступающие при капитализме в форме капитала.— С. Г.) всегда остаются его факторами». Поэтому вся следующая фраза в контексте означает, что общественное производство мыслимо лишь при соединении рабочей силы и средств производства, т. е. что процесс производства возможен лишь при условии, если рабочий использует средства производства в качестве орудий воздействия на природу и борьбы с ней. Но вместе с тем из всего контекста прямо вытекает, что Маркс вторую фразу сказал лишь для того, чтобы показать, что выяснением только этого ничего не объяснишь ни в капиталистическом обществе, ни в любой общественной формации. Центр тяжести всей цитаты Маркса лежит в самой форме общества, в данной конкретной исторически переходящей форме общества, т. е. в вопросе о том в качестве кого использует («соединяется со средствами производства») рабочий средства производства: а) равного ли члена первобытной коммунистической общины; б) «абсолютной ли вещи в руках своего владельца, в качестве раба, т. е. точно такого же орудия производства в глазах своего рабовладельца, как и все прочие орудия и предметы производства, и даже в качестве самой дешевой, самой необерегаемой части средств производства; в) в качестве ли феодально-обязанного и крепостного крестьянина — по существу полураба, но с известной свободой распоряжения частью своей продукции; г) в качестве ли «абсолютно-свободного» наемного рабочего (свободного умирать, но не жить по-человечески) или наконец, д) в качестве действительно свободного, действительно равного работника коммунистического общества,двигающего быстрыми темпами развитие техники, свое производственное вооружение против единственного, оставшегося и систематически покоряемого, познаваемого и используемого в интересах человечества «врага» — природы. Вот в чем суть всей цитаты. «Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры», — вот что хочет доказать Маркс.

⁷ Маркс, «Капитал», т. II, Гиз, стр. 12—13. Разрядка моя.— С. Г.

чтобы показать, почему авансированный денежный капитал становится капиталом. Потому, — доказывает Маркс, — что он в процессе своего кругооборота, на одной из его стадий эксплуатирует рабочую силу, потому что он, капитал, есть при данной общественной форме производства единственное условие возможности общественного производства вообще.

А в нашей печати встречаются авторы, которые утверждают, что характерным для капитализма является не столько эксплуатация, присвоение неоплаченного труда, как особая общественно-историческая форма этой эксплуатации, сколько купля рабочей силы. По их мнению характерным является развитие денежного хозяйства и такое проникновение денег во все хозяйственные отношения, когда даже рабочая сила продается, т. е. они делают упор на «механику» соединения рабочей силы со средствами производства, а не на вопрос: «в качестве кого» соединяется рабочий со средствами производства?

Здесь смазывается момент лишения работника средств производства и монополизации их кучкой эксплуататоров. Правильно, что рабочая сила продается. Но она продается потому, что «свободна» от средств производства.

Указанное неверное толкование цитаты Маркса объясняется тем, что таким образом толкующие ее не обратили внимания на основное и оказались «в плену места», где она была Марксом приведена, — в главе, говорящей об обращении. Иначе говоря, они невольно демонстрируют схоластический квази-марксизм от «цитат», неверно преподносимых и извращенно толкуемых.

С точки зрения обращения капитала рабочая сила продается рабочим и покупается авансированным капиталом. Но с точки зрения производственных отношений капитализма, рабочий эксплуатируется, у него выжимается прибавочный труд, капиталистами присваивается прибавочная стоимость.

Встречающееся в нашей печати и разобранное выше толкование проанализированного нами места во II т. «Капитала» говорит об еще наблюдающемся отраженном влиянии меньшевистающего идеализма и механицизма.

Тов. Залкинд не далеко ушла от разобранной неправильной трактовки проблемы «соединения» и только еще более упростила ее. Послушаем ее самое.

«Иначе обстоит дело с недостатком рабочей силы на заре социализма.

Недостаток рабочей силы вызван тем, что победа социализма, выражающаяся в росте социалистической промышленности, социалистического сектора сельского хозяйства, сопровождается объединением со средствами производства тех производителей, которые были при капитализме «свободны» от них.

Вовлечение бедноты в промышленность, в колхозы, совхозы уничтожает «свободу» от средств производства созданную капитализмом»⁷.

Приведенная цитата механистически толкует суть самого принципиального отличия СССР — страны социализма — от капиталистических стран. Оказывается, что наше историческое достижение — ликвидация безработицы — является неизбежной причиной наших затруднений с рабочей силой. В чем же эта причина? В том, что люди находят себе работу. Прекрасный ответ! Но почему находят работу, и что такое «соединение»? — вот тут оказывается загадка. Тов. Залкинд раз'ясняет сущность социалистической реконструкции деревни и сообщает, что «социалистическая реконструкция дерев-

⁷ З а л к и н д, «Проблемы экономики» № 7—8 за 1931 г., стр. 26 (Разрядка моя.— С. П.)

ни ликвидирует разобщенность производителя со средствами производства не только в промышленности, где эта разобщенность ликвидирована уже в Октябре, но и в сельском хозяйстве, в котором она частично была уничтожена в Октябре (земля), частично в 1918 г. (пролетарская революция в деревне)⁸.

Итак, то, что происходило в деревне в 1918 г., оказывается тем же, что происходило в промышленности в 1917—1918 гг. при национализации фабрик и заводов.

Политически в 1918 г. пролетариат совершал свою революцию в деревне: он громил кулака, опираясь на бедняка и нейтрализуя середняка. Но ведь в отношении земли мы, осуществив национализацию, на первый период «социализировали» пользование ею, т. е. провели мелкобуржуазную эсеровскую уравниловку в землепользовании, так как в первые годы революции этого хотело абсолютное большинство крестьян, выразивших свою волю в разобранных Лениным 242 наказах крестьянских съездов. Партия решила на практике доказать ошибочность желания большинства крестьянства и правильность пути, указываемого коммунистами.

Но принципиальная-то разница между «соединением» в промышленности (социалистическое соединение) и в сельском хозяйстве (осередняченье) на чального периода революции в СССР ведь есть! Путать это—значит путать, не понимать самого основного в нашей революции. Точно так же нельзя поставить знак равенства между тем, что происходило в деревне в 1917 и в 1918 гг., и тем, что происходит в деревне в 1929—1932 гг., т. е. когда мы осуществляем процесс сплошной коллективизации и ликвидируем последний капиталистический класс—кулачество—на базе обобществления последней массовой формы частной собственности на средства производства—бедняцко-середняцкой—в форме коллективизации.

У тов. Залкинд получается, что нет принципиальной типовой разницы между различными «соединениями», лишь бы было соединение—все работали,—лишь бы были средства производства, с которыми соединялась рабочая сила.

Такая теория есть следствие ученической игры понятиями, а также предположения, что в переходный период действуют законы законченной формации, что с самого начала во всех отношениях господствует социализм и что весь переходный период характерен плавным приспособлением и превращением всего инородного в однородное—последовательно социалистическое.

Но тов. Залкинд из этой своей «теории» переходного периода делает и свои выводы: на ее основе строит свою теорию народонаселения коммунистического общества. И хотя внешне она только попутно останавливается на ряде важнейших вопросов переходного периода, по существу они занимают у нее центральное место. Одним из таких решающих вопросов является вопрос о классах в переходном периоде.

II. О классах в переходном периоде

Несомненно, одним из самых основных вопросов переходного периода является вопрос о классах, вопрос о классовых отношениях, о классовой борьбе, о путях уничтожения классов и создания бесклассового общества.

Ленин, устанавливая, что пролетариату, захватившему власть и начавшему осуществлять переходные мероприятия по революционному пре-

⁸ Цитир. статья. (Разрядка моя.—С. Г.).

превращению капитализма в социализм, в бесклассовое общество, необходимо будет с самого же начала определить свое отношение к остальным двум классам общества: капиталистам (эксплоататор) и мелкой буржуазии. Тов. Ленин в своем плане работы о диктатуре пролетариата говорит:

«Выход из классового общества к неклассовому, бесклассовому.

Три основные группы, класса: эксплуатируемые, эксплуататоры, средние; рабочие, капиталисты, мелкая буржуазия.

Как выйти? «Большинство» из разных классов? Не классовая борьба, а большинство?

Продолжение классовой борьбы в иной форме: господствующий класс (эксплуатируемых; пролетариат, а не эксплуатируемые вообще).

Средние, колеблющиеся, ведомые.

Капиталисты (эксплуатирующие), подавляемые, подавляются их сопротивление»⁹.

Рабочий класс, подавляя сопротивление капиталистов (эксплоататоров), должен вести мелкую буржуазию (основную массу которых в СССР составляло, до периода сплошной коллективизации, середняцкое крестьянство) к социализму. История всей борьбы рабочего класса СССР под руководством ВКП(б) за построение социализма, за ликвидацию эксплуататорских классов, за переход всей бедняцко-средняцкой массы в колхозы целиком подтвердила правильность марксистско-ленинской теории классовых отношений в переходный период. Осушествление генеральной линии партии привело уже к концу 1931 г. к охвату коллективами свыше 60% бедняцко-средняцких хозяйств и на этой основе к разгрому кулачества. В 1931 г. было завершено построение фундамента социалистической экономики, а во второй пятилетке мы ставим перед собой задачу построения бесклассового общества.

Если на протяжении всего переходного периода, с одной стороны, идет обострение классовой борьбы с капиталистическими классами и с агентами эксплуататоров за ликвидацию системы эксплуатации, за ликвидацию эксплуататорских классов, за ликвидацию частной собственности на средства производства, то, с другой стороны, отношения пролетариата с середняцкими массами складываются как отношения союзников, как отношения руководства помощи и разъяснения, как отношения показа примером наиболее эффективных путей создания крупных хозяйств на основе коллективизации под руководством пролетариата. Путь коллективизации,— как неоднократно говорил Ленин,— есть путь к полному социализму для бедняцко-средняцкого крестьянства, ибо «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,— это и есть строй социализма»¹⁰.

Из сказанного вытекает, как это должно быть ясным для всякого коммуниста, что не нужен будет еще добавочный особый путь для колхозного крестьянства, например, их превращение в пролетариев, чтобы они могли завершить свой путь к социализму.

Но тов. Залкинд развила противоположную точку зрения: для всех единственным путем к социализму является путь «пролетаризации», путь фабрично-заводского рабочего. Из этого своего основного положения она выводит все классовые отношения.

⁹ Ленин, План работы о диктатуре пролетариата, Ленинский сборник. III. стр. 493.

¹⁰ Ленин, О кооперации, Собр. соч., 1-е изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 142.

«Рост рабочего класса в СССР,— говорит т. Залкинд,— тождественен с ростом последовательно социалистических производственных отношений. Вовлечение в промышленность кустарей и крестьян-единоличников означает расширение сферы последовательно социалистических производственных отношений. Вовлечение колхозников в промышленность означает рост последовательно социалистических отношений за счет социалистических»¹¹. Итак единственный путь построения полного социалистического общества,— это путь превращения колхозника в пролетария.

Но почему тогда не вести линию на пролетаризацию индивидуального крестьянина: путь простой и непосредственный? Объяснений такого вполне естественного вопроса в статье т. Залкинд нельзя найти, точно так же как нельзя найти объяснения, почему нужен был такой обходной — для ее концепции — путь: путь коллективизации бедняцко-средняцких масс с последующей их «пролетаризацией». Как видно, т. Залкинд считает, что существуют значительные трудности для непосредственного превращения единоличника в пролетария.

Из этой искусственной, надуманной теории вытекает, что переходный период делится на этапы не так, как его делит партия, согласно формулировке т. Сталина. Выходит, что первый этап продолжается до тех пор, пока, с одной стороны, всех, кого можно, не удастся превратить в пролетариев, а с другой — все индивидуальные бедняцко-средняцкие массы не объединятся в колхозы. После этого наступает следующий этап превращения колхозников в пролетариев. Окончание его и будет завершением построения бесклассового общества.

«У нас останутся,— говорит т. Залкинд,— колхозники и рабочий класс.

Переделка колхозных отношений из социалистических в последовательно социалистические будет означать всякое отмирание классов вообще.

Рост пролетариата и последовательно социалистических отношений приведет к бесклассовому обществу»¹².

«Теория» всеобщей «пролетаризации» выдается за теорию построения бесклассового общества. Эта политически неверная теория является механистической теорией, обходящей всю сложность процесса построения бесклассового общества.

Хочет или не хочет т. Залкинд (вероятнее всего, что сознательно не хочет), но ее теория классов в переходном периоде является общетеоретической базой «леваков», проповедующих осужденную партией теорию совхозизации колхозов, не видящей других путей построения полного социализма помимо превращения колхозников в рабочих совхозов.

Теория классов в переходном периоде т. Залкинда льет воду на мельницу паникеров левой фразы (делающих дело правых), по существу разлагающих колхозы механическим перенесением всех форм организации и оплаты труда из госпромпредприятий в колхозы, создающих условия для укрепления индивидуалистических рваческих тенденций у части колхозников по отношению к колхозу, не заинтересованность в результатах работы колхоза в целом и т. д. Чем руководится такая «левая» практика? Она руководится теорией, что только перенесением всех без исключения форм

¹¹ Залкинд, стр. 35. Везде разрядка моя—С. /.

¹² Там же, стр. 36.

отношений, существующих в госпредприятиях, можно перевести колхозы — социалистический тип предприятия — на высшую социально-экономическую ступень, на ступень последовательно социалистического типа предприятия, т. е. по существу перевести колхозников на положение наемных рабочих колхоза, а колхозы на деле превратить в государственные предприятия.

Для того чтобы не осталось никаких сомнений в ее понимании проблемы уничтожения классов переходном периоде т. Залкинд так подводит итог своей теории: «Рост пролетариата означает рост социализма и последовательно социалистических производственных отношений. Количественный рост последовательно социалистических производственных отношений даст новое качество этих отношений — бесклассовое общество, последовательно социалистические производственные отношения бесклассового общества. Воспроизводство рабочего класса как воспроизводство бесклассового общества — такова эта свойственная экономике переходного периода черта коммунистического закона населения»¹³.

Сказанное не требует комментариев. Вместе с тем нет ничего удивительного, если наш автор считает служащих и домашних хозяек (жен рабочих) принадлежащими якобы не к классу пролетариев, а к особой классовой группировке: как видно к классам... домашних хозяек и служащих. Поэтому только переход их на работу в госпредприятия в качестве рабочих переведет их из одного хозяйственного уклада в другой и расширит последовательно социалистические производственные отношения за их счет: на стороне рабочих — единственных представителей последовательно социалистических отношений — плюс, а на стороне других классовых групп — минус. Такова бегло разобранная механистическая теория классов в переходном периоде.

Все это говорит о том, что наш автор не понял сути такой категории, как производственные отношения, не понял сути и конкретных путей построения социализма, сути переходного периода.

II. О ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом

И в рассмотрении т. Залкинд проблемы ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом и между городом и деревней мы видим то же отсутствие рассмотрения изучаемого явления в его развитии, надуманность и упрощенность.

Можно было бы кратко изложить всю теорию т. Залкинд о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом как теорию постепенного отмирания профессий и отмирания специализированных видов труда: сначала неквалифицированного, затем квалифицированного и наконец высококвалифицированного. О чем говорит такая теория постепенной ликвидации профессий и квалификаций? Она говорит, во-первых, о том, что процесс ликвидации будет не всеобщим и одновременным, а будет переноситься от одного замкнутого участка на другой, во-вторых, что он сможет быть закончен в весьма отдаленном от нас периоде, когда уровень развития производительных сил окончательно ликвидирует всякий специфический вид труда и сделает один вид труда похожим на другой, создаст однотонность. И наконец, так как коммунизм предполагает ликвидированной эту противоположность, то момент перехода социализма в фазу коммунизма отодвигается в бесконечность.

¹³ Залкинд, К вопросу о планировании труда в СССР. «Проблемы экономики» за 1931 г., № 4—5, стр. 36.

Сущность противоположности между умственным и физическим трудом в капиталистическом обществе состоит в том, что на основе данного исторически низкого уровня развития производительных сил и данных буржуазных производственных отношений — разделение труда осуществляется в форме разделения умственного и физического труда, происходит разделение на профессии и квалификации и закрепление каждой данной функции за определенными группами лиц.

Ликвидация капиталистических производственных отношений на протяжении переходного периода резко меняет характер противоположности между умственным и физическим трудом. Достижимый в переходный период уровень производительных сил лишь создает необходимые условия для последующей ее окончательной ликвидации. Затем постепенно в меру роста производительных сил и культурности населения эта противоположность будет полностью ликвидирована.

Неправильно было бы представлять, что ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом есть ликвидация разделения труда вообще. Наоборот. Нужно предполагать, что при коммунизме, на основе чрезвычайно высокого уровня развития производительных сил и исключительно широкого и разностороннего удовлетворения человеческих потребностей, разделение труда будет расширяться. Но это разделение труда в коммунистическом обществе не будет обусловлено закреплением определенного рода деятельности и работы за определенной группой лиц или определенной частью общества.

Весь вопрос сводится к двум моментам: 1) производительные силы достигают такого уровня, — высокая механизация и автоматизация всех производственных процессов, несложность ознакомления с их работой, — когда ликвидируется необходимость закрепления каждой функции за определенной группой лиц, и 2) политехническое образование (а не просто политехническая грамотность) достигает такого высокого уровня, когда работник коммунистического общества может с одинаковой легкостью переходить с одной производственной работы на другую, от физической работы к умственной, и наоборот. В период социализма мы быстрейшими темпами движемся по этим двум линиям.

Нельзя предполагать, что этот путь будет коротким, что он может быть изжит в результате издания декрета и ряда организационных мероприятий. Больше того. В настоящее время СССР ставит особо остро вопрос о высококвалифицированных и квалифицированных кадрах и о стимулировании их образования, стремления получать высокую квалификацию и специальность. Но наряду с этим созданы все необходимые условия и широко осуществляются мероприятия по: а) ликвидации безграмотности и малограмотности, б) осуществлению всеобщего первоначального и до 17 лет политехнического образования; в) вовлечению сотен тысяч и миллионов в систему подготовки высококвалифицированных рабочих, техников, инженеров, экономистов и др.; г) развитию науки и ее производственному применению.

Поэтому нельзя и с точки зрения конкретных путей, и с точки зрения конечных установок выдвигать лозунг «отмирания высококвалифицированного труда» (Залкин и др.). Наоборот, коммунизм неминуем без высококвалифицированного в разностороннем отношении труда. Квалификация разносторонняя делается всеобщей, а не будет принадлежностью определенной группы лиц или части общества. Учитывая современный уровень техники, пути и перспективы ее развития и ход развития политехническо-

го образования, нужно утверждать, что полный коммунизм наступит в период, когда любой физический труд будет высококвалифицированным трудом, так же как и любой умственный труд и переход от одного вида труда каждого члена общества к другому будет совершаться с предельной легкостью. Это и значит, что в коммунизме противоположность между умственным и физическим трудом будет уничтожена, что люди будут легко переходить с умственной на физическую работу и наоборот. Это значит, не будет постоянных «слесарей», «токарей», «электротехников». Но будет «слесарная», «токарная», «электротехническая» работа и др., которые с одинаковым успехом смогут быть выполнены любым членом коммунистического общества, ибо квалифицированность любого члена коммунистического общества будет высокая, разносторонняя на основе чрезвычайно высокого уровня развития техники. Каждый сможет выполнять и умственную и физическую работу любой специальности, профессии, квалификации. Такова, нам кажется, реальная установка на характер путей ликвидации этой противоположности и на самый характер ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

IV. О ликвидации противоположности между городом и деревней

Точно такая же недостаточная конкретность и ясность существует у т. Залкинд и по вопросу о ликвидации противоположности между городом и деревней.

Сущность противоположности между городом и деревней состоит в том, что весь предыдущий ход развития человеческого общества в эпоху капитализма: 1) все больше отделял от сельского хозяйства один вид промышленной деятельности за другим; 2) превращал одну за другой ранее неотъемлемые от сельского хозяйства функции в специальные отрасли промышленности, перемещающиеся вместе с тем в город; 3) на этой базе строилась исключительная эксплуатация городским промышленным капитализмом (вкуче с деревенским) основной массы сельскохозяйственных производителей — мелких «самостоятельных производителей»; 4) сельскохозяйственный труд закрепился за определенной группой лиц, труд которых, при данных исторически сложившихся условиях и характере хозяйственного развития, значительно менее производителен, чем труд рабочих промышленности, являющейся ведущей в общем хозяйственном развитии, так как сельское хозяйство в условиях капитализма развивалось в значительной мере оторванно от современных ему достижений науки и техники; 5) пространственная разбросанность и значительная раздробленность сельского хозяйства, в известной мере мешающая при капитализме создавать в сельском хозяйстве аграрно-промышленное комбинированное производство, сводит сельское хозяйство к отрасли, занимающейся в основном лишь обработкой почвы в узком смысле этого слова. Все это является условием сравнительно более низкого жизненного уровня работников сельского хозяйства, сравнительно низкой культурности и ограниченности, т. е. создает тот узкий кругозор, отсталость, ограниченность, политическую консервативность и консервативность в быту, получившие у Энгельса определение как «идиотизм деревенской жизни». Почти по всем указанным линиям по отношению к городу можно было применить понятие «наоборот».

Тов. Залкинд считает, что путь ликвидации противоположности между городом и деревней есть, собственно говоря, путь превращения деревень в города. Утверждение т. Залкинд, что в близком будущем у нас не будет роста городов, прямо противоречит всем партийным решениям по коммунальному хозяйству и директивам по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.

«У нас не будет иметь места,—говорит т. Залкинд.— в близком будущем рост городского населения за счет деревенского: партия взяла курс на уничтожение противоположности между городом и деревней, на превращение деревень в города». И это сказано тогда, когда по предварительным наметкам второй пятилетки предполагается рост городского населения на 15—20 млн. чел., в том числе за счет деревенского населения на 10—15 млн. чел. Таким образом мы имеем дело не с теорией ликвидации противоположности между городом и деревней, а с своеобразным перенесением на советскую почву буржуазной теории урбанизации.

Достаточно привести одно место из решений XVII партконференции в второй пятилетке, чтобы показать, как можно и нужно методами марксизма-ленинизма подходить к вопросу о конкретных путях ликвидации противоположности между городом и деревней.

«Полная коллективизация сельского хозяйства, рост крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружение совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей с.-х. труд в разновидность индустриального труда, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней»¹⁴.

Таковы партийные решения. Города еще долгое время будут расти. Их рост является не только и не столько результатом имеющихся еще пережитков капитализма. Если долгое время будет потребность в концентрации особых видов научной и культурной деятельности, концентрации сил авангарда борющегося пролетариата, коммунистической части человечества. В частности рост городов предопределен характером и уровнем производительных сил социализма и их ростом. Еще очень долгое время необходимо будет концентрировать такую отрасль, как горная промышленность, с отрывом людей от сельского хозяйства. Или такие отрасли, как металлургия (например Магнитогорск), хибинские апатиты, железнодорожный, морской и другой транспорт, крупные электростанции и связанные с ними промышленные комбинаты (Днепрокомбинат, Березниковский химкомбинат) и т. д.

После того как мы остановились на некоторых основных вопросах переходного периода и периода социализма, можно перейти к рассмотрению вопроса о закономерностях переходного периода и коммунистического закона населения.

V. О закономерностях переходного периода

В своей статье т. Залкинд правильно утверждает возможность и наличие экономических законов при социализме и правильно отсюда делает вывод о наличии одного из решающих законов общества — специфически исторического закона населения. Против этого правильного положения, целиком вытекающего из учения и прямых указаний Маркса и Ленина, ополчился малограмотной статьей некто С. Долгов и, что самое интересное, ополчился как раз против прямых высказываний Ленина, приведенных т. Залкинд.

«Уже с первых строк статьи А. Залкинд,—говорит Долгов,—становится ясным, что планирование труда в СССР является делом гораздо более мудрым, чем об этом принято обычно думать, поскольку оно опирается или

¹⁴ «Директивы к составлению пятилетнего плана народного хозяйства», принятые XVII партконференцией.

точнее должно, — согласно т. Залкинд, — опираться на познание особого общественного закона, который (слушайте, слушайте, приверженцы петрушкиных традиций!), «как всякий закон», есть существенное явление», есть «прочное, остающееся в явлении» и который именуется... «коммунистическим законом населения». Легкомысленного читателя уже от этих слов того и гляди ввергнет в восторженно-почтительную оторопь: до чего, чорт возьми, здорово и... непонятно!»¹⁵

«Грамотный» Долгов, иронически разделавшись с определением закона, данным Лениным, попутно разделался и с законом населения. Попытаемся понять, чего хочет Долгов: спорить с определением закона как таковым или с наличием у нас экономических законов вообще? Из всего контекста статьи, из смысла сказанного вытекает, что он недоволен усложнением дела до высоты закона, когда оно на самом деле весьма просто: взял да «спланировал». Причем же тут еще какие-то законы! Поэтому наш витязь-деляга восстал с трубным гласом против ленинских определений: зачем законы, раз мы и так все можем.

Ниже будет показана вся сила безграмотности Долгова, здесь же достаточно будет указать на его меньшевистское утверждение об отсутствии каких-либо экономических законов в переходном периоде и в периоде социализма, в частности утверждение об отсутствии одного из самых основных законов — закона движения народонаселения.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществами лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть другого государства, кроме революционной диктатуры пролетариата»¹⁶. Это положение Маркса не может не означать, что: а) диктатура пролетариата застаёт старое общество — капитализм — таким, как оно есть, со всеми его отношениями. В начале переходного периода капитализм экономически сильнее социализма; б) характер строительства социализма состоит в том, что в течение определенного промежутка времени национализируются крупные капиталистические предприятия, недра земли и поместья, а затем пролетариат проводит ряд других переходных мероприятий, все больше приближающих общество к социализму; в) переходные мероприятия, «революционное переустройство», осуществляются в обстановке обостренной классовой борьбы, в порядке наступления на собственнические, эксплуататорские классы; пролетариат развивает невиданную в истории силу принуждения по отношению к собственническим, эксплуататорским классам; г) строительство социализма происходит в ярко выраженных антагонистических формах, в обстановке бешеного сопротивления вытесняемых и ликвидируемых классов и их остатков как на экономической, так и на политической почве; д) новые отношения, отношения социализма, побеждают как отношения, носящие выраженные классовые черты; е) движение к бесклассовому обществу производится рабочим классом под руководством коммунистической партии.

Эти специфические условия движения общества к социализму в переходный период придают специфический характер закономерностям переходного периода. Переходный период имеет свои особые закономерности, еще не являющиеся закономерностями полного социализма (в особенности на первых этапах переходного периода). В меру революционного переустройства капиталистических отношений в социалистические, победа вторых над первыми — закономерности переходного периода превращается в законо-

¹⁵ С. Долгов, Троцкистская контрабанда плюс невежество, «ЗИ» от 8 января 1932 г.

¹⁶ Маркс, Критика Готской программы. Разрядка Маркса

мерности социализма. Значит сами закономерности переходного периода на основе и в меру продвижения к социализму изменяются; изменяются от этапа к этапу, изменяются в зависимости от выдвижения диктатурой пролетариата новых ближайших основных задач каждого этапа переходного периода, наполняющих его содержанием.

Новая экономическая политика и есть политика «революционной диктатуры пролетариата», имеющей своей задачей осуществление ряда переходных мероприятий для «революционного переустройства» капитализма в социализм. Тов. Сталин на XVI съезде партии так определил задачи нэпа: «Нэп предполагает не только отступление (как это говорила объединенная троцкистская оппозиция.— С. Г.) и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития наступление социализма на капиталистические элементы, сужение поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное сокращение капитализма, растущий перевес обобществленного сектора над сектором необобществленным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами»¹⁷.

Социализм — это первая фаза коммунизма. При социализме уже нет классов, нет эксплуатации, нет частной собственности, отсюда и частного производства; все общественное производство, как и движение населения, происходит в плановом порядке. Переходный же период — это период революционной ликвидации частной собственности на средства производства, борьбы плана со стихией, плана, устанавливаемого партией и пролетарским государством, проводимого всей системой диктатуры пролетариата. Поэтому нельзя отождествлять закономерности переходного периода с закономерностями полного социализма.

Но в нашей печати встречаются авторы, ставящие знак равенства между экономическими законами переходного периода и законами социализма. В их постановке вопроса выходит, что переходному периоду свойственны экономические законы полного социализма и что на его протяжении происходят лишь их совершенствование, отшлифовка, уничтожение острых углов и т. д. Это механистическое толкование закономерностей переходного периода могло явиться следствием того, что эти авторы считают допустимым при анализе закономерностей переходного периода отвлекаться от наличия антагонистических классов, от наличия различных хозяйственных укладов, соотношение которых быстро изменялось на протяжении всех предшествующих стадий переходного периода. Ведь не даром же Ленин в начале переходного периода энергично обращал внимание на наличие в нашей экономике пяти укладов: как видно это необходимо для того, чтобы мы умели соразмерять силы в нашей борьбе и определять свое отношение к каждому из них на каждой последующей стадии революционного переустройства общества. На протяжении всего пути переходного периода шла решительная борьба с некоторыми из этих укладов, различно строились отношения с другими. Наше народное хозяйство представляло (и еще представляет) собой антагонистическое единство, развивающееся к социализму под революционным воздействием пролетариата под руководством партии.

Несмотря на «левое» звучание теории идентичности законов социализма и переходного периода, она по существу является оппортунистической теорией, смазывающей трудности, необходимость борьбы за соци-

¹⁷ Сталин, Политотчет XVI съезду ВКП(б). Стенографический отчет XVI съезду ВКП(б), стр. 37. Разрядка т. Сталина.

ализм и известными своими гранями смыкается с оппортунистической теорией «равновесия» секторов. «Теория эта не имеет конечно ничего общего с марксизмом. По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. Из геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто — кого»¹⁸. Троцкисты развивают теорию поглощения социалистическим сектором несоциалистического. Эта теория получила печальную известность под названием «закона первоначального социалистического накопления». И правая и троцкистская теории — это механистические теории переходного периода, рассматривающие его закономерности с механистических позиций.

Тов. Залкинд, механистически рассматривая сущность переходного периода, с этих же позиций рассматривает и действующие на его протяжении экономические закономерности. С первого же его момента действуют, мол, закономерности социализма.

«Экономика переходного периода, — говорит тов. Залкинд, — диктатура пролетариата — классовое общество; но те законы, которые рождаются в переходную экономику в борьбе и победе над капитализмом и остатками капиталистических закономерностей, являясь уже законам бесклассового общества»¹⁹.

И дальше в своих итоговых рассуждениях, давая полное определение характера закона в переходный период, она говорит:

«Рождаясь вместе с диктатурой пролетариата и социалистическими производственными отношениями, новый закон обогащается в своем развитии новыми специфическими чертами, теряет ряд особенностей, свойственных низшим ступеням социалистического способа производства, развивается и придает новое качество своим первоначальным чертам»²⁰.

При наличии таких законов стираются особенности переходного периода как периода истории человеческого общества, на всем своем протяжении наполненного особо острой классовой борьбой. В постановке же разбираемой работы выходит, что закономерности классового общества складываются не в условиях отношений классов, не в обстановке классовой борьбы, а являются какими-то абстракциями. А ведь переходный период — это период непрерывного революционного переворота, это есть период скачка из одного качества — капитализм — в другое — социализм. Этот скачок нельзя себе представлять как однодневный акт великого 25 Октября. С точки зрения истории человечества весь переходный период — это этап революционного превращения капитализма в социализм. Это превращение не есть надчеловеческий стихийный процесс. Оно (превращение) есть результат сознательной классовой борьбы пролетариата против буржуазии по принципу «кто — кого», а не слащавой шлифовки и самоусовершенствования. Возможно, что такое непонимание вопроса является результатом смешивания

¹⁸ Стялип, К вопросам аграрной политики в СССР. Сборник «Во росы ленинизма», изд. 7. Разрядка здесь и дальше моя, — если только нет специальной оговорки — С. Г.

¹⁹ Залкинд, цитир. статья, стр. 23.

²⁰ Там же.

двух моментов: социалистического характера Октябрьской революции, поставившей перед собой задачу построения социализма, с социализмом, к которому мы быстро двигались в обстановке острой классовой борьбы и который мы продолжаем быстро строить. Вспомним хотя бы, что говорил т. Ленин к 4-летию Октября о расчистке авгиевых конюшен феодализма и о необходимости развернуть переходные мероприятия к социализму. А до того у нас были только ростки социализма, которые нужно было длеять и разывать, мы в основном ликвидировали еще пока только классы помещиков и крупных капиталистов, национализировав их собственность; мы еще имели лишь первые завоевания по воспитанию у широких масс рабочих коммунистического отношения к труду: коммунистические субботники и т. д.

Вот это непонимание сущности переходного периода и свойственных ему закономерностей приводит т. Залкинд к странной теории обязательности недостатка рабочей силы на всем протяжении периода социализма и вытекающих из этого факта трудностей.

VI. О планировании рабочей силы

Тов. Сталин в своей речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» показал, что затруднения с рабочей силой, переживаемые нашими предприятиями, не случайны, что они обусловлены социальными сдвигами, происшедшими в стране. Вместе с тем вся его речь была направлена к тому, чтобы показать, что затруднения являются следствием того, что хозяйственники своевременно не разобрались в обстановке и не начали хозяйствовать новыми методами: нужно хозяйствовать по-новому, и затруднений с рабочей силой не будет. Ибо там, где раньше можно было найти рабочую силу, сейчас ее нет, — она находится «в другом месте». Тов. Сталин иронизирует по поводу хозяйственников, не разобравшихся в новой обстановке: «они, очевидно, думают, что затруднения с рабочей силой представляют случайное явление, что недостаток рабочей силы исчезнет сам, в порядке, так сказать, самотека. Это — заблуждение, товарищи. Затруднения с рабочей силой не могут исчезнуть сами. Они могут исчезнуть лишь в результате наших собственных усилий»²¹.

Как будто вполне понятно, о чем говорит т. Сталин. Изменившиеся условия создали затруднения с рабочей силой, потому что не сразу разобрались в сути изменения и не перестроились соответственно этому; когда разберемся в новой обстановке и соответственно перестроим и поставим работу, затруднений не будет, ибо мы сознательно двигаемся вперед на основе учета всех действующих сил. А тов. Залкинд возводит эту неслучайность на степень исторической «неизбежности», и получается непреодолимая трудность, постоянно воспроизводимая, раз воспроизводятся социалистические отношения. Таким образом, затруднения с рабочей силой в настоящем и будущем неизбежны и являются выражением коммунистического закона населения!

«Недостаток рабочей силы, — говорит т. Залкинд — необходимо вытекает из преобладающего положения социалистического способа производства в период социализма»²². Почему же по ее мнению получается эта неизбежность затруднений с рабочей силой в период социализма? Ответ получается очень простой и нам уже знакомый: «В этом об-

²¹ Сталин, Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства. Огиз, «Московский рабочий» 1931 г., стр. 6.

²² Залкинд, Цитир. статья, стр. 25.

единении бедноты, «свободной» от средств производства, и середняков с передовой техникой — основная причина, делающая затруднения с рабочей силой «необходимыми»²³. Но может быть это приводит к затруднению, но сами затруднения встречают какое-то противодействие, приводящее к изжитию затруднений? Нет, эти затруднения по существу не изживаемы, так как они свойственны коммунистическому закону народонаселения.

«В период социализма,— говорит тов. Залкинд,— сам недостаток рабочей силы порожден сокращением нищеты, ростом благосостояния бедняцко-средняцких масс. Недостаток рабочей силы есть черта коммунистического закона населения в период социализма»²⁴.

Неверность утверждений т. Залкинд может быть выявлена указанием хотя бы на такой простой факт, что затруднения с рабочей силой являются результатом, своевременно неучтенной хозяйственниками, ликвидации расслоения деревни и нашего быстрого хозяйственного роста. Раз и навсегда произошла ликвидация расслоения и всякой возможности его возрождения. Поэтому ликвидация процессов расслоения и условий, ведущих к нему, есть закономерность переходного периода, не повторяемая при социализме. Но самый факт ликвидации процесса расслоения на базе коллективизации непосредственно ведет к социализму, есть один из крупнейших актов строительства социализма. Дальше начинается нечто новое, так как со старым целиком уже покончено. А это новое и есть период социализма, имеющий свои закономерности.

Например до периода социализма, до того, как нам удалось закончить восстановительный процесс и широко развернуть реконструкцию, до того, как нам удалось перевести середняка на рельсы коллективизации, наша промышленность в решающей части снабжалась рабочей силой самотеком. Новые условия в основном ликвидировали самотек «притока» рабочей силы. Поэтому т. Сталин предлагает развернуть действие нового экономического закона снабжения рабочей силой наших предприятий: договора с колхозами и механизация трудоемких работ.

Кроме того, действие этого закона должно распространиться и на движение рабочей силы между предприятиями. Прежний «самотек» в перераспределении рабочей силы — текучесть — стал в период реконструкции нашим бичом.

«В период развернутой реконструкции, когда масштабы производства стали гигантскими, а техническое оборудование до крайности сложным,— текучесть рабочей силы превратилась в бич производства, дезорганизующий наши предприятия. «Терпеть» теперь текучесть рабочей силы — значит разложить нашу промышленность, уничтожить возможность выполнения производственных планов, подрвать возможность улучшения качества продукции»²⁵.

В чем же причина этой текучести, где то звено, за которое нужно ухватиться, чтобы ликвидировать это серьезнейшее зло на наших предприятиях, это затруднение с рабочей силой? Тов. Сталин на этот вопрос отвечает: «Зло лежит в неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в «левацкой» уравниловке в области зарплаты. В ряде предприятий тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифици-

²³ Там же, стр. 26.

²⁴ Залкинд, Цитир. статья, стр. 26.

²⁵ Сталин, Новая обстановка — новые задачи, стр. 7—8.

цированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен, таким образом, перспективы продвижения вперед, ввиду чего он чувствует себя «дачником» на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы «подработать» немного и потом уйти куда-либо в другое место «искать счастья». Уравниловка ведет к тому, что квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти наконец такое предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом.

Отсюда «всеобщее» движение из предприятия в предприятие, текучесть рабочей силы»²⁶.

Это затруднение с рабочей силой может быть ликвидировано и должно быть ликвидировано. Для этого необходимо сломать тарифную сетку, ликвидировать уравниловку в зарплате и снабжении, повысить заботы о снабжении и материально-культурном и жилищном обслуживании рабочих. Так конкретно предлагает т. Сталин строить социализм. Здесь нет ни одного грана допущения, что при социализме возможны и должны быть затруднения с рабочей силой. Наоборот. Проведение в жизнь шести условий т. Сталина целиком ликвидирует все затруднения с рабочей силой.

Так сознательно творятся экономические законы переходного периода и периода социализма. Лозунги партии играют решающую роль в создании и оформлении этих законов.

Остается в данной связи только остановиться еще на вопросе о принудительном труде. Тов. Залкинд говорит: «Всеобщность труда — важнейшая черта коммунистического закона народонаселения. Вытекает она из упразднения безработицы, с одной стороны, и праздности — с другой».

«В реконструктивный период при развернутом социалистическом наступлении на капиталистические элементы вновь стоит в широком масштабе проблема принудительного труда. Но он не является актом мести бывшим угнетателям. Он является школой труда для нетрудовых классов, является ступенью к общественно-полезному труду тех, кто либо совсем не трудился и был общественным паразитом, либо знал лишь одну форму труда — труд эксплуатации»²⁷.

Тов. Залкинд предполагает, что проблема принудительного труда — это проблема административная: раз построили социализм и у нас имеются затруднения с рабочей силой, значит нужно принуждать к труду всех паразитов. К тому же они должны быть нам благодарны: воспитываем трудом. Постановка вопроса соблазнительная, но политически неверная.

Мы переживаем затруднения с рабочей силой не из-за ее отсутствия, а из-за неумения хозяйственников своевременно учесть новую обстановку. Лозунг «не трудящийся — да не ест» у нас решительно осуществляется и полностью будет претворен в жизнь после ликвидации частного хозяйства, классов и их остатков. Тогда самые заядлые паразиты неизбежно должны трудиться и работать. В социалистическом обществе нетрудящийся не сумеет существовать за исключением стариков и детей. Вот как стоит вопрос. Ставить же проблему административного принуждения к труду — значит ставить вопрос политически неправильно, значит лить воду на мельницу наших врагов, значит, не понимать сути азов марксизма-ленинизма.

Нельзя путать проблему «принудительного труда» с трудовым перевоспитанием совершивших преступление против пролетарского государства и строительства социализма.

²⁶ Сталин, Новая обстановка — новые задачи.

²⁷ Залкинд, Цитир. статья, стр. 34.

V.I. О коммунистическом законе народонаселения

Маркс в ряде своих работ говорит о том, что каждое человеческое общество имеет свой закон народонаселения. Нет закона населения вообще. Даже у животных, с момента вмешательства человека, действует исторический закон населения, т. е. такой закон, характер и действие которого изменяется вместе с изменением производительных сил человеческого общества, вмешивающегося в движение населения животного мира. Для понимания специфически исторических законов населения необходимо предварительно разобраться в системе производственных отношений данного общества, т. е. в общественных отношениях людей. На этой базе только и можно изучать движение населения, так как это значит изучать основное производственное отношение людей в данном обществе, т. е. условия существования и воспроизводства основной массы населения.

Сущность капиталистического закона населения состоит в том, что капиталистическое производство в каждый данный момент дает работу, а значит и возможность существовать в соответствии с законом стоимости, с интересами производства, присвоения и накопления прибавочной стоимости, определенному количеству рабочего населения, а остальных лишает работы, — как в данный момент ему ненужных.

Маркс в ряде мест прямо указывает, что и в социализме, как и во всяком человеческом обществе, будет действовать специфически исторический закон населения, так как и в социалистическом обществе будут свойственные ему постоянно повторяемые связи, последовательность, зависимость явлений, в том числе и такого явления, как движение населения. Движение населения в социалистическом обществе подчиняется своим особым регулирующим факторам как в отношении общего численного роста, так и в отношении внутреннего движения и передвижек по всем направлениям.

В чем же специфические черты социалистического закона движения народонаселения? Эти черты следующие:

Воспроизводство рабочей силы общества при социализме есть непосредственно общественный акт, в противоположность капитализму, когда рабочая сила воспроизводится как наемная рабочая сила капиталистов, когда воспроизводство рабочей силы есть частный акт как в физическом, моральном отношении, так и в отношении квалификации самого рабочего, а также продолжения рода. При капитализме воспроизводство рабочей силы становится в конечном счете общественным актом постольку, поскольку рабочий находит работу, т. е. поскольку воспроизводство рабочей силы есть акт воспроизводства живого элемента производительного капитала. При социализме воспроизводство общественной рабочей силы есть непосредственно общественный акт во всех отношениях: 1) улучшения материальных условий существования работника, 2) его квалификации и переквалификации, 3) воспитания (в широком смысле слова) нового потомства и 4) создания необходимого типа работника и в профессиональном и в квалификационном отношении; 5) подъема общей культурности и ее направленности и т. д.

Безработица ликвидируется; все трудоспособное население трудится. На основе всеобщности (и обязательности — в вышеуказанном смысле) труда развертывается свое действие этот закон в новых общественных условиях. В этом его принципиальная отличительная часть.

Закон развертывает свое действие на базе непрерывно повы-

шающего роста благосостояния работающего населения (при отсутствии безработных). Этот момент отмечен т. Залкинд. Рост благосостояния социалистического населения идет в меру развития производительных сил общества.

В социальных условиях, в отношениях между людьми (как это имеется при капитализме) не лежат уже сдержки роста населения. Единственная «сдержка» лежит в моральной плоскости — интересы, потребность участия в производственно-общественной деятельности работников социалистического общества. Но нет уже социальной сдержки в виде интересов накопления капиталистов.

Развитие производительных сил сопровождается сокращением рабочего дня, что также указано т. Залкинд.

Подвижность населения при полном социализме, в особенности в фазе коммунизма, в связи с указанными достижениями, находится на высоком уровне. Эту подвижность нельзя путать с текучестью, с которой мы боремся в настоящее время. Подвижность работников полного социализма идет в полном соответствии и в пределах плановых наметок, с постепенной ликвидацией противоположности между городом и деревней и между умственным и физическим трудом.

Профессиональное и квалификационное распределение и перераспределение рабочей силы происходит не под влиянием колебаний заработной платы (цены) вокруг стоимости воспроизводства рабочей силы (форма, — чреватая чрезвычайными страданиями для миллионных масс рабочих и их семей), как это имеет место при капитализме, — а непосредственно, плановой акцией социалистического общества, его системой подготовки и переподготовки рабочей силы, системой ее направления и переброски, а также системой стимулирования в разных формах, снабжением, материально-культурным и жилищным обслуживанием.

Такие черты социалистического закона населения говорят о специфически историческом законе, получающем свои черты от данной формы общества, от данной системы производственных отношений, от данных общественных условий существования и развития общества, его производства. Услышав, что т. Залкинд говорит о каком-то коммунистическом законе населения, Долгов по ассоциации безграмотных идей связывает закон населения с именем Мальтуса.

«А серьезный читатель, пожалуй, подозрительно насторожится: уж не идет ли здесь речь о каких-либо откровениях неомальтузианского типа? Наш автор однако человек серьезный и к тому же его, видимо, мало беспокоят подобные «тени прошлого»: он — весь в будущем, горя нестерпимым желанием приподнять завесы будущего, вскрыть неизвестные доселе закономерности экономики не только строящегося социализма, но и развитого коммунистического общества...

Однако что же это за «закон», в котором — усилиями А. Залкинд — растворяются без остатка вопросы планирования труда в СССР? В чем заключается его «существенное явление»? Действительно ли здесь имеется в виду установить какие-то функциональные связи и каузальные зависимости между определенными величинами, влияющими на движение народонаселения при коммунизме? Или дело сводится просто к констатации (под видом «закона»!) некоторых факторов, наблюдаемых в экономической действительности сегодняшнего дня? Увы! на это ответить не так-то легко»²⁸.

Не будем останавливаться на похабном иронизировании над ленинским определением закона как «существенного явления». Долгов не может понять

²⁸ Долгов, Троцкистская пропаганда...

закон населения, кроме как только по-мальтузиански. А так как он слышал, что мальтузианство — «незаконное» в советских условиях учение, то... крой с плеча.

Мальтузианская теория народонаселения сводится к утверждению, что движение населения может происходить лишь в соответствии с движением естественного плодородия почвы. При predetermined потребном минимуме средств существования для каждого человека predetermined общая численность населения. Поэтому поп Мальтус предлагает не ограничиваться только руганью бога за такой predetermined закон, а тем более не ругать имущие классы — совершенно неповинные в его существовании, а просто вымирать до момента установления равновесия между численностью населения и наличным объемом получаемых с почвы средств существования. Поэтому — по Мальтусу — этот закон действовал, действует и будет действовать вечно.

По-марксистски определенный закон населения социализма есть специфический общественно-исторический закон, выражающийся в специфическом темпе роста населения, в специфических условиях и форме внутреннего движения населения, в специфических связях и зависимостях в движении населения. Все эти свойства закона сознательно творятся человечеством в меру и на основе развития социализма, превращения его в коммунизм, в меру и на основе развития производительных сил общества.

Из всего сказанного вытекает, что все наблюдавшиеся закономерности в области движения населения до периода социализма — это были изменявшиеся специфические закономерности переходного периода. Общее между ними и закономерностями социализма состоит в основном в том, что последние — это закономерности социализма, а первые — ведут к социализму, являются закономерностями ликвидации капитализма и его остатков. А т. Залкинд одну самую характерную, одну из самых специфических закономерностей переходного периода (ликвидацию безработицы и ее питательных источников с мелкобуржуазного конца, с его процессом расслоения, не повторяемую при социализме, так как ни о какой безработице в период социализма не может быть и речи), приписывает коммунистическому закону населения, делает самой основной его чертой. Поэтому у нее получается социализм с обязательными затруднениями с рабочей силой.

Развертывая действие коммунистического закона населения с момента захвата власти пролетариатом, т. Залкинд может поэтому утверждать, что безработица могла быть ликвидирована по секторам (средняк и часть бедняков ведь также в 1918 г. соединились со средствами производства) и задолго до ее ликвидации. Поэтому она видит правый оппортунизм не в том, в чем он действительно проявлялся на определенном этапе переходного периода, на определенном участке нашей работы.

«Только оппортунистическая близорукость правых из старого руководства ВЦСПС и НКТ, — говорит т. Залкинд, — ослепленных вредительской пылью, мешала им разглядеть необходимость ликвидации безработицы в СССР. Необходимость ликвидации безработицы индустриальных рабочих имела уже в восстановительный период. Уже на XIV съезде партии т. Сталин говорил о недостатке квалифицированных рабочих. Там, где господствовали социалистические производственные отношения, было возможно развитие коммунистического закона населения и ликвидации безработицы. Вредители и правые оппортунисты мешали превратить эту возможность в действительность,

мешали партии и пролетариату проявить «свободу воли» в ликвидации безработицы индустриальных рабочих, мешали планомерно перераспределить труд в промышленности, переквалифицировать необученных рабочих, в то же время вредители и правые, не выходя за пределы явления, не были способны понять, что приток безработных из деревни объяснялся наличием в ней капиталистического сектора и оживляемых им остатков капиталистического закона населения»²⁹.

А тов. Сталин в своем выступлении на совещании хозяйственников, говоря о затруднениях с рабочей силой во всем объеме (так как ясно, что квалифицированные кадры в массовом масштабе — результат нашей работы по подготовке), говорит об источниках рабочей силы — о их нахождении и организованном получении рабочих. Тов. Сталин говорил не о затруднениях с какими-либо профессиями или квалификациями рабочих, а о затруднениях с рабочей силой. Тов. Сталин говорил:

«Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, — было стало быть некий самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город. Помните формулу: «Бегство мужика из деревни в город!» Что заставляло крестьянина бежать из деревни в город? Страх голода, безработица, то обстоятельство, что деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к чорту на рога, лишь бы получить какую-либо работу»³⁰.

На данном этапе переходного периода мы с этим уже покончили. Создалась новая обстановка, требующая нового подхода к делу, новых методов хозяйствования, новых форм определения движения рабочей силы.

«Из этого вытекает, во-первых, то, что нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Значит, от «политики» самотека надо перейти к политике организованного набора рабочих для промышленности. Но для этого существует лишь один путь — путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками»³¹.

«Из этого вытекает, во-вторых, то, что нужно немедленно перейти на механизацию наиболее тяжелых процессов труда, развертывая это дело во-всю (лесная промышленность, строительное дело, угольная промышленность, погрузка-выгрузка, транспорт, черная металлургия и т. п.). Это не значит конечно, что нужно якобы забросить ручной труд. Наоборот, ручной труд должно еще будет играть в производстве серьезнейшую роль. Но это значит, что механизация процессов труда является той новой для нас и решающей силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства»³².

Но все это в совокупности (от «самотека» к плановому снабжению через договоры рабочей силы и механизацию трудоемких работ) и есть развертывание одной из сторон закона населения периода социализма.

Из всего вышесказанного можно сделать два вывода.

1. Тов. Залкинд рассматривала проблему коммунистического закона населения с механистических позиций. Поэтому она с проблемой не справилась и сделала ряд принципиальных ошибок.

Проблема основных закономерностей движения населения данной общественной формации может быть решена лишь при рассмотрении основных

²⁹ Залкинд, Цитир. статья, стр. 27, 28.

³⁰ Сталин, Новая обстановка..., стр. 4.

³¹ Там же, стр. 5.

³² Там же, стр. 5—6.

законов данного общества, определяющих развитие его системы производственных отношений, общественных отношений; а в переходном периоде — основных закономерностей ликвидации одних и развития других. Вот этого рассмотрения у т. Залкинд и не было. Поэтому отсутствие методологически важнейшего момента привело ее к игре понятиями, формальным схемам, непониманию сути общественного развития.

2. Проблема закона населения социализма — важнейшая проблема, но, как всякое начало, трудная. Неудачи первой попытки разрешения проблемы не должны обескураживать.

Всем вышенаписанным ни в коем случае не разрешается поставленная проблема. Мы имели перед собой узкую задачу: показать, как нельзя решать проблему. Понятно, что этим уже даны некоторые (только) намеки путей решения проблемы.

Проблему целиком можно решить, лишь опираясь на труды Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Уже одна только хорошо осуществленная научная систематизация высказываний наших учителей по разбираемому вопросу создала бы прочный и широкий базис и показала бы действительные пути для дальнейшей научной работы в разработке данного вопроса.

А. М. СЕТЮКОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Особенности нового этапа строительства

Отличительная черта электричества как вида энергии заключается прежде всего в том, что, обладая свойством трансформации, высоким коэффициентом полезного действия и создавая самые лучшие гигиенические условия труда, оно может проникнуть в самые глубокие поры хозяйственной деятельности, может охватить самые разнообразные виды производственных процессов. Эти преимущества электричества при современном уровне техники сделали его самым мощным и революционным источником энергии. Вот почему в вопросе создания технической базы социализма В. И. Лениным электрификация была выдвинута как центральная и решающая проблема социалистического строительства.

«Только тогда, — писал Ленин, — когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» (разрядка моя. — А. С.).

«Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшна индивидуализму мелкого землевладельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму» (IV Ленинский сборник, стр. 374).

Проводником и воплощением в практическую жизнь этих мыслей В. И. явился план ГОЭЛРО, представляющий собой первый набросок «единственной в наше время марксистской попытки подведения под советскую надстройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы» (Сталин, Письмо к Ленину, март 1931 г.). Электрификация на данном этапе развития науки и техники является самым мощным рычагом поднятия отсталых отраслей народного хозяйства страны, самым сильным стимулом роста производительности труда. В руках победившего пролетариата она является сильнейшим оружием в деле завершения полной победы коммунизма.

Это обстоятельство теоретиками марксизма было учтено и подчеркнуто с особой ясностью еще тогда, когда электротехника находилась в своем зародышевом состоянии. Так, Энгельс еще в 1883 г. по поводу первой попытки Депре передать электрическую энергию на расстояние в письме к Бернштейну писал: «Это дело имеет чрезвычайно революционный характер. Первая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии — теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света — одной в другую и обратно и промышленного пользования. Круг замкнут. И новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высоко напряжения с сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор

расстояния и быть применены в конечном пункте, — дело это находится еще в зародыше, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил и если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, — совершенно очевидно» (разрядка моя. — А. С.) («Летописи марксизма» № 8, стр. 103). И это было тогда, когда на сцену еще не появился трансформатор, когда объектом эксперимента Депре был даже не переменный ток, а вполне удавшиеся опыты предусматривали передачу энергии всего лишь на 56 км. Современная техника далеко оставила позади себя примитивные опыты Депре. Наступила эпоха, когда предусмотренные Энгельсом социально-экономические сдвиги совершаются на наших глазах и мы, являясь активными творцами этих переворотов, на деле осуществляем задачу уничтожения антагонизма между городом и деревней.

За 14 лет существования диктатуры пролетариата рабочий класс в союзе с бедняцко-средняцкой массой крестьян под руководством ленинской партии проделал героические усилия на фронте строительства социализма. Лозунг «пятилетка в четыре года» стал реальной действительностью сегодняшнего дня.

Мы на пороге второй пятилетки. И в намечаемой новой грандиозной программе строительства мы говорим, что «важнейшим элементом технической реконструкции народного хозяйства является создание новейшей энергетической базы, основанной на широчайшей электрификации промышленности, транспорта, и постепенное внедрение электроэнергии в сельское хозяйство» (из резолюции XVII партконференции).

Электрифицировать промышленность, транспорт и сельское хозяйство, подвести под наше хозяйство дешевый источник энергии, создать единое энергохозяйство страны — кардинальные задачи ближайших лет.

Эти задачи делают проблему передачи и распределения электрической энергии крайне актуальной. Если вопросы планирования электростроительства до сих пор предусматривали главным образом детальную разработку цифр капитальных затрат, места и величины устанавливаемой мощности объектов электростанций, то вопросам электронного транспорта в планах уделялось далеко недостаточное внимание. В результате этого наше электросетевое хозяйство прозито стать «узким местом» в деле электрификации страны. Колоссальный размах строительства новых фабрик и заводов не может быть успешным без удовлетворительного разрешения энергетической проблемы, и в частности без создания надлежащей сети электропередач. Практика строительства и эксплуатации истекших лет это подчеркивает со всей остротой. Так, если мы в вопросах установки мощностей идем вперед быстрыми шагами, то в вопросах электросетей положение значительно хуже, ибо в этой части программа строительства 1931 г. выполнена всего лишь на 30%. Случаи задержки пуска агрегатов из-за несвоевременной подводки энергии встречаются все чаще и чаще, и если учесть, что даже в 1932 г. мы будем вести строительство на 87 объектах общей мощностью в 5,5 млн. квт, то становится ясно, что задачи, стоящие перед сетевым хозяйством во второй пятилетке, весьма велики.

Электрификация, являясь решающим звеном нашего хозяйства, вместе с тем в значительной степени предопределяет и пространственное размещение производительных сил. Выстроить к концу второй пятилетки около 22 млн. квт установленной мощности и передать не менее 100 млрд квтч

электроэнергии — это значит не только широко электрифицировать построенные фабрики и заводы, но привлечь к индустриально-хозяйственной жизни новые районы нашей необъятной страны, создать более равномерное размещение производительных сил.

Характерной чертой первого этапа электростроительства — этап ГОЭЛРО — было то обстоятельство, что намечаемые им к строительству станции обычно не превосходили мощности порядка 50—80 тыс. квт. Построенные станции обслуживали главным образом прилегающие промышленные районы, и линии передач электрической энергии находились в стадии первоначального развития; на этой стадии распределительная сеть только развивается, и здесь преимущество планового хозяйства сводится лишь к регулированию топливоснабжения, возможности целесообразного применения различных видов топлива и возможности регулирования график потребления.

В период строительства первой пятилетки в большинстве энергетических районов электрические станции объединены линиями передач на параллельную работу, все строительство вступило в так называемую фазу кустования электрических систем. Линии передач получают широкое распространение, растут длина и напряжение передач. Москва, Ленинград, Иваново, Нижний, Донбасс, Урал имеют значительно развитое сетевое хозяйство. Циркулируемые мощности доходят до 400 тыс. квт (Москва). Расстояния передач доходят до 150—200 км и больше.

Вторая пятилетка с ее колоссальным размахом промышленного строительства и стремлением использовать дешевые источники энергии с значительной ориентировкой на гидравлическую энергию вносит в технику передачи и распределения электрической энергии немало изменений.

Установленная мощность гидравлических станций будет доходить до 22 % общей мощности станций Союза; должны войти в эксплуатацию станции рек: Чирчик (Средняя Азия), Камы и Чусовой (Урал), Сулак (Дагестан). Наконец намечается начало строительства на Волге и Ангаре. Мощность отдельных как гидравлических, так и тепловых станций, будет доходить до миллиона квт. То обстоятельство, что строительство ряда заводов будет произведено в местах, лишенных собственной энергетической базы, вызывает рост расстояния и напряжения передаваемой мощности до небывалых до сих пор величин. Сейчас нет еще точных подсчетов по трассам отдельных участков длины линий передач, но можно сказать, что вопрос идет о передаче на расстояния мощности порядка миллиона квт с напряжением, доходящим до 400 квт. Циркулирующие мощности в отдельных районах должны доходить до двух и выше миллионов квт (Кавказ, Москва — Нижний). Предварительные подсчеты говорят, что во второй пятилетке мы должны скустовать до 120 крупных электрических станций; общее протяжение линий передач возрастет при этом для линий напряжения 220 кв до 10—12 тыс. км, для линий 100 кв — до 35—36 тыс. км. Распределительная сеть возрастает до громадных размеров. Строительство второй пятилетки есть строительство единого планового энергохозяйства страны. Оно предусматривает прежде всего развитие электропромышленных комбинатов, создание внутри этих комбинатов единого теплосилового хозяйства путем комбинирования производства пара и электроэнергии, максимальное и полное использование гидроэнергетических ресурсов, объединение всей этой системы единой высоковольтной сетью и полную широкую электрификацию всех отраслей народного хозяйства.

Таким образом, проблема передачи и распределения электрической энергии, технически выражающая собой создание единого энергохозяйства, является одной из важнейших проблем нашего социалистического строительства, высшим этапом которого явится единая высоковольтная сеть.

Технико-экономические предпосылки единой высоковольтной сети (ЕВС)

Современное состояние техники сильных токов, высоких напряжений, защиты и автоматизации всех процессов выработки и распределения электрической энергии дает полную возможность осуществления самого широкого объединения электрических систем; проблема энергетики заставляет к этим вопросам подойти вплотную. Они стоят на повестке дня не только у нас, в СССР, но и за границей. Так, в 1930 г. в Берлине на II Всемирной энергетической конференции, немецким инженером Оливером был предложен проект создания европейской высоковольтной сети, сущность которого сводилась к тому, что все крупные электрические станции, пользующиеся выгодными энергетическими ресурсами объединялись высоковольтными магистралями и представляли собой единую электроэнергетическую систему с общим пунктом управления, находящимся в Берлине. Окружая высоковольтным кольцом такие города, как Лион, Париж, Берлин и др., с идущими от него магистралями на Мадрид, Рим, Валону, Константинополь, Будапешт, Ростов, Варшаву и Осло, он предусматривал рациональное использование низкосортных углей различных бассейнов, начиная от Домбровского и Верхнесилезского в Польше и кончая французскими бассейнами. Но важно то, что проект предусматривал широчайшее использование всех запасов гидравлической энергии Европы: реки Швейцарии и Норвегии на севере, целый ряд рек, берущих свое начало в Альпах, реки Испании, Италии и т. д. Такое объединение гидравлических и тепловых станций безусловно могло бы дать колоссальный экономический эффект.

Немного позднее аналогичные же проекты были предложены французским инженером Виеллем, швейцарцем Шенгольцером и др.; техническая сущность их мало чем отличалась, но зато с точки зрения политико-экономического различия эти проекты крайне противоречивы. Проповедуя полную беспартийность науки и техники, постоянно защищая их девственную чистоту, все же никто из них не мог замаскировать: того факта, что плод их творчества явно служит империалистическим интересам своей буржуазии. Так, инженер Оливер, сознавая всю важность поставленной им проблемы и ощущая всю трудность преодоления стоящих на ее пути препятствий, мимоходом замечает: «Пора уже подумать о генеральном плане развития электроснабжения всей Европы, осуществление которого будущее поколение сочтет совершенно естественным делом. Технические трудности уже можно считать преодоленными, чисто экономические вопросы европейской сети тоже разрешимы, преодолеть остается препятствия субъективного характера»¹ (разрядка моя.— А. С.). Нам ясно, что дело не в препятствиях «субъективного» и «личного» характера, а дело в препятствиях империалистического характера. Вопрос о том, где будет сидеть главный диопетчер, в Берлине или Париже, — вопрос далеко не субъективного характера, ибо это будет означать, кто будет контролировать всю энергетическую систему, это будет означать, в чьих руках будут находиться основные рычаги всего хозяйства Европы, и нам известно, как и кем могут быть разрешены подобного рода вопросы. ЕВС Европы будет осуществлена лишь социалистической Европой.

В построении единой социалистической системы энергетического хозяйства в СССР непреодолимых трудностей, свойственных капиталистической системе хозяйства, быть не может. Технические трудности можно считать вполне разрешимыми, и ЕВС Союза, являющаяся логическим следствием развития планового хозяйства, будет осуществлена.

¹ Сокращенный доклад на II Всемирной энергетической конференции.

Какие экономические предпосылки обуславливают необходимость постройки ЕВС?

Самой основной и самой общей предпосылкой являются социалистические условия нашего хозяйства. Они, и только они, создают возможность разрешения назревших технико-экономических проблем энергетического хозяйства.

Необходимость постройки мощных, порядка миллиона *квт* электрических станций, тепловых и гидравлических, выходящих, по существу говоря, далеко за пределы возможности экономического использования их мощности в системе одного объединения, оживление промышленности в районах, не имеющих собственной энергетической базы, ставят вопрос об электронном транспорте на большие расстояния и в больших количествах мощностей.

Теперь ясно уже всем, что энергетическая проблема Урало-кузнецкого комбината может быть вполне удовлетворительно разрешена только с постройкой ЕВС. Такие районы, как Москва, Иваново, Нижний, все острее и острее выдвигают вопрос об обмене энергией.

Электрическая связь этих районов вызовет проявление циркуляционной мощности системы, доходящей до 5 млн. *квт*. Тенденции развития нашего генераторостроения также оказывают на этот вопрос значительное влияние. Если производство генераторов мощностей порядка 24—50 тыс. *квт* можно считать в основном уже освоенным нашими заводами в 1932 г., то в будущем предстоит задача освоения производства агрегатов, мощности которых будут выражаться цифрой 100, 150 и 200 тыс. *квт*. В связи с этим проблема рационального резерва может быть разрешена удовлетворительно только при условии широкого кольцевания и межрайонных электрических связей. Кольцевание систем дает возможность за счет резерва снизить устанавливаемую мощность объединений, снизить капитальные затраты, а следовательно снизить и стоимость энергии.

ЕВС создает чрезвычайно благоприятные условия для использования в продолжительный период времени всей установленной мощности. Эта проблема для нас стоит чрезвычайно остро; правда, на этом фронте мы имеем значительное опережение даже передовой капиталистической техники Америки. Если установленная мощность САСШ в самые лучшие докризисные годы использовывалась в продолжение 3 000 часов из возможных 8 760 часов в году, то мы уже в 1931 г. имеем 3 900. Но эти достижения далеко недостаточны. С постройкой ЕВС у нас каждый *квт* установленной мощности должен дать 5—5,5 тыс. *квтч* энергии. ЕВС охватит широчайшее пространство нашей территории. Благодаря этому обстоятельству мы будем иметь сдвиг максимума по времени, будем иметь значительное выравнивание пик эксплуатационного графика, что даст громадный экономический эффект.

Так например по приблизительным подсчетам Энергостроя одна сверхмагистраль Урало-кузнецкого комбината от выравнивания пик при сдвиге по времени может дать экономию установленной мощности до 5%.

Чрезвычайно существенным аргументом в пользу существования ЕВС является проблема электрификации железнодорожного транспорта и сельского хозяйства.

Электрифицировать во втором пятилетии 30 тыс. км ж. д. пути — это значит не только поднять в 3—4 раза коэффициент использования топлива, но выстроить во вторую пятилетку десятки тысяч километров высоковольтной сети; одновременно с электрификацией ж.-д. транспорта мы будем иметь электрическую овязь между районами, создавая тем самым ЕВС, а вместе с ней и единое энергетическое хозяйство страны.

Электрификация сельского хозяйства, базирующаяся в основном на развитии агроиндустриальных энергетических комбинатов, с электрификацией железных дорог, с постройкой ЕВС получит колоссальные возможности. Широкий охват электрически скольцованной территории даст базу для постепенного широкого внедрения электричества во все процессы сельскохозяйственного производства, повысив тем самым эффективность и производительность человеческого труда. Таковы экономические предпосылки существования ЕВС.

Какие же технические проблемы ставит перед нами ЕВС и какие установки в этом вопросе следует иметь?

Колоссальная пространственная протяженность, большое рельефное и климатическое различие охватываемых районов при сооружении создают огромные трудности.

Достаточно сказать, что крайние точки магистралей будущей развитой ЕВС будут доходить до 35—37° южной широты (Средняя Азия) и 65° северной широты (Архангельск и Владивосток), проходя при этом по промерзшей почве северной части Сибири, по тайге, через горные перевалы Восточной Сибири, раскаленные пески Средней Азии и глубочайшие ущелья Кавказа с возможным колебанием температуры в 90—100°.

Возможные большие мощности точек питания этой сети создают дополнительные технические трудности, предъявляя тем самым некоторые специфические требования как к конструкциям опор проводов, так и особенно к конструкциям аппаратуры. В связи с этим чрезвычайно актуальным вопросом для ЕВС является вопрос рода тока и величины напряжения. Как известно, современная политика направлена целиком на промышленную эксплуатацию переменного тока, техническое преимущество которого выражается в его свойстве трансформации напряжений и легче всего осуществимой постройке коммутационной аппаратуры для значительных мощностей. Это особое положение переменный ток начинает завоевывать с момента, когда развитием производительных сил была остро поставлена проблема передачи электрической энергии на значительные расстояния. В этот период техническая целесообразность и экономическая эффективность целиком были на стороне переменного тока; поэтому современная история электронного транспорта есть прежде всего история промышленного освоения переменного тока. Быстро росли напряжение и длина линий передач, и наиболее передовые в техническом отношении капиталистические страны Европы и Америки имеют линии передач с напряжением в 220 кв и расстоянием до 400 км. Крупнейшая же в Германии линия передачи, Нижний Рейн — Швейцария, имеет длину около 700 км с передаваемой мощностью 220—250 тыс. кв, с работающим пока напряжением в 220 кв и предусмотренной проектом возможностью перевода на 380 кв напряжения. Однако, чем дальше, тем труднее и труднее становится ее продвижение вперед на базе переменного тока.

Некоторые физические особенности переменного тока привели к тому, что общие потери в воздушных линиях передач от индуктивности, емкости и короны составляют величины, доходящие до 10—14%, а при передаче энергии на 1000 км по подсчетам Оливена примерные потери доходят до 20%. С дальнейшим возрастанием мощности и длины передач процент потерь имеет повышающуюся тенденцию. Так называемое явление короны, вызывает чрезвычайно большие трудности в конструкции проводов и опор, а также удорожает капитальные затраты на линию, подстанции и аппаратуру. При дальнейшем росте расстояния и мощностей технические трудности в значительной степени снижают и экономический эффект передачи.

Такие эксплуатационные явления, как устойчивость параллельно работающих электрических систем, достигающие колоссальных величин токи

коротких замыканий, настоятельно диктуют необходимость перейти к другому роду тока — постоянному, обладающему целым рядом преимуществ в сравнении с переменным. При постоянном токе нет зарядного тока, отпадают добавочные потери от поверхностного распределения тока (скин-эффект) в массивных проводах, нет сдвига фаз, а следовательно их влияния на падение и повышение напряжения; вследствие отсутствия вредного влияния индукции на устойчивость — система при постоянном токе устойчивей. В связи с этим отпадает необходимость дорогих устройств для компенсации сдвига фаз в виде синхронных компенсаторов, дроссельных (для слабо нагруженных сетей) катушек и статических конденсаторов; явления короны и тихого разряда, ограничивающие высоту рабочего напряжения, проявляются в меньшей степени, чем при трехфазном токе; вредные токи и напряжения в свинцовой оболочке в кабельных сетях совершенно отсутствуют; в результате вся линия передачи и распределительные устройства могут быть выполнены значительно проще и дешевле. Привлекая внимание, что при устройстве такой передачи в качестве обратного провода можно использовать землю, материальные затраты могут быть в два раза дешевле, чем затраты на линию переменного тока. Таким образом, преимущества постоянного тока очевидны, но сравнительно низкий уровень техники сильных токов и высоких напряжений постоянного тока чрезвычайно затрудняют его техническую применимость. Однако это вовсе не значит, что она невозможна. В Европе одна из таких электрических линий существует с 1906 г. Это линия Мутье — Лион. Генерирование и передача энергии построена у ней по системе Тюри (последовательное включение большого числа серийных машин постоянного тока — моторов и генераторов). Общая протяженность этой линии равна 448 км с напряжением в 125 кв (предполагается перевести ее на 250 кв). Наличие этой линии, успехи современной техники в области преобразователей и выпрямителей переменного тока в постоянный и обратно дают возможность передаче электрической энергии постоянным током считать реальной в недалеком будущем и у нас.

Огромный экономический эффект, могущий быть полученным от электронного транспорта постоянным током, требует от нас самых настойчивых и интенсивных научных изысканий. Надо поставить дело так, чтобы линии передач постоянного тока в конце второй пятилетки существовали не в качестве научных опытов, а в качестве промышленно эксплуатируемых линий. К сожалению положение на этом фронте свидетельствует несколько о другом. Необходимо констатировать, что научные силы и организации этому должного внимания не уделяют. Хуже того, ориентировки в сроках у лиц, занимающихся этим делом, не обеспечивают боевой ударной работы. Высказанное проф. Чернышевым на одном из собраний в Комакадемии мнение о том, что промышленное применение постоянного тока нами должно быть освоено только в третьей пятилетке, ни с какой стороны считать удовлетворительным нельзя. Это дело растягивать на пятилетку мы не можем. Считая, что во второе пятилетие основным родом тока передач должен быть ток переменный, надо со всей решительностью сказать, что все экономические преимущества находятся на стороне постоянного тока и что технические трудности, лежащие на пути его эксплуатации умелой мобилизацией и правильной расстановкой научно-исследовательских сил могут и должны быть преодолены в пределах второй пятилетки.

Если ориентировочные соображения относительно рода тока более или менее определены, то вопросы высоты напряжения ЕВС далеко еще не ясны.

Технических подсчетов количества энергии и длин участков высоковольтной сети, подлежащих строительству во второй пятилетке, пока еще

нет, но если взять такой участок, как Урало-Кузбасс, то будет ясно, что при постройке этой магистрали придется иметь дело с напряжением порядка в 400 кв. Практически это означает, что мы встретимся с рядом еще нерешенных технических проблем, главными из которых являются само конструктивное выполнение линий, проблема устойчивости, токи короткого замыкания и высота коэффициента полезного действия передач.

Высота напряжения отдельных магистралей ЕВС будет целиком зависеть от длин и величины циркулируемой мощности; по приблизительным подсчетам Энергостроя можно сказать, что в тех звеньях сети, где будет происходить постоянная передача больших мощностей порядка 500—1 000 тыс. кв на расстоянии 100—200 км напряжение должно быть взято равным 380 кв. В звеньях же, где маневренная мощность будет доходить до 200 тыс. кв и будет передаваться на расстояния 200—400 км, преимущество за напряжением в 220 кв.

В 1932 и 1933 гг. строительство сетей должно проходить по линии дальнейшего кустования и развития сетей внутри районов. Но дальнейшие годы должны быть годами объединения районов, годами строительства межрайонных электрических связей. Учитывая современную потребность в этих связях, перспективы развития электроаппаратов и машиностроения и возможность перехода с напряжения 220 кв на напряжение 380 кв,— можно будет сказать, что единая высоковольтная сеть в первой стадии своего строительства в таких объединениях, как Москва—Иваново—Нижний, будет иметь напряжение в 220 кв, с тем чтобы в дальнейшем была осуществлена возможность перехода напряжения на 380 кв.

Размах строительства сетевого хозяйства во второй пятилетке будет огромный. Достаточно сказать, что по ориентировочным подсчетам выходит, что первая очередь единой высоковольтной сети потребует постройки 10—15 тыс. км линий с напряжением в 220 кв и до 50 тыс. км линий с напряжением 110 кв. Эта сеть должна охватить территорию до 2 млн. кв. км и объединить на параллельную работу станции общей мощностью до 15 млн. квт.

Таким образом сетевое хозяйство Союза в недалеком будущем обещает превратиться наряду с ж.-д. транспортом в один из важнейших рычагов хозяйства страны, в одно из важнейших звеньев социалистического строительства. Вот почему этому делу мы и должны уделить самое серьезное внимание.

Аппаратура, оборудование и проблема освобождения от импорта

строительства, можно сказать, что оно может по материалам ВЭО потребность страны пока даже при существовавшем спросе удовлетворить на электротехническая промышленность, становится немаловажным вопросом. Тем более что снабдить потребность всего строительства должны исключительно наши заводы, из нашего сырья и нашими силами.

Однако положение этой отрасли промышленности, несмотря на все ее успехи, далеко не блестяще. Анализируя ее состояние в прошлые этапы строительства, можно сказать, что оно может по материалам ВЭО потребность страны пока даже при существовавшем спросе удовлетворить на 55—60%, причем потребность для линий передач дает следующую картину удовлетворения (в процентах):

По трансформаторам выше 38 квт удовл. сост.	16
» мощным масляным выключателям	20
» кабельной продукции	40
» прочим аппаратам низкого и высокого напряжения	45

Такая картина рисует нам самые решительные мероприятия в области форсированного строительства этих отраслей. Раньше значительный процент спроса покрывался импортом. Теперь же этого не должно быть.

Мощное, высоковольтное трансформаторостроение, как видно из этой таблицы, является наиболее отсталым участком строительства, тем более что при постройке ЕВС этот участок является одним из наиболее решающих и ответственных. Трансформаторостроение на напряжение 220, 380 кВ по существу является новым делом. Мы становимся пионерами этого дела. Увеличение мощности для трансформаторов является чрезвычайно заманчивой перспективой, но техническое выполнение таких стремлений встречает значительные трудности. Дело в том, что при увеличении мощности трансформатора в 4 раза его габаритные размеры возрастают в 2 раза, тогда как его вес увеличивается в 3 раза; вес же современной конструкции трансформаторов достигает таких колоссальных размеров, что его транспортировка доходит до технически возможных пределов, и проблема строительства сверхвысокомощных трансформаторов упирается таким образом в проблему транспорта и охлаждения. Иностранцы фирмы из этого положения думают выходить двумя путями. Так фирма Сименс-Шуккерт берет построить разобранный трансформатор, а фирма АЕГ выстроила в форме вагона трансформатор на собственных передвижных колесах для напряжения 280 кВ мощностью в 100 тыс. кВ. Однако дальнейшее увеличение все же ограничено. Наша электротехническая мысль идет пока по другому пути, по пути так называемой каскадной системы трансформаторов. Эта система, предложенная проф. Чернышевским, встретила живой отклик и пробудила глубокий интерес. Однако сейчас трудно еще сказать что-нибудь определенное об ее положительных качествах. Во всяком случае мы можем полагать, что этот вопрос будет разрешен удовлетворительно. Вопросы охлаждения таких трансформаторов также представляют значительные трудности, особенно, если принять во внимание, что некоторым из них придется работать в условиях температур, доходящих до $+50-60^{\circ}$ (Средняя Азия). Здесь установка одних вентиляторов дела решить не может и над этим вопросом нашей технической общественности предстоит большая работа.

Сельское хозяйство уже сейчас предъявляет трансформаторостроению колоссальные требования и спрос. Нами пока освоено производство легких типов трансформаторов, включая и высоковольтные. Однако вопрос устойчивости и регулировки напряжения сейчас уже выдвигает необходимость производственной эксплуатации высоковольтных трансформаторов с возможностью регулировки под нагрузкой.

Производство масляных выключателей пока сосредоточено только на одном реконструированном заводе «Электроаппарат». Наибольшая мощность разрыва этих выключателей не превышает пока 1 млн. кВт, эта мощность далеко недостаточна. Не только ЕВС, но уже эксплуатация существующих сетей (МОГЭС) требует увеличения разрывной мощности порядка 2—2,5 млн. кВт. В ближайшие годы второго пятилетия стоит задача также освоения и научной проработки вопросов, необходимых для производства масляных выключателей на напряжение 165, 220 и 380 кВ. Современные габариты высоковольтных масляных выключателей имеют колоссальные размеры, и трудность их производства вытекает почти целиком из изоляционного материала (масла и изоляторов), механической прочности и металлических конструкций и скорости привода. Для того чтобы представить себе всю сложность этого производства, необходимо иметь в виду, что приближительная величина габаритов деталей выключателей на напряжение 220 и 380 кВ имеет следующие выражения:

	Масляный выключатель на 220 кв	Масляный выключатель на 380 кв
Общая длина (в метрах)	14,15	18,40
Высота до верха проходного изолятора (в метрах)	6,40	12,20
Ширина (в метрах)	3,40	5,35
Диаметр бака, наполняемого маслом (в метрах)	2,70	5,05
Длина проходного изолятора (в метрах)	4,60	8,45

Таким образом, будущие масляные выключатели представляют собой бронированные металлические сооружения площадью от 47 до 98 кв. м с высотой 6,4—12, 20 м.

Представление о технических трудностях производства нам дает практика строительства нашими заводами масляных выключателей на напряжение в 115 квт. Несмотря на то, что в этом деле мы имеем большую практику Европы и Америки, несмотря на то, что все детали этого производства нами осмотрены и изучены, все же здесь мы еще встречаем ряд технических трудностей. Так, в проходном изоляторе на 115 квт нам приходится изыскивать способы замены специальной пробковой механической изоляции, которая была бы маслонепроницаема, нехрупка, недеформировалась, гибка и упруга; несмотря на то, что рецепты фирм производства этого материала нам известны, однако все попытки произвести этот материал, до сих пор успеха не имели.

При производстве выключателей на более высокие напряжения, не говоря уже об изоляторах, мы будем иметь большие трудности в производстве днищ баков и крышек выключателей. Технические трудности в этом деле встречают и американские фирмы. Крышки диаметром 270 см при обработке и наварке частей привода ослабляют свойства механической сопротивляемости и дают прогибы, затрудняя таким образом выполнение всей конструкции. Отсутствие соответствующего типа штампов ставит также этот вопрос и перед машиностроением.

Причина технической необходимости таких габаритов масляных выключателей лежит исключительно в электрических свойствах масла как диэлектрика. Являясь пока самым совершенным диэлектриком (в выключателях), вместе с тем масло, как видно из вышеприведенной таблицы, ставит и некоторые пределы для дальнейшего технического прогресса. Это обстоятельство привело к тому, что исследовательская мысль вынуждена была работать над другими материалами и другими конструкциями разрывающих мощности аппаратов. Так появились воздушные выключатели типа Друкгаз-шальтер и Экспансионшальтер. Один из этих выключателей сконструирован и у нас (аппаратный отдел ВЭИ). Однако напряжения и разрывные мощности этих выключателей пока еще невелики. Во второй пятилетке научные изыскания и экспериментальные установки, оборудованные этим типом разединителей, должны быть развернуты. Однако наша научно-исследовательская мысль не должна замыкаться кругом этих работ. Глубоко изучая свойства дуги, теперь же необходимо развернуть широчайшую работу по изысканию новых возможностей. Особенно это относится к коммутационной аппаратуре постоянного тока. В освоении больших мощностей постоянного тока вопрос о разединителях можно считать самым отсталым вопросом, и если принять во внимание некоторые физические отличия дуги

постоянного тока от дуги переменного, то трудности разрешения этого вопроса колоссальны.

Не останавливаясь на целом ряде менее важных вопросов в области выключателей, необходимо сказать несколько слов о предохранителях.

Размах электрификации промышленности и развития сетевого хозяйства выдвигает настоятельную необходимость освоения производства мощных предохранителей. Положение этого вида промышленности находится пока в самом зародышевом состоянии, тогда как Европа и особенно Америка имеют в этом деле колоссальный успех. Так фирма Дженераль Электрик и Ко имеет так называемые стреляющие предохранители на 115 кВ и легко разрывающие силовую дугу мощности порядка 200 тыс. кВ. Но несмотря на простоту и легкость этого производства, производить предохранители мы не можем, так как отсутствует производство белой (роговой) фибры, на химических свойствах которой под влиянием высокой температуры основан эффект выстрела.

Единая высоковольтная сеть, как уже было указано, предусматривает постройку десятков тысяч километров воздушной и кабельной сети, и выполнение этой программы будет первым долгом зависеть от того, на сколько сумеет обеспечить строительство кабелем и проводом наша промышленность.

Пределом кабельного производства до сих пор, как известно, являлась проблема цветных металлов (медь, алюминий). Это обстоятельство необходимо подчеркнуть со всей решительностью, ибо недостаток сырья даже для существующих кабельных заводов в 1931 г. создал такие условия, что их загрузка не превосходила 56% производственной мощности. Однако это вовсе не значит, что существующая мощность кабельных заводов потребность хозяйства может удовлетворить. Необходимо отметить, что пущенные на полную производственную мощность наши кабельные заводы могут произвести в 1932 г. всей продукции на 400 млн. руб., тогда как потребность в кабельных изделиях выражается цифрой 850 млн. руб.

Во второй пятилетке мы должны не только расширить производственную мощность наших заводов, но воспринять и освоить ряд новых производственных процессов, предусматривающих экономии цветных металлов и дающих промадные эксплуатационные преимущества. Первые шаги в этом деле нами уже сделаны, и результаты налицо.

Так, повышение температуры нагрева от 50 до 60 и 80° для кабелей от 3 до 35 кВ обещает дать экономию меди до 20%. Переход на конструкцию с трехсвинцовыми оболочками для кабелей для напряжения 20 кВ дает экономию свинца от 14 до 18%. Введение конструкции с секторными и экранированными жилами для напряжения в 10 кВ дает экономию от 15 до 20%. Введение сплошной жилы для кабелей с тремя отдельными оболочками, сечением до 70 кв. мм может дать экономию около 1,5% меди. Такое мероприятие как переход на треугольную броню кабельного напряжения 35 кВ, и то обещает дать экономию железной брони на 12%.

Эффективность рационализаторских мероприятий зависит главным образом от механических и электрических свойств как токопроводящих частей, так и изоляционных материалов. Вопросы отсюда тепла имеют здесь первостепенное значение, поэтому проблема тонкослойной изоляции для кабельной промышленности является злободневным вопросом.

Значительные преимущества кабельной передачи по сравнению с воздушной диктуют необходимость (особенно с развитием ЕВС) перехода к этому типу передач в более широких размерах. В связи с этим строительству высоковольтных кабелей следует уделить серьезное внимание. Технические трудности в этом деле привели к тому, что пошли по пути строительства полых магнезитонаполненных кабелей, и проблему создания кабелей на напряжение 100—300 кВ можно считать решенной. В настоящий

момент кабеля такого напряжения в переводе на однофазный по странам имеется следующее количество (в километрах):

Америка	156
Англия	98
Германия	30
Италия	12
СССР	4

Эта же конструкция разрешает вопрос и о 220-киловольтном кабеле.

У нас, в Союзе, опытный конец для такого напряжения уже сделан.

Помимо значительного повышения рабочего напряжения маслонаполненный кабель дает возможность и увеличения рабочей температуры токопроводящей жилы до 90°. Это увеличивает его эффективность примерно на 30%. Отсюда следует, что это весьма ценное свойство нужно распространить и на кабели более низкого напряжения.

Особо следует отметить недавно опубликованные в иностранной литературе опыты по изготовлению газонаполненных кабелей. Исследования диэлектрических свойств кабельной изоляции показали, что сопротивление пробоя находится в тесной зависимости от окружающего давления. Оказалось, что с увеличением давления до 15 атмосфер пробивная способность силового кабеля возрастает в 2 раза. Опыты показали, что помещенный в стальную трубу трехжильный кабель типа HSO и подвергнутый давлению 15 атмосфер азота непрерывно работал при линейном напряжении 90 кВ, в то время как его нормальное напряжение было 25 кВ; таким образом было достигнуто трехкратное повышение его прочности. Громадным преимуществом таких кабельных установок является их полная тепловая стабильность даже при увеличении длительной нагрузке до 1,4 нормы. Это обстоятельство настолько понижает экономические расходы, что стоимость кабельной передачи может быть значительно ниже воздушной.

Касаясь вопросов воздушного провода, следует отметить, что стале-алюминиевый провод должен быть стандартом воздушных линий передач. Уделяя особое внимание масштабам производства этого типа промышленной продукции, необходимо отметить, что и здесь у нас есть значительные достижения. Поставлено производство воздушного провода для напряжения в 380 кВ с жилами из алюминия и особого сплава алдрея. Эта конструкция имеет значительную механическую прочность и достаточной величины диаметр. Таким образом, можно считать, что конструктивные особенности такого провода для линий передач с напряжением в 380 кВ нами пре-взойдены.

Успехи кабельной промышленности позволяют считать, что кабельные передачи в системе ЕВС должны занять видное место, особенно, если принять во внимание машинный способ прокладки кабеля. Этот способ прокладки позволяет применять кабели без железной брони и даже без защитного слоя джута и свинцовой оболочки и особенно важно еще то, что длина линии при этом за счет выравнивания неровностей на 12% короче воздушной шины. Таким образом мы видим, что кабельная промышленность СССР имеет громадные достижения, но вместе с этим перед ней стоят громадной важности задачи, решение большинства из которых зависит от состояния отрасли цветной металлургии и общего состояния проблемы изоляции. Таким образом на данном уровне электротехники чрезвычайно остро выдвигается проблема изоляции. Современные масштабы табаритов всего электроаппарата — машиностроения и оборудования — по своим размерам величин разрослись настолько, что технологические свойства и форма конструкции существующего изоляционного оборудования становятся лимитом в дальнейшем продвижении техники высоких напряжений. Это обстоя-

тельство приводит к необходимости глубокого теоретически-научного освещения вопросов изоляции. Первые шаги в этом деле уже сделаны. В результате работ Теплера, Таундсена, Роговского и его учеников удалось выяснить громадное отрицательное влияние теплообразования и формы конструкций на электрическую прочность изолирующего материала. Работы академика Иоффе, выдвинутая им проблема тонкослойной изоляции в этом деле является значительным шагом вперед. Однако, несмотря на имеющиеся сдвиги, все же необходимо отметить, что в вопросах изоляции мы сильно отстаем. Со стороны как хозяйственных организаций (ВЭО), так и всей общественности должного внимания этому делу не уделяется. Несмотря на наличие в Союзе большого количества высококачественных материалов, необходимых для производства изоляторов, производство в достаточном количестве этих фабрикатов у нас отсутствует. Не производится изоляционная бумага, прешпаны, цилиндры для высоковольтных трансформаторов, изоляционные ткани, изоляционные лаки и пр. Заводы по размерам выпуска продукции не отвечают тем требованиям, которые предъявляет электростроительство даже в настоящий момент.

Разрешение изоляционной проблемы имеет большое значение не только потому, что мы получим возможность технического решения новых вопросов электротехники, но оно важно также и потому что применение новых, высокого качества изоляционных материалов обещает дать громадный экономический эффект. Так по материалам ВЭО применение эмалированной проволоки в генераторостроении дает экономию до 200 тыс. кг меди и 40 тыс. пряжи, и это только в первой стадии ее применения. В связи с этим в этой области перед нами стоят две огромнейшей важности задачи.

Первая — проблема освобождения от импорта настоятельно диктует необходимость организации производства в масштабах по количеству и качеству отвечающих требованию плана второй пятилетки. Вторая задача — научная проработка вопросов изоляции должна стать ударной задачей для всех соответствующих научных учреждений Союза.

Измерительная аппаратура типа трансформаторов тока напряжения и измерительные приборы в связи с размахом строительства сетевого хозяйства должны также занимать в нашем производстве не последнее место. Этот тип аппаратуры на напряжения выше 38 кВ в массовом масштабе нами совершенно еще не производится.

Вопросы надежности и бесперебойности обслуживания потребителя предъявляют чрезвычайно большие требования к защитной аппаратуре. Большие протяженности пространства и сложность конфигурации сети чрезвычайно серьезно ставят вопрос об освоении производства аппаратуры от атмосферных перенапряжений и токов коротких замыканий. Этот участок отстал как количественно, так и особенно качественно. У нас не производят такие типы реле, как дистанционные, так и Бухгольца, Бевага и др. Защитная аппаратура производится нашими заводами устарелой, технически несовершенной конструкции. Самогашущие приборы и аппараты были целиком импортные. Вопросы телерегулировки и телеизмерений без наличия достаточного количества этого типа аппаратуры удовлетворительно разрешены быть не могут. Проблема управления сложных электрических систем в этой области требует от нас самых неотложных мероприятий. Вопросы освобождения от импорта перед нами встают все острее и острее. Первые годы второй пятилетки есть годы решительного поворота и ориентировки на нашу, советскую промышленность и в значительной степени все будет зависеть от того, на сколько удовлетворительно мы сумеем разрешить нашу плановую проблему в этой области. Передача и распределение электрической энергии во второй пятилетке становятся одной из важнейших проблем

всего комплекса вопросов нашего строительства, и ей необходимо уделить максимальное внимание.

* *
* *

Строительство второй пятилетки есть строительство единого энергохозяйства.

Техническим выражением создания единого энергохозяйства преимущественно является строительство сетевого хозяйства, важнейшим вопросом которого является создание единой высоковольтной сети.

Полное завершение строительства ЕВС рассчитано на ряд лет, выходящих за пределы второй пятилетки, но уже во второй пятилетке единая высоковольтная сеть ставит перед научными силами и нашей промышленностью ряд труднейших технических проблем.

ЕВС как комплекс идей на первой стадии ее строительства должна содержать в себе главным образом вопросы межрайонных объединений, где вопрос выбора напряжения должен быть решен в разрезе возможности использования самых экономически выгодных и технически необходимых величин. Ни в коем случае не следует поддаваться при этом «левацким» скачкам — выбора самых высоких напряжений. Решая вопрос направлений, проектным организациям необходимо иметь в виду направление намечаемых к электрификации железнодорожных магистралей. Пространственная протяженность и повышенное напряжение передач выплывают в первую очередь в проблеме Урало-кузнецкого комбината, где проблема энергетики стоит наиболее остро и удовлетворительное разрешение ее зависит от ЕВС. Московская, Ивановская области, Нижегородский край во всю ширь выдвигают вопросы об обмене энергии, ставят тем самым и вопрос о ЕВС. С постройкой ЕВС ни в коем случае не должно быть уменьшено внимание к вопросам кустования, к вопросам сетевого хозяйства внутри районов. К 1937 г. вопросы передачи постоянным током должны получить не только научное и техническое разрешение, но и свое практическое применение.

Аппаратура и оборудование линий передач на данном этапе строительства являются наиболее отсталым участком электропромышленности страны. Считая, что реконструкция наших заводов должна быть в основном закончена в 1933 г. во второй пятилетке все капитальные вложения должны пойти по линии нового строительства. Здесь вопросы территориального размещения и вопросы специализации предприятий имеют первостепенное значение.

При планировании производства энергооборудования необходимо в полной мере учесть моральную и физическую изношенность существующего оборудования, пересмотреть темпы и масштабы его возобновления. Проблема организации и освоения новых отраслей требует самых решительных и неотложных мероприятий в области финансирования и контроля выполнений правительственных решений, касающихся сетевого хозяйства Союза.

Во второй пятилетке мы должны создать свои новые, небывалые в мире производства.

А. СИДОРОВ

БОЕВЫЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ СССР

Железнодорожные пути сообщения в каждой стране играют весьма важную экономическую и политическую роль.

Развитие железнодорожной сети характеризует степень и характер уровня индустриального развития производительных сил каждой страны. Чем больше страна металлургически развита, тем больше железных дорог, и обратно — чем больше сеть железных дорог, тем выше развита металлургическая промышленность и индустриализация страны. «Железная дорога,— пишет Ленин,— это итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железодательной. Итоги — наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации»¹. Неравномерность развития, концентрация и централизация железных дорог за последний период капитализма (империализм), малая эксплуатационная эффективность железных дорог и конкуренция наиболее ярко вскрывают всю противоречивую сущность капиталистической системы.

В то время как при капиталистической системе производственных отношений железные дороги являются могучим рычагом в деле углубления классовых противоречий, разделения труда между городом и деревней, между колониями и метрополиями, в деле эксплуатации, угнетения и подавления трудящихся масс, железные дороги в СССР играют совсем другую, диаметрально-противоположную роль. Железные дороги СССР служат материальной опорой в развитии производительных сил, индустриализации и реконструкции народного хозяйства, ликвидации противоположности между городом и деревней, железные дороги СССР играют далее оплотняющую роль в классовой борьбе с буржуазией и в деле укрепления диктатуры пролетариата. «Без железных дорог революционная война — вреднейшее предательство» (Ленин).

«Железные дороги,— говорит Ленин,— это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на котором основывается целиком социализм. Чтобы соединить и это для планомерной дееспособности в интересах населения, нужны железные дороги»².

Центральный комитет и вся партия вопросам транспорта, его развитию и реконструкции уделяют огромное внимание. Историческое решение ЦК (июнь 1931 г.) о реконструкции ж.-д. транспорта дает нам не только директиву, но и план всего технического перевооружения железных дорог. В условиях СССР реконструкция транспорта преследует следующие цели:

- 1) Овладение пространством для индустриального развития производительных сил страны.
- 2) Соединение отсталых районов и окраин с центром страны, приобщение их тем самым к социалистической культуре городов.
- 3) Соединение промышленных и сельскохозяйственных районов на основе принципов нового размещения производительных сил, установленных

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 245.

² Ленин, т. XV, стр. 229, 1-е изд.

XVI съездом для комплексного комбинированного развития промышленности и сельского хозяйства, уничтожение противоположности между городом и деревней и повышение производительности труда.

4) Укрепление обороноспособности Советского союза.

Косность, бюрократизм, вредительство в аппарате НКПС немало времени задерживали развитие железнодорожного транспорта и душили зачастую инициативу масс, направленную на мобилизацию внутренних ресурсов и изобретательство. Правые элементы, возглавляемые т. Бессоновым, противопоставляли реконструкции рационализацию, также задерживали и то и другое.

Неверие в темпы социалистического строительства, непонимание природы советского хозяйства как единой комплексной хозяйственной системы, меньшевистская трактовка системы капиталистических тарифов «по платежеспособности» и советских тарифов по правооппортунистической теории «себестоимости», задержка нового железнодорожного строительства и реконструкция старых путей — вот что в основном характеризует теорию и практику правых уклонистов, возглавляемых т. Бессоновым на транспорте.

Председатель вредительского центра Рамзин прямо заявил: «Госплан проводил идею сверхмагистрали. В то же время другая часть вредительской организации, а именно НКПС, проводила прямо противоположное мнение и боролась против сверхмагистрали так, что здесь две вредительских организации, принадлежавших к одному и тому же центру, проводили прямо противоположное мнение. Результат был тот, что сверхмагистраль не была сделана и дальнейшего развития тоже не было. В результате транспортные связи не были усилены, а развитие было задержано»³. Вредитель Домховский также заявил, что развитие Донбасс — Москва, Кузбас — Урал задерживалось с целью создания голода в топливе, а Бессонов объективно помогал вредителям, когда писал: «Идут упорные разговоры о необходимости постройки специальных сверхмагистралей стоимостью в 400—500 млн. руб. для облегчения и удешевления этих угольных перевозок... Чудовищную сумму в полмиллиарда рублей и огромную массу металла (не менее 1,5 млн. т) предполагается затратить на то, чтобы увековечить и закрепить навсегда бесплодный перегон угля к северу»⁴. И в другом месте («Экономическая жизнь») он продолжает: «Сверхмагистраль превращается в средство искусственного развития старых районов и насильственной задержки новых (например искусственное развитие Урала и насильственная задержка развития Сибири). В этом (и только в этом) смысле это есть реакционное мероприятие».

Рассматривая изолированно Урал от Сибири, Бессонов стал на путь капиталистического определения наших районов. Он не понял природы социалистической системы как единого хозяйственного комбината с единой транспортной сетью, а потому явился рупором буржуазных реставраторов, задерживающих развитие и реконструкцию ж.-д. транспорта.

Не понимая значения лесной промышленности в СССР, Бессонов пишет: «Для увеличения добычи леса в предстоящей пятилетке предполагается построить свыше 3 000 км лесовозных линий стоимостью в 380 млн. руб.; этой суммы достаточно для того, чтобы построить 2 гигантских металлургических завода, могущих выбросить на рынок свыше миллиона тонн чугуна, стоимостью в 35 руб. тонна»⁵. Что это имеет общего с линией партии на развитие ж.-д. транспорта?

³ Процесс «промпартии», показание Рамзина, стр. 307.

⁴ Бессонов, «Большевик» № 8, за 1929 г., стр. 45.

⁵ «Большевик» № 8, за 1929 г., стр. 45.

«Создание ряда крупнейших промышленных комбинатов, урало-кузнецкая проблема, соединение Средней Азии с Сибирью, проблема соединения Казакстана с центрами страны, индустриализация окраинных областей Союза, значительное развертывание лесоразработок и освоение северных лесных районов, строительство мощных совхозов и колхозов, необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности страны, — все это ставит перед ж.-д. транспортом огромную задачу по строительству новых железных дорог и усилению пропускной способности существующих» (июньский пленум ЦК).

Вся эта линия, в противовес Бессонову, с железной необходимостью диктует транспорту пути его развития, реконструкции и рационализации, которые должны дать диалектическое взаимодействие между размещением и развитием производительных сил страны и развитием и размещением транспорта.

Мы уже построили за период существования советской власти до 14 тыс. км новых железных дорог которые имеют огромное политическое и экономическое значение. Так например, постройкой Турксиба мы стали на путь окончательного разрешения проблемы развития хлопка, освобождения по этой линии СССР от иностранной зависимости, приблизив Среднюю Азию на 800 км к сибирскому хлебу. Постройкой линии Боровое—Акмолинск—Караганда мы вызываем к жизни энергетические запасы угля, дремлющие в Карагандинском бассейне. В настоящее время, как говорит т. Сталин, «дело идет о создании новой техничеки вооруженной промышленности на Урале, в Сибири, Казакстане. Дело идет о создании нового крупного сельского хозяйства — зерновых, животноводческих и сырьевых районов СССР. Дело идет о создании новой ж.-д. сети между Востоком и Западом СССР».

Новая железнодорожная сеть между Востоком и Западом будет способствовать разрешению проблемы «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны и построению социалистического общества. Так например, постройкой среднесибирской магистрали Кузнецк—Барнаул—Карталы—Саратов мы способствуем развитию Кузбасса и Урала и выходу машин и металлоизделий на Запад, т. е. в центр страны, и т. д. Постройкой южносибирской магистрали Орск—Акмолинск—Семипалатинск—Кузнецк мы соединяем Кузбасс с Магнитной горой, а также связываем доброкачественные семипалатинские руды, пробуждаем дремлющие производительные силы Востока и даем выход сибирским хлебам к южным портам Черного и Азовского морей. Мы техничеки перевооружаем важнейшие магистральные направления между Востоком и Западом: Омск—Свердловск—Вятка—Буй протяжением до Москвы 2 715 км и до Ленинграда 3 408 км; линия Омск—Свердловск—Казань—Москва (Перово)—2 545 км и до Ленинграда 3 238 км; линия Омск—Челябинск—Самара—Москва—2 845 км, а до Ленинграда 3 538 км; линия прямого кратчайшего сообщения Ленинград—Вятка—Свердловск—Омск—2 993 км для движения транзитных грузов. Итак, даже реконструкция этих направлений, их специализация для отдельных грузопотоков дает возможность органически связать Урал и Сибирь с центрами страны для планомерного производства и распределения продуктов и дает возможность индустриального развития отсталых окраин Сибири.

Уже приступлено к освоению залежей коксующихся углей до 400 млрд. т в Западной Сибири, залежей каменного угля в Карагандинском бассейне, залежей высокосортовых железных руд до 1 млн. т на Урале и Башкирии. Сделаны грандиозные наметки в области планового размещения производительных сил сельского хозяйства, распределения территории СССР на зоны, и определена специализация районов Урала и Сибири.

За один 1931 г. сданы в эксплуатацию 1 368,5 км и в начале 1932 г. должно быть сдано 1 112 км. Важнейшие из этих линий открыты для движения (в километрах):

Боровое — Акмолинск	227
Акмолинск — Караганда	232
Удуга — Ворожба	256
Рославль — Могилев	189
Кияель — Челябинск	504
Омск — Челябинск	400
Усыты — Польшаево	126
Яр — Фосфоритная	187
Новосибирск — Ленинск	295

Построены новые станционные узлы: Нижегородский, Челябинский, Магнитогорский, Кузнецкий, Кашировский, Белово и др.

Выход из Донбасса на Север будет идти через реконструкцию линии Москва—Донбасс, причем от Москвы до Валуек будут проложены два пути, а от Валуек до Неоведаева проложена новая линия. Все строительство оценивается в 280 млн. руб. и должно быть окончено в 1933 г. Это направление будет переведено в сверхмагистраль для грузопотоков товарного движения, идущих с Юга на Север и обратно. Станция Кашира будет развита и от нее построены спрямляющие линии Орехово—Александровск—250 км для маршрутных поездов на другие дороги без заезда на Москву, чем будет разгружен Московский узел от излишнего перенапряжения.

В 1932 г. предполагается закончить и начать постройку 4 869 км пути стоимостью в 814,9 млн. руб., из них будет сдано в эксплуатацию 1 412 км стоимостью 318 млн. руб. и продолжена постройка 2 617 км стоимостью в 349 млн. руб. Вот важнейшие линии, которые будут сданы в эксплуатацию: Свердловск — Курган, 244 км; Новосибирск — Ленинск, 295 км; Чекмень — Ташкент, 124 км; Брянск — Вязьма, 234 км, и др. Все это достигнуто в противовес буржуазно-реставраторским и правооппортунистическим установкам развития транспорта.

Октябрьский пленум ЦК партии особенно обратил внимание партийных и хозяйственных организаций на ликвидацию отдельных узких мест ж.-д. транспорта и в отношении снабжения рельсами предложил промышленности «немедленно принять меры к расширению производства рельс для выполнения увеличенной программы на 1932 г.».

Решение XVII партконференции о постройке 25—30 тыс. км новых железных дорог за вторую пятилетку, «несколько десятков новых мостов через главные водные пути» и т. д. будет способствовать дальнейшей индустриализации страны, укреплению обороноспособности и «ускорению подъема хозяйства ряда районов и национальных республик, нужды которых совершенно неудовлетворительно обслуживались в прошлом»⁶.

Эта линия на освоение и обслуживание национальных областей территории и населения Советского союза уже нашла свое отражение в наметках нового железнодорожного строительства на вторую пятилетку, где до 65% из 30 тыс. км пойдет для освоения и развития производительных сил национальных окраин Сибири, Урала, Средней Азии и ДВК (в км):

	Построено	Сдано в эксплуатацию
Северный край	3 863	2 433
Средняя Азия	2 791	1 691
Казакстан	4 485	3 885
Восточная Сибирь	2 415	1 815
Урал	2 578	1 928
Балкирия	1 121	2 021
ДВК и Якутия	4 405	2 305

⁶ Тезисы т. Молотова к XVII партконференции.

Всего в постройке за вторую пятилетку будет находиться свыше 30 тыс. км, из них должно быть сдано в эксплуатацию 25 тыс. км. Таким образом, в среднем за год будет сдаваться до 6 тыс. км. Вот важнейшие линии второй пятилетки: Саратов — Раковка — Миллерово, 585 км, соединяющая Донбасс с Уралом и Сибирью и дающая выход сибирскому хлебу к Среднему и Азовскому морям; Сталинград — Уральск, 591 км; Прохладная — Канач, 780 км; Александров — Га — Чарджуй, 1 790 км; вторая Сибирская магистраль, 2 тыс. км; Караганда — Бахашчу, 1 007 км; Невер — Якутск, 1 200 км и др. Все новое ж.-д. строительство идет по двум линиям: «По линии разгрузки перегруженных направлений, и по линии пионерских железных дорог в отдельных районах: Дальневосточный край, Сибирь, Северный край, Средняя Азия и т. д.»⁷. От успешности нового железнодорожного строительства будет зависеть успешное развитие производительных сил страны и индустриализации окраин, приобщение их к социалистической культуре городов и укрепление диктатуры пролетариата и обороноспособности Советского союза. Вот почему все партийные, хозяйственные и профессиональные организации, а также вся рабочая масса железнодорожников должны этому вопросу уделить максимум внимания и эту работу проводить в ударном порядке.

Проблема узкоколейных путей в СССР прежде всего как путей под'ездных в связи с решительным освоением в ближайшую пятилетку Урала, Сибири и Средней Азии, Западной, Южной частей Советского союза приобретает огромное экономическое и стратегическое значение в общей системе единой транспортной сети. Быстрота постройки узкой колеи обходится на 40% меньше стоимости широкой колеи, требует вдвое меньше металла. Узкая колея может легко осваивать лесные и с.-х. районы и сочетать свою работу с речным транспортом и с автодорожным транспортом. Узкая колея ускоряет освоение горных хребтов Урала и Средней Азии в сочетании с ширококолейными железными дорогами. Здесь также может применяться тяга электровоза, тепловозов и локотрактора. Наличие узкоколейных линий 1,5 тыс. км протяжения, или 2%, от наличия сети говорит о том, как мы бедны в этом отношении. Мало того, различие между ними габарита, разносерийность тяги паровозов и тепловозов и слабая эксплуатация их говорит за то, что этим вопросом почти совершенно не занимались.

Вот почему в предстоящую пятилетку мы должны шире развернуть строительство узкоколейных дорог и часть существующих дорог расширить и реконструировать, сделав стандартный габарит и стандартную тягу.

Нужно отметить, что по линии строительства узкоколейных дорог СССР сильно отстал. Весь мир без СССР имеет протяжение узкоколейных дорог в 254 040 км, или 22,5% мировой сети; Европа — 17,7%, Америка — 10,7%, Австралия — 59,9% всей сети дорог узкой колеи. В Азии — 51%, в Африке — 85,6%, в Южной Америке — 59%.

Реконструкция путевого хозяйства

Путевое хозяйство есть ответственный участок ж.-д. транспорта, где сосредоточено до 80% основного капитала железных дорог. От состояния и мощности путевого хозяйства зависит пропускная способность мощных поездов и паровозов и в целом нормальное состояние грузового и пассажирского движения. Чем больше грузопотоки, тем быстрее изнашивается ж.-д. путь, тем больше требуется для восстановления пути живого и мертвого труда. Значение путевого хозяйства железных дорог для всего социалистического развития отлично понимали вредители на транспорте, которые искусственно создавали диспропорцию между растущим грузооборотом и со-

⁷ Куйбышев. «Правда» от 8 февраля 1929 г.

стоянием путевого хозяйства, между подвижным составом и состоянием пути. «Вызвать в ближайшие годы диспропорцию в различных отраслях транспортного хозяйства» являлось одной из основных задач на транспорте по заявлению вредителя Красовского. Путьеое хозяйство СССР есть самая отсталая область транспортного хозяйства.

Американские ж.-д. пути до империалистической войны также составляли узкое место в развитии хозяйства Америки. Стихийное бесплановое развитие железных дорог Америки, низкая экономическая эффективность в работе благодаря конкуренции привели дороги Америки к кризисному состоянию, что потребовало вмешательства правительства. «Проблема транспорта в нашей стране,— говорит президент Вильсон на конгрессе в конце 1915 г.,— представляется чрезвычайно серьезной и настоятельно требует немедленного разрешения... железнодорожная проблема является самым глубоким пластом лежащим в основе продуктивности нашей работы как нации в целом».

Американское правительство в период войны и в целях лучшего ведения войны установило контроль над работой железных дорог, назначив в 1918 г. главного директора всех дорог. В 1920 г. транспортным декретом американское правительство вмешалось в хаос транспортной промышленности, установило федеративный комитет, на обязанности которого лежало «регулировать» транспортное хозяйство, устанавливать тарифы и регулировать новое ж.-д. строительство. В 1922 г. этот комитет должен был констатировать, что «на всей сети железных дорог создано положение, требующее немедленного вмешательства, и что все железные дороги вследствие сложного рабочего вопроса (забастовки.— А. С.) и недостатка в топливе оказываются не в состоянии справиться с предложенными перевозками, необходимым для населения».

Это положение заставило правительство и частные акционерные компании сделать колоссальные капитальные затраты на реконструкцию ж.-д. транспорта. За два года (1918 и 1919) было израсходовано 1 163 млн. дол., из них на реконструкцию ж.-д. пути—541 млн. В 1927 г. комиссия Гувера, отметила в своем отчете «Новейшие изменения в экономике САСШ»: «Характерную черту в развитии ж.-д. дела послевоенного периода составляют крупные и непрерывные затраты на развитие и улучшение путей, на сооружения, на увеличение пропускной способности узловых пунктов, сигнализацию, паровозы и вагоны».

«С 1920 по 1927 г. включительно капитальные затраты в железнодорожном деле выразились общей суммой почти в 6 млрд. дол. Сумма эта делится примерно поровну между: 1) железнодорожными путями и сооружениями, 2) подвижным составом с паровозами и вагонами»⁸ Таким образом мы видим, что 3,5 млрд. дол. с 1918 по 1927 г. вложено в путьеое хозяйство, причем протяжение эксплуатируемых путей не увеличено, и часть параллельных дорог была закрыта. В 1913 г. протяжение эксплуатируемых дорог равнялось 253 470 миль, в 1916 г.—259 211 миль, в 1927 г.—259 639 миль. Все капитальные затраты пошли на усиление пропускной способности существующих путей: прокладки двух путей и параллельных линий важнейших направлений, расшивка узловых станций, замена рельсов легкого типа более тяжелыми и усиления шпал, балласта и т. д.

Несмотря на огромное значение железных дорог СССР, мы далеко от стали в этой области от передовых капиталистических стран. «Отсталость в техническом перевооружении ж.-д. транспорта, значительная изношен-

⁸ Цитата из предисловия А. Эссена к книге Рольф-Хон «Железные дороги Америки».

⁹ Отчет гуверовской комиссии, т. I, стр. 341—342.

ность его основного капитала, вредительство, проявившее большие размеры за последние годы», — вот что является характерным на современном этапе для ж.-д. транспорта согласно решению июньского пленума ЦК. Все это вызвало огромную диспропорцию между ростом грузооборота и развитием ж.-д. транспорта. Вот почему решение июньского пленума ЦК особо подчеркивает: «ускорение темпов этой реконструкции диктуется фактом резкого отставания материально-технической базы транспорта от потребностей народного хозяйства».

Июньский пленум ЦК в 1931 г. наметил основные пути этой реконструкции, где основное ведущее звено признано за электрификацией, «установив три группы очередности реконструкции пути в зависимости от грузонапряженности».

а) «Реконструкцию линии первого типа, где допускаются паровозы с нагрузкой в 23 т на ось, провести в течение 1932—1933 г. на следующих направлениях: Кузнецк — Челябинск; Челябинск — Магнитная; Ясиноватая — Долгинцево; Ясиноватая — Енакиево — Макеевский район; Грозный — Армавир; Курган — Свердловск; Валуйки — Лиски — Балашов — Пенза; Вятка — Буй — Ленинград; Прохладная — Веслап.

б) Реконструкцию линий второго типа, где допускаются паровозы ЭУ и с нагрузкой на ось в 20 т, провести в течение 1932/33 г. на линии Кинель — Оренбург — Казалинск — Урсатьевская.

в) К третьей группе отнести все остальные линии, усиление путевого хозяйства которых должно быть одной из главнейших задач технического их перевооружения» (из резолюции июньского пленума ЦК).

а) Состояние и реконструкция рельсового хозяйства

Реконструкция рельсов в Америке и западноевропейских странах за последние годы происходит через систематическое увеличение веса и длины рельсов, что увеличивает пропускную способность мощных пружовых потоков. Если на дорогах СССР мы имеем основной тип рельсов — 38 кг в погонном метре, то в Германии он равняется 49 кг, во Франции — 46 кг, в Америке — 65 кг в погонном метре. Отдельные дороги Америки (Пенсильванская и др.) укладывают рельсы весом в 75 кг в погонном метре. Отсюда видно, что СССР отстал от всех передовых капиталистических стран. Эта отсталость усугубляется тем, что в СССР имеется на всей сети большая чересполосица в укладке рельсов (разнотипность). На одной и той же дороге на различных участках имеются разнотипные рельсы по весу. Вредители усиливали чересполосицу с целью расстройств пути, усиления толчков на стыках, что способствовало быстрому износу концов рельс, бандажей, колес и износу шпал. Эта линия проводилась для того, чтобы в период войны наш ж.-д. транспорт пришел в расстройство и не мог служить могучим оружием в классовой борьбе с буржуазией. Вот почему уничтожение чересполосицы имеет большое экономическое значение.

По всей сети рельсы по типам распределяются следующим образом:

Т и п	Вес в кг. на 1 пог. м.	В проц. к общему числу	Средний возраст на важи. лин
I — а . . .	43,6	2,1	} 15,9
II — а . . .	38,4	14,0	
III — а . . .	33,5	53,6	
. . .	От 24 до 32	30,3	

Характерным является то положение, что вредители пытались увеличить прокатку рельсов легкого типа 3-а и совершенно задержать прокатку рельсов более мощного типа 1-а.

Это обстоятельство способствовало при напряженном грузообороте быстрому износу, расстройству ж.-д. сети и пред'являло требования на дополнительное количество металла. Технические расчеты показывают, что каждый миллион тоннокилометров брутто изнашивает рельс на 0,1 мм и после прохождения по рельсам 60—80 млн. т.км брутто рельсы совершенно приходят в негодность и требуют замены.

В деле налаживания рельсового хозяйства имеет большое значение как количественная, так и качественная доставка рельсов промышленностью. Между тем за 3 года пятилетки промышленность выполнила пятилетний план по рельсам только на 28%. Если обратиться к качественной стороне, то благодаря плохому качеству стали рельсы вместо 15 лет нормального срока лежат 8 лет, а иногда и меньше. Если к этому добавить, что в СССР имеется до 22 тыс. мостов с металлическим пролетстроением, около 20% которых не могут пропускать мощных паровозов и поездов, а также 10 тыс. мостов деревянных, большинство из которых требует либо замены железными, либо усиления ремонтов, то совершенно становится ясно, что состояние рельсовых путей сообщения и мостов не обеспечивает потребности народного хозяйства в растущем грузообороте. Легкость, изношенность, разнотипность и чересполосица рельсов по всей сети СССР, изношенность и легкость рельсовых креплений, изношенность и непригодность мостов — вот что в основном характеризует нашу экономическую отсталость в этой области и что создает глубокую диспропорцию между ростом грузооборота и отсталостью рельсового хозяйства и требует немедленной реконструкции. Какие же основные пути могут быть намечены для ликвидации этой диспропорции? Это, во-первых, путь реконструкции и стандартизации как в производстве, так и в прокладке рельсов и рельсовых креплений. Для разрешения этой задачи на наш взгляд нужно, во-первых, специализировать заводы на 2—3 типах рельсов: а) для магистральных направлений с большими грузопотоками и б) для второстепенных подъездных путей. Во вторых нужно решительно провести в жизнь решение июньского пленума ЦК о смене рельсов: «При производстве смены рельсов провести концентрацию тяжелых рельсов на линиях с наибольшей грузонапряженностью и ликвидировать чересполосицу из различных типов рельсов». Нужно отметить, что во всех капиталистических странах существует разнотипность рельсов благодаря частной собственности на средства производства. Плановость советского способа производства и стандартизация дают громадные преимущества в экономии средств в транспортном производстве.

б) Шпальное хозяйство

Реконструкция шпального хозяйства заключается в химической обработке шпал, что вдвое удлиняет срок службы и дает огромную экономию в эксплуатационных расходах. В Америке в 1922 г. химическая обработка занимала 40% всего производства, а в 1927 г. — 73%, в то время как в СССР с 1922 по 1930 г. процент пропитанных шпал, находящихся в путях, остался стабильным, т. е. равнялся 54, причем большинство пропитано хлористым цинком и еще худшими средствами. Из всех химических современных средств самым лучшим является креазот, который применим к различным сортам дерева и способствует удлинению службы в среднем до 15—20 лет, благодаря чему в Америке из года в год количество сменяемых шпал уменьшается.

НКПС уже стал на этот путь, решив построить по последнему слову техники со стопроцентной механизацией три новых шпалопропиточных

завода и реконструировать существующие по пропитке креазотом (Самаро-златоустинская, МББ, Нижегородская, Северная и др.).

Насколько скверно общее состояние шпального хозяйства у нас в СССР, видно из того, что из 127 млн. шпал, лежащих в путях, мы имеем известный процент совершенно негодных шпал. Это положение недостаточно обеспечивает реконструкцию дорог первой очереди и нашу обороноспособность. Такое положение сигнализирует нам о необходимости принятия срочных мер в реконструкции и механизации существующих шпальных заводов и постройки новых с полной механизацией работ.

Здесь необходимо остановиться также на укладке шпал. Все передовые капиталистические страны идут по линии увеличения количества шпал на километр пути:

Америка	2000	Франция	1771
Германия	1609	СССР	1400

Увеличение количества шпал придает устойчивость пути для напряженного грузооборота, большую безопасность движения, и мы в этом отношении должны безусловно равняться по Америке. Из последних достижений техники заслуживают быть отмеченными железобетонные плиты, которые укладываются в Америке на отдельных участках, подверженных частому ремонту (стрелочные переводы, крестовины, проезды и т. д.), взамен шпал и балласта. Особо показательным является опыт ж. д. «Пир-Маркет», уложившей в 1926 и 1928 гг. железобетонный путь на протяжении 1,5 км. «Существующий балластный слой был удален, и на его место — на хорошо установившееся после длительной работы земляное полотно — была уложена сплошная железобетонная плита, толщиной равная толщине балластного слоя. К плите при помощи особых крючков и клемеров прикрепляются рельсы таким образом, что они лежат на всем своем протяжении на ней. При таком устройстве совершенно отпала надобность в балласте и шпалах. По отзывам линейных рабочих путь такого устройства за два года эксплуатации никаких дефектов не проявил. Движение поездов по нему было весьма спокойное и гладкое. Ремонт заключался только в небольшой разгонке стыков, смене отдельных случайно лопнувших зимой рельсов, а также в смене лопнувших болтов, прикрепляющих рельсы к плите»¹⁰. Нужно отметить, что этот опыт мало применяемый в Америке, возможно, найдет широкое применение у нас в СССР, поэтому необходимо поставить ряд опытных участков и изучить экономическую целесообразность этого устройства.

Балласт и его очистка

Балласт имеет большое экономическое значение для придания устойчивости полотну и пропускной способности мощных пружинных поездов и влияния на подвижной состав. В Америке на всех первоклассных дорогах уложены два слоя балласта: нижний — из песка и паровозного шлака и верхний — из гравия, щебня, из камня доменных печей и жженой глины. Что касается СССР, то здесь применяется преимущественно один слой балласта, и то недоброкачественный — песок.

Самым лучшим балластом для устойчивости железнодорожного полотна является каменный щебень. Все первоклассные дороги Америки с большим движением грузовых и пассажирских поездов уложены каменным щебнем, который периодически (примерно через каждые два года) очищается специальными машинами и паровозными кранами. Периодическая очистка от загрязнения балласта (угля, нефти и т. п.) производится механизированным способом, что значительно дешевле ручной очистки, — примерно в 5—6 раз

¹⁰ М и р о в, Железные дороги Северной Америки, стр. 16.

очистка одной мили руками стоит 6 400 руб., а паровозным краном — 1 800 руб.). Заготовка щебня в Америке происходит механическим способом: камнедробилками, взрывными устройствами, экскаваторами на крупнейших заводах с производством от 200 до 800 т в час, что удешевляет стоимость против нашего ручного кустарного способа с 10 до 2 руб. за куб. м. Кроме того там имеются специальные кадры по укладке баласта, чего нет еще у нас. Каким образом проблема баласта должна разрешаться у нас в СССР? Очевидно, что в этой области мы должны разрешить ее через постройку специальных заводов, карьеров, через стандартное производство мощных камнедробилок, через механизированную укладку щебня. Реконструкция баласта должна произойти в первую очередь на дорогах с большой грузонапряженностью. Социалистическая перестройка крестьянского хозяйства, сплошная коллективизация основных районов должны помочь также в разработке карьеров и добыче щебня. Необходимо для этого учесть месторасположение каменного щебня, место открытия карьеров и заключить специальные договоры с колхозами на выработку и доставку щебня.

Ремонт пути

В области ремонта пути, механизации и производительности труда мы не только отстали от Америки, но и от всех западноевропейских стран. В то время как на американских дорогах I класса время ремонта 1 км составляет от 0,3 до 0,5 рабочих дней, в СССР ремонт такого же расстояния требует до 0,7 и 0,8 рабочих дней. Высокая производительность труда в Америке и быстрота в исполнении работ достигнуты благодаря эксплуатации и техническому вооружению рабочих, замене мускульной рабочей силы машинами. При отсутствии безработицы благодаря росту производительных сил мы должны форсировать механизацию путевых работ и повышать квалификацию рабочей силы для овладения механизмами и машинами при проводимой реконструкции. Все лучшее в механизации работ по ремонту пути безусловно должны взять из Америки и критически его переработать. Опыт Америки показывает, что смена рельсов, шпал и т. д. производится исключительно механизированным способом, с помощью кранов. Широко применяются пневматические подбойки, специальная подблочная машина, которая заменяет сразу 40 пневматических подбоек с управлением одного человека; имеются специальные механические приборы и машины для завертывания болтов, сверления дыр, забивания костылей, рытья канав, для уничтожения травы, сколки льда, пневматические снегоочистители; применяется универсальная машина «спредер» для отделки и очистки кюветов, отделки борозок баластного слоя и земляного полотна, планировки откосов, выемки; зимой по очистке стана на станционных путях она применяется для киркования и т. д.¹¹ Имеются машины, которые сжатой струей воздуха очищают от снега стрелочные переводы и станционные пути, электрические и керосиновые снего-таялки; насчитывается около 60 тыс. дрезин для ремонта пути и т. д. и т. п. Такова техническая вооруженность путевых работ Америки, которую мы должны в этой области догнать и перегнать. НКПС в текущем году уже постановил «снабдить моторными дрезинами не меньше 1 000 с'емных и 700 участковых и грузовых с прицепами». К 1934 г. мы должны охватить механизацией 100% земляных работ. С этой целью нами реконструирован калужский завод, который будет изготавливать дрезины и моторы легких типов. Тульский завод решено приспособить под производство путевых комбайнов, снегоочистителей, спредеров, контейнеров, путевых приборов и инструментов. Для ремонта путевых машин и инструментов также будут

¹¹ М и р о н о в, Железные дороги Северной Америки, стр. 39—47.

при дорогах и районах организованы специальные мастерские. Наличные кадры путевых рабочих в соответствии с механизацией будут переподготавливаться. Таковы конкретные пути, которые намечаются для ликвидации отставания в этой области.

Какой общий вывод мы должны сделать для реконструкции пути? Вывод может быть один. Все лучшее из американской техники мы должны критически использовать применительно к нашим условиям. Мы должны организовать стандартное производство спредеров, пневматических машин для подбойки шпал, машин для очистки баласта, экскаваторов и паровозных кранов, путевых инструментов и т. д. Все это — вопросы, над которыми должны работать все инженерно-технические силы, партийная и советская общественность. От быстроты разрешения этих вопросов будет зависеть быстрота разрешения проблемы «догнать и перегнать капиталистические страны», ибо «техника в период реконструкции решает все» (Сталин).

Усиление пропускной способности дорог

Растущая грузонапряженность отдельных дорог и применение мощных паровозов и вагонов требуют не только реконструкции путей (более тяжелые рельсы, увеличение числа шпал на километр, усиление баласта и т. д.), но также развития узлов, станций, применения автоматической сигнализации, централизации стрелочных переводов и особенно — оборудования путей автоблокировкой и т. д. Все эти мероприятия в общем комплексе реконструкции всей транспортной промышленности и каждое из них в отдельности должны интересовать транспортную общественность.

Решение июньского пленума ЦК по усилению пропускной способности обязывает НКПС «обеспечить выполнение работ по усилению пропускной способности в соответствии с решениями ЦК от 25 мая 1931 г. и в сроки, установленные правительством, принять меры к форсированию работ по наиболее загруженным направлениям по прокладке вторых путей, устройству раз'ездов, расширению пропускной способности станций, узлов, по строительству тяговых устройств и т. д., с тем чтобы эти работы были закончены не позднее 1/X 1931 г.».

Нужно отметить, что эта важнейшая директива по ряду дорог не выполнялась в указанные сроки. Так например, вторые пути Челябинск — Петропавловск к концу 1931 г. выполнены на 74%, Усяты — Петропавловск — на 94%, смятение профиля Козлов — Ростов выполнено на 50%, Буй — Котельники — на 90%, и т. д.

Недостаток материалов задержал работы по развитию станций и узлов. Важнейшие узлы, намеченные к развитию в 1931 г.: Люки, Лихая, Сталинград, Ясиноватая, Дебальцево, Красный лиман, Основа — Новосибирск, Петропавловск, Кочетовка, Пенза, Канаш, Усяты и др., выполнили план по путевым работам от 15 до 75%. Депо устройства — от 54 до 80%, водоснабжение — от 12 до 95% (имея строительство в таком же объеме). Все это создает особое напряжение для 1932 г. и заранее должно приковать внимание всех партийных и хозяйственных организаций на этом участке.

Проблема узлов в СССР приобретает в настоящее время большое экономическое и оборонное значение, ее следует разрешать двумя способами: 1) путем развития узловых станций и расширения существующих станционных путей, постройки горок (для маневровой работы и т. д.) и 2) новым способом, выдвинутым наркомом пути т. Андреевым, — постройкой отводных спрямляющих линий, соединяющих отдельные дороги для транзитных поездов, идущих с юга на север и с востока на запад. Этот путь расширения или разгрузки таких важнейших узлов, как Московский, Ленинградский, Свердловский и Харьковский, через отводные соединяющие линии можно сделать только в СССР, где социалистический транспорт, сконцентрирован-

ный в руках пролетарского государства, дает громадные возможности рационального использования всех путей через специализацию линий, организацию и специализацию маршрутных транзитных поездов, через спрямляющие линии между отдельными дорогами, через кольцевые соединения разгружающих узлов и дающих направления транзитным поездам на другие дороги без заезда в центральные промышленные районы. Все эти вопросы с железной необходимостью должны приковывать к себе внимание научно-технических и экономических сил транспорта. К сожалению этими вопросами до настоящего времени мало занимались и занимаются. А от разрешения этих вопросов в большой степени зависит разрешение проблемы накопления на транспорте, что в свою очередь даст колоссальный экономический эффект в сокращении издержек на перевозки и превосходство социалистического транспорта над капиталистическим.

Сама структура капиталистического хозяйства создает малую эксплуатационную эффективность, которая получается благодаря конкуренции, стихийному размещению производительных сил транспорта и невозможности специализировать транспорт применительно к грузопотокам. При стихийном размещении производительных сил нет возможности эксплуатировать транспорт на все 100 %, так как неравномерность заявок клиентуры и перевозок, смещение объектов перемещения (овощи, рыба, текстиль, уголь, металл и т. д.) и быстрота в перевозках заставляют мощные паровозы и вагоны работать не с полной нагрузкой и образовывать залежи. Поэтому размещение наших путей, использование подвижного состава должно идти по линии специализации и стандартизации применительно к размещению производительных сил страны и специализации с.-х. районов на основе учета грузопотоков. Мы должны создать непрерывность в грузопотоках, использовать на 100 % транспорт и рабочую силу, снизить себестоимость перевозок и дать стране добавочные накопления. Этого можно достичь только путем специализации и стандартизации путей, паровозов, вагонов, оборудования по последнему слову техники. Мы должны весь транспорт специализировать через маршрутизацию и специализацию линий для пассажирских перевозок и грузоперевозок.

Единая железнодорожная сеть, централизованное управление и планирование грузоперевозок имеют огромные преимущества перед капиталистическим транспортом в рациональном использовании всего подвижного состава и распределении паровозов и вагонов по дорогам сети на основе географической специализации районов и грузопотоков (закрепление за дорогами определенных серий паровозов и вагонов); несмотря на то, что плановая система представляет большие преимущества в рационализации и специализации путей применительно к определенным грузопотокам (пассажироперевозки, грузоперевозки) и имеется возможность концентрации заводов для ремонта паровозов и вагонов и закрытия отдельных малоэффективных заводов, а также увеличения оборота паровоза, рационального использования деповского хозяйства и т. д., — разрешение транспортных вопросов тем не менее идет до настоящего времени весьма медленно. А ведь правильное их разрешение даст нам не только большой экономический эффект, но и большое укрепление обороноспособности СССР.

Нужно теперь же на основе перспектив развития второй пятилетки изучить перспективу грузопотоков отдельных дорог и перераспределить подвижной состав (вагоны, цистерны, платформы) и наладить стандартное производство вагонов на основе учета грузоперевозок. Промышленность в свою очередь должна усиливать стандартное производство своей продукции. Для транспорта совершенно безразлично, возить ли из Сибири муку или зерно на места производства или на места потребления, возить ли скот, рыбу и т. д. живыми или битыми, а ведь от разрешения этих вопросов зависит

строительство подвижного состава. Тов. Орджоникидзе совершенно правильно сказал на XVII партконференции, что «развитие в огромных размерах грузооборота потребовало также нового подвижного состава; то, что было раньше, — ни в какой мере не удовлетворяет нас в настоящее время. В самом деле чистейшим варварством является, когда руду приходится возить в крытых вагонах. Надо было поставить производство больших платформ». Производство вагонов должно строго сочетаться с ростом промышленности, сельского хозяйства и его стандартизации. Здесь скрываются богатейшие ресурсы, использование которых зависит от детального изучения грузопотоков и специализации их.

Разрешение проблемы рационального использования всех ж.-д. путей сообщения должно идти по линии разделения всей ж.-д. сети на два типа: 1) районные пути и 2) межрайонные. Максимальное использование ж.-д. сети может быть достигнуто тогда, когда эти линии и подвижной состав будут в дальнейшем специализированы по отдельным типам грузов.

Грузопотоки на межрайонных путях, водных, железных дорогах и воздушных путях должны в еще большей степени регулироваться единым планирующим органом. Работа этих путей и развитие их должно также сочетаться с общей системой производства, распределения продуктов и стимулировать новый подъем производительных сил страны. Здесь особую роль (в виду замерзания рек) должен играть железнодорожный и автомобильный транспорт и в будущем — воздушный. Все железнодорожные магистрали, связывающие между собой различные комбинаты страны в единое хозяйственное комплексное целое (юго-запад, западо-восток, север) для планомерной деятельности и циркуляции в продуктообмене, должны быть за ближайшую пятилетку реконструированы по последнему слову техники на основе электрификации и превращены в сверхмагистральную линию всесоюзного значения. Межрайонные сверхмагистрали, связывающие промышленные окраины с центром страны: Москва — Донбасс, Москва — Урал, в свою очередь должны специализироваться: отдельные линии — на грузоперевозках, а отдельные — на пассажироперевозках. Здесь совершенно правильно поставлена т. Андреевым задача специализировать курскую дорогу на пассажироперевозках, а грузы, идущие из Донбасса на Москву, направлять через Валуйки на Ожерелье с подходом на Рязано-уральскую ж. д. — ст. Кашира, откуда будут строиться отводные линии на другие дороги для прямого движения маршрутных поездов, идущих с юга на север, Нижний-Новгород, Иваново и т. д., что значительно разгрузит московский узел, увеличит быстроту доставки и оборотов вагонов (на Москву поступают 48% всех грузов, идущих в Нижний и Иваново-Вознесенск и на Север).

Московская организация уже стала на путь разрешения реконструкции московского узла через развитие отдельных узловых сортировочных станций (Ховрино Октябрьской ж. д.; Лосиноостровская Северной ж. д.; Люблино Курской ж. д., Сортировочная Казанской ж. д., и др.) для приема грузов, поступающих на Москву и отходящих из Москвы в другие районы. Для пассажирско-пригородного движения производится электрификация узла с глубоким вводом в Москву, где производится сочетание городского транспорта с железнодорожным.

Вторая московская городская конференция и III областная приняли решение о реконструкции окружной дороги и создании нового кольца вокруг Москвы: «Конференция поручает МК и МГК форсировать реконструкцию окружной ж. д. и постройку нового железнодорожного кольца вокруг Москвы, создание заводских сортировочных веток и специализированных станций». Это решение имеет большое значение. По опыту реконструкции московского узла, должны разгрузиться и реконструироваться и харьковский, и ленинградский, и свердловский узлы. Харьковский узел, соединяющий

южные донецкие дороги, должен разгрузить себя через постройку двух-кольцевых линий—малое кольцо: Основа—Мерефа, Люботино—Боткино, и большое кольцо: Купянск—Савицы—Лихачево—Константиноградск—Белгород. Такими же кольцевыми линиями должен развиваться ленинградский узел, соединяя Мурманскую, Северо-западную и Октябрьскую дороги. Такая децентрализация важнейших узлов имеет не только большое экономическое значение, но и оборонное. Здесь необходимо отметить, что с развитием автотранспорта пригородное движение и грузовое на 110—150 км частично будет передано железными дорогами автотранспорту, в результате чего освободится часть товарных вагонов, особенно — с электрификацией ж.-д. пригородного движения в крупных промышленных центрах. С проведением приказа т. Андреева об усилении маршрутизации и дальнейшего ее развития работа узлов значительно облегчится. Децентрализация узлов не снимает задачи их дальнейшего укрупнения.

Проблема маршрутизации в СССР приобретает колоссальное экономическое значение. Если в капиталистической Америке возможен маршрут в пределах одной дороги, а не на всей сети, так как этого не позволяют частная собственность, конкуренция дорог друг с другом, то в СССР мы видим непрерывный рост маршрутных поездов, который почти от нуля достигает к 1930 г. (особый квартал) 40% от общей среднесуточной погрузки вагонов по ж.-д. сети. Вот почему приказ т. Андреева особо обращает внимание на вопрос маршрутизации.

«В качестве важнейшего средства увеличения эффективности использования вагонного парка к 1 декабря с. г. довести маршрутизацию поездов по важнейшим грузам (углю, нефти, керосину, металлу, руде, хлопку, меду, хлебу и соли) минимум до 50—60% всех перевозимых по железным дорогам грузов»¹².

Маршрутизация освобождает узловые станции от излишней работы по разборке и сортировке, способствует быстрой в продвижении и доставке грузов к пунктам назначения. С максимальным проведением маршрутизации железная дорога получает большую экономию на увеличении работы вагонов и сокращении штата по обслуживанию грузоперевозок, и клиентура получает экономию на тарифах и на скорости доставки грузов. Тарифная система НКПС дает преимущества клиентуре в маршрутных перевозках. Поэтому с полным переходом на хозрасчет, с решительной перестройкой в работе трестов, синдикатов транспорт должен получать организованные массовые заказы на перевозки, что будет способствовать усилению маршрутизации и планированию грузоперевозок. Важнейшие узловые станции, формирующие поезда (Красный лиман, формирующий поезда из Донбасса на Москву и Ленинград — до 2 тыс. вагонов ежедневно; уголь; металл); Северокавказская ж. д. Армавир—Ростов, пропускающая нефть и нефтепродукты на Север (Москву, Ленинград и т. д.); узлы свердловский, харьковский, московский и ленинградский, принимающие и отправляющие поезда, должны установить твердую связь с клиентурой и организовать прием и отправку поездов маршрутами.

Быстрота движения грузов и усиление работы вагонного парка зависят также от погрузо-разгрузочной работы. Недостаток в рабочей силе, плохая оборудованность пунктов, погрузо-разгрузочных работ, слабая механизация, халатное отношение клиентуры к простоям вагонов — мешают массовой погрузке и разгрузке, что не только задерживает вагоны, но и не дает возможности планировать их отправку маршрутными и транзитными поездами. Вот почему июньский пленум ЦК предложил ВСНХ немедленно развернуть работу по улучшению внутризаводского транспорта и

¹² Приказ т. Андреева от 14 октября 1931 г.

подъездных путей (в особенности Донбасса, Урала и Кузбасса), пунктов погрузки и выгрузки, приведя их в соответствие с объемом разворачивания производства и ростом перевозок». Комитету перевозок предложено планировать и регулировать перевозки, с тем расчетом чтобы «завоз угля, руды, соли, известкового камня, дров и т. п. приурочивать к летним месяцам». НКПС предложено «обеспечить надлежащее разворачивание работы по механизации погрузки и выгрузки, осуществляя ее в первую очередь в крупнейших узлах, на распорядительных станциях дорог Донбасса, Урала, Московского и Ленинградского узлов» (из резолюции июньского пленума ЦК).

Механизация погрузо-разгрузочной работы, применение кранов, постройка элеваторных станций, специальных эстакад и транспортных электрических аккумуляторных тележек, саморазгружающихся вагонов, специализация вагонов по определенным стандартным грузам и лучшее их приспособление для выгрузки, — все это в значительной мере снизит стоимость погрузки и выгрузки, увеличит работу вагона и даст стране добавочное накопление. Здесь весьма ценное рационализаторское значение имеет также устанавливаемый порядок погрузо-разгрузочных работ между клиентурой и железной дорогой, где согласно приказу т. Андреева «органы ж.-д. транспорта освобождаются от обязательств по производству погрузо-разгрузочных работ за пределами станций и на станционных складах, находящихся в долгосрочной аренде ведомств и организаций.

Массовые грузы, прибывающие в большом количестве (уголь, лес, хлеб, стройматериалы, кирпич и т. п.), как правило, грузятся и разгружаются владельцами грузов. В отдельных случаях по соглашению между грузоотправителями, грузополучателями и дорогой погрузка и разгрузка может производиться силами дороги»¹².

Установленная этим приказом материальная ответственность за нарушение сроков погрузки и выгрузки, применение штрафов и продажи грузов значительно подтягивает клиентуру и упраздняет существующий хаос в этом деле. Нет сомнения, что это послужило одним из факторов увеличения против прошлого года среднесуточной погрузки вагонов по всей сети железных дорог. Через решительное проведение решений июньского пленума ЦК и приказа т. Андреева о маршрутизации, механизации погрузо-разгрузочных работ и дальнейшее упорядочение взаимоотношений с клиентурой в этой области мы создадим действительную плановость работы в грузоперевозках, сократим себестоимость перевозок и дадим стране добавочные миллионы для индустриализации и реконструкции.

Вторым основным моментом усиления пропускной способности станций-узлов и в целом дорог с большим грузопотоком является оборудование станций (особенно узловых) централизованным управлением стрелочных переводов, оборудование станций автоматической сигнализацией, оборудование железнодорожных линий автоблокировкой и механизацией маневровой работы (горок) и т. д.

Сущность автоблокировки заключается в том, что на перегоне от станции до станции устанавливаются специальные светофоры (блокушки на расстоянии друг от друга на протяжении от 2—3 км), которые в зависимости от прохождения поездов, автоматически меняют сигналы (красный — синий), регулируют движение и дают возможность двигаться поездам одному за другим, увеличивая пропускную способность дороги в два-три раза. Усиление пропускной способности дороги через автоблокировку освобождает нас на отдельных направлениях от прокладки вторых путей, за счет чего мы можем произвести развитие и расшивку узлов и железных дорог.

¹² Приказ т. Андреева, «Правда» от 14 октября 1931 г.

Практика работы американских железных дорог показала, что автоблокировка способствует увеличению пропускной способности с 24 пар до 40 пар поездов на однопутной линии и с 50 до 150 пар поездов и выше на двухпутной линии, обеспечивает безопасность движения, увеличивает скорость на 30% и дает большой экономический эффект в сокращении эксплуатационных расходов до 20%. Это весьма ценное мероприятие не может при капиталистическом способе производства полностью использоваться; у нас в СССР. К сожалению мы до настоящего времени имеем оборудованную автоблокировкой через дистанцию 1,6 км, могла бы пропустить несколько сот поездов, а она пропускает не больше 120 пар поездов.

Нет сомнений, что автоблокировка должна найти широкое применение у нас в СССР. К сожалению мы до настоящего времени имеем оборудованных автоблокировкой только 40 км Северной дороги и опытный участок МВБ Москва — Волоколамск (116 км), и то оборудованные исключительно импортной аппаратурой и работающие весьма неудовлетворительно. Намеченные на автоблокировку в 1931 г. 8 млн. руб. использованы только на 36%, а поэтому план 1931 г. охвата автоблокировкой 2 018 км выполнен в минимальных размерах.

Нужно отметить, что у нас еще не создана материальная техническая база для изготовления аппаратуры и оборудования автоблокировки; опыты на ленинградском заводе им. Казидкого и на киевской «КРЭЗ» еще не дали удовлетворительного результата. Для того чтобы окончательно освободиться здесь от иностранной зависимости в технико-экономическом отношении, от инженерно-технических сил требуется проявление максимума настойчивости и изобретательности. Намеченный план по автоблокировке должен быть выполнен.

НКПС наметил план: к началу 1934 г. оборудовать автоблокировкой 20 тыс. км и к концу второй пятилетки — 55 тыс. км; электрифицированной линии — 30 тыс. км; проложить вторых путей 12 тыс. км.

В 1932 г. должны работать следующие направления: Котельничий — Буй, Северный, Москва, Раменское, Московско-казанская, Аджиджабул — Елах, Закавказская опытная, Пенза, Ртищев и большие магистрали Клинка — Ташкент, Котельничий — Ленинград, Москва — Казань — Свердловск и т. д., с общим протяжением до 2 500 км.

Третьим важнейшим мероприятием по усилению пропускной способности являются электрическая и диспетчерская централизация, механизация и рационализация работ горюк. Америка за последнее время достигла больших результатов. Один диспетчер управляет сигнализацией и стрелочными переводами из одного пункта и руководит движением поездов на участке до 80—100 км. Все стрелки главных путей участка централизованы, снабжаются механизацией двойного управления, могущие переводиться или диспетчером или вручную с разрешения диспетчера¹⁴. Многочисленные примеры американской практики подтверждают то, что диспетчерская централизация является самым лучшим, наиболее совершенным и весьма экономичным способом увеличения пропускной способности однопутного участка. При затратах в 4 раза меньше, чем при постройке второго пути, она позволяет увеличить пропускную способность почти до размеров двухпутного участка. Увеличивает коммерческую скорость, сводит к нулю штат на промежуточных станциях.

НКПС уже встал на путь работогорюк наметив к концу первой пятилетки оборудовать электрической централизацией 14 500 стрелок и при проведении

¹⁴ М и р о в о в, Железные дороги Северной Америки.

автоблокирования концентрировать управление сигналами и стрелками из одного диспетчерского пункта по опыту Северной Америки.

Четвертым важнейшим мероприятием усиления пропускной способности и оборота вагонов является стандартизация и типизация подвижного состава, грузов и т. д.

Проблема стандартизации на транспорте в связи с коренной реконструкцией транспорта приобретает в настоящее время острое значение. Разрешение ее зависит от стандартизации промышленности и сельского хозяйства.

Только советская система хозяйства дает на основе планового сочетания всех областей материального производства (промышленности, сельского хозяйства и транспорта) огромные преимущества перед капиталистической стандартизацией. Частная собственность на средства производства, раздробленность и централизация в управлении отдельных областей материального производства, а главное — конкуренция, не дают возможности провести стандартизацию в странах капитализма в государственном масштабе.

Железнодорожные магнаты должны приспособляться к стихийности и к сезонности грузопотоков и на основе этого строить свой подвижной состав. И при таком положении Америка определяет экономии на стандартизации в 600 млн. дол.

Отсюда видно, какую острую экономию может дать стандартизация единого комплексного хозяйства Советского союза.

Железнодорожный транспорт на основе изучения географического расположения промышленности и сельского хозяйства, на основе определения товарной мощности каждого района и места сбыта или потребления продукта должен определить свою долю, которую он возьмет для межрайонных перевозок, и на основе этого определить специализацию и типизацию вагонов, от которой будет зависеть заказ промышленности, и специализацию заводов для стандартного производства вагонов. Таким образом определяется стандартное производство определенного типа двигателей электровозов, тепловозов, паровозов, автодрезин и др. Применение мощных паровозов с нагрузкой в 20—23 т на ось большегрузных вагонов «халер» и «гондола» требует стандартного производства и укладки мощных типов рельсов определенной крепости (содержание углерода в 50 кг по м до 0,70%). От заказа, который НКПС сделает промышленности стандартного типа рельсов, также зависит специализация вальцопрокатного цеха к определенному типу рельсов, и содержание углерода определяет стандартное производство рельсовых скреплений (болтов и накладок). В этом отношении НКПС может уже теперь определить стандарт рельсов для главных направлений с большим грузопотоком, второстепенных подъездных путей и узкоколейных, а также определить стандартное производство болтов и накладок.

Большую экономию в перевозках, в погрузо-разгрузочных работах могут дать стандартная упаковка продукции легкой индустрии (мануфактура, галоши, обувь, жиры, мясо и т. д.) и тяжелой индустрии (стандартный транспортный трактор, автомобиль, комбайн, станки, инструменты, моторы и т. д.). Производство, которое не требует упаковки, а требует специализированного и стандартного подвижного состава, — это нефть, уголь, руда, кокс, лес, стройматериалы и т. д. Таким образом можно сделать вывод, что как распределение подвижного состава, его рациональное использование, так и дальнейшее его производство должны исходить из учета перспектив развития промышленности и сельского хозяйства и дальности перевозок, в строгом сочетании с стандартной выработкой продукции промышленности и сельского хозяйства. Уничтожение большой разнотипности паровозов, вагонов, рельсов и шпал (балласт, рельсовые скрепления), проведение жесточайшей стандартизации дадут дополнительные накопления на транспорте для

дальнейшего развития и движения вперед железнодорожного транспорта. Этим вопросом должны заниматься все инженерно-технические силы, хозяйственники и вся рабочая масса и трудящееся население в целом.

Итоги и перспективы

Партия на протяжении всего периода советской власти боролась с трудностями и преодолевала транспортные затруднения, развивала и усиливала железнодорожную сеть, мобилизовала внутренние ресурсы и, несмотря на теорию вредителей и оппортунистов о затухающей кривой грузооборота, добилась следующих показателей по грузообороту:

Показатели	Единицы измерения	Абсолютные данные				
		1928	1929	1930	1931	1932
Эксплоатацион. длина	километр	76 914	76 792	79 879	80 920	92 531
Груз. раб. ж. д.	млн. тонн	156,2	187,6	238,7	250,0	320,1
» в <i>ткм</i>	м. л. д.	117,9	144,9	187,5	206,0	261,7
Сред. дальность пробега грузов	километр	598	602	567	590	599
Средний состав поезда товарн. движения	ось	97,4	100,8	105,6	105,6	110
Средний суточный пробег паровоза	километр	137	151,5	157,9	—	—
Средний суточн. пробег вагона товарн. движ.	»	—	130	131,5	139	167

Пленум ЦК партии (июнь 1931 г.), подводя итоги за два года пятилетки, отметил: «За первые два года пятилетки грузооборот железных дорог СССР вырос с 156 млн. т в 1929 г. до 238 млн. т в 1930 г. против 132 млн. т 1913 г., превысив таким образом довоенный уровень на 80%».

По пассажироперевозкам в 1930 г. железнодорожным транспортом перевезено 557 млн. человек против 291 млн. в 1928 г. и 185 млн. человек в 1913 г.

Вся грузовая работа по пробегу в два раза превысила довоенный уровень и только на 7% не достигла выполнения пятилетнего плана в два года. По выполненной грузовой работе м.-д. транспорта СССР занял второе место в мире после САСШ. В 1930 г. железные дороги СССР выполнили 133 млрд. тоннокилометров против 61 млрд. *ткм* в Германии, 29,2 млрд. *ткм* в Англии и 565 млрд. *ткм* в САСШ» (из резолюции пленума ЦК).

Мы за три года пятилетки по грузовой работе превзошли наметки, утвержденные XVI партконференцией, выполнив к концу 1931 г. по перевозке грузов и пассажиров 217 млрд. *ткм* вместо 163 млрд. *ткм*, заданных XVI партконференцией к концу пятилетки (1933 г.). По среднесуточному пробегу пассажироперевозки превзошли 117%, по нагрузке на ось — 108% задания пятилетки. На работе железнодорожного транспорта можно видеть, какой неисчерпаемый источник возможностей таит в себе социалистическая система производственных отношений, которая, опираясь на рост материально-технической базы, продолжает рационально использовать внутренние ресурсы для строительства социализма в СССР. «Уже в истекшем 1930 г. грузонапряженность железнодорожного транспорта СССР достигла 1 738 тыс. *ткм* на 1 км против 1 608 тыс. *ткм* на 1 км в среднем по сети САСШ» (из резолюции июньского пленума ЦК 1931 г.).

Все эти достижения мы имеем благодаря решительной борьбе партии и рабочего класса как с теорией и практикой буржуазно-реставраторских течений, так и с правыми и «левыми» оппортунистами, с контрреволюционным троцкизмом, теория и практика которых отражала буржуазное и мелкобуржуазное течение внутри страны. «Только в решительной борьбе как с «левым», так и с правым оппортунизмом и с примиренчеством, за генеральную линию нашей партии ВКП(б) обеспечим создание предпосылок для выполнения первой пятилетки в четыре года, разгромим классового врага, и обеспечим победу социализма в СССР»¹⁵.

Но эти достижения транспорта далеко еще не обеспечивают растущей потребности страны в расширенном воспроизводственном процессе социалистического строительства. Транспорт еще продолжает оставаться узким местом в народном хозяйстве.

XVII партконференция в своем решении как недостаток отметила, что «плохая работа транспорта в I квартале 1931 г. затормозила быстрое развитие промышленности». И для обеспечения нормальной работы по развитию тяжелой индустрии на 1932 г. конференция особо обращает внимание работников ж.-д. транспорта на необходимость исключительно четкой работы по снабжению металлургии как основным сырьем (руда, кокс, флюсы, так и вспомогательными материалами (магнетит, огнеупоры, сырье для огнеупорных заводов). Работа железнодорожного транспорта должна обеспечить в 1932 г. создание таких резервов руды и кокса, которые обеспечили бы работу металлургических заводов. В частности необходимо в кратчайший срок разгрузить Криворожский бассейн от огромных запасов руды, скопившейся в нем, и перебросить на заводы» (из резолюции XVII партконференции).

План работы ж.-д. транспорта в 1931 г. выполнен по всем дорогам на 83,5 %; новое железнодорожное строительство — на 85 %; прокладка вторых путей — на 87 %; развитие станций и узлов — на 76 %; капитальные вложения выполнены на 80 %.

Все эти недостатки и невыполнение плана являются результатом в первую очередь того, что партийные, профессиональные и хозяйственные организации не перестроились в своей работе, не научились по-новому работать, по-новому руководить, а также и потому, что промышленность не обеспечивает транспорта необходимой материальной базой для технического перевооружения железных дорог.

Намеченный июньским пленумом ЦК путь форсированного развертывания работ по реконструкции ж.-д. транспорта целиком упирается в неподготовленность промышленности, которая в свою очередь, чтобы обеспечить выполнение заказов транспорта, должна быть реконструирована. Недовыполнение планов 1931 г. создает большую напряженность в работе для 1932 г.

Необходимо отметить большой пробел в общей плановой работе СССР в деле усиления капиталовложений на транспорте. Пятилетний план намечал капиталовложения в 6,7 млрд. руб., а выполнен за 3 года пятилетки — только на 3,6 млрд. руб. (53%). Если промышленность и в дальнейшем не будет выполнять заказ транспорта, то намеченные планом 1932 г. 2,5 млрд. руб. также не будут использованы полностью.

На все капитальное строительство железнодорожный транспорт должен израсходовать 2 550,7 млн. руб., что составляет увеличение (против

¹⁵ Тезисы т. Молотова к XVII партконференции.

1 918 млн. руб. в 1931 г.) на 38 %, которые распределяются следующим образом (в млн. руб.):

Усиление пути	350	Жилищное строительство	352,6
Тяговое хозяйство	513,8	Эксплуатация (разв. стан. узл. 2-пут.)	305,5
Новый подвижп. состав	493,3	Автоблокировка	75,0
Новое ж.-д. строительство	485,4	Электриф	45,0

Этот грандиозный план работы и реконструкции железнодорожного транспорта является реальной программой действий всей рабочей массы нашего Союза, рассчитан на ликвидацию отставания железнодорожного транспорта от общего темпа развития народного хозяйства и подготовку его для еще более грандиозных темпов, намеченных партией и рабочим классом на вторую пятилетку. От выполнения плана работ 1932 г. будет зависеть выполнение плана всего народного хозяйства.

Каждый железнодорожник должен драться за выполнение транспортного плана и за претворение в жизнь решений XVII партконференции, ибо в этом залог укрепления диктатуры пролетариата и обороноспособности СССР.

Намеченный план работы на 1932 г. особо привлекает внимание всех работников железнодорожного транспорта. Железнодорожный транспорт должен перевезти 320 млн. т грузов, что составляет на 28 % больше, чем в 1931 г. и на 13 % превысит план первой пятилетки, и 890 млн. пассажиров, что составит на 20 % больше, чем в 1931 г.; довести общий объем продукции до 263,8 млрд. ткм, т. е. на 25,3 % больше, чем в 1931 г.; снизить себестоимость перевозок на 10 %; сократить нормы расхода топлива на 9 %; довести среднесуточную погрузку до 60 тыс. вагонов; повысить производительность труда на 26 %, зарплату — на 13 %.

Выполнение этого плана в свою очередь требует: увеличения коммерческой скорости поездов с 13 км в 1931 г. до 16 км в 1932 г., среднесуточного пробега товарного вагона с 92 км до 128 км, а товарного паровоза со 139 до 167 км; доведения работы паровоза до 10—11 час. в сутки и вагона до 8 час. (и снижения его оборота с 9 суток до 6,5 суток). Железнодорожный транспорт для выполнения плана должен получить от промышленности: паровозов — 1 310, вагонов 500 тыс., оборудованных автосцепкой и автотормозами электровозов — 24, тепловозов — 10, мотовозов — 30, рельсов — 500 тыс. т.

Кроме того железная дорога должна оборудовать автотормозами 50 тыс. действующих вагонов парка и автосцепкой 20 тыс. Для усиления пропускной способности дорог намечено оборудовать автоблокировкой 2 425 км, усилить путь Урал—Закавказье — 3 430 км., проложить 2 250 км пути (вторые пути) на выходы Москва—Донбасс и Урал—Сибирь (Карталы—Магнитная, Полетаево—Картаны, Макушкино—Челябинск). Должно быть приступлено к постройке 4 781 км. ж. д., и 4 мостов (из них один протяжением в 1 338 км) должны быть сданы в эксплуатацию в 1932 г. В 1932 г. должны быть электрифицированы линии: Кизель—Чусовая, Гора Благодатная, Свердловск, Топкино—Кашерова, Долгинцево—Запорожье, Дебальцево, Зверевое, Лихая—Сталинград и Сурамский перевал.

Основной задачей окончательного завершения работы первой пятилетки железнодорожного транспорта является обеспечение выполнения народнохозяйственного плана на 320 млн. т грузоперевозок, 890 млн. чел. пассажироперевозок, а также выполнения плана реконструкции железнодорожного транспорта для облегчения выполнения всего народнохозяйственного плана, намеченного второй пятилеткой.

Вот грандиозный размах второй пятилетки по тяжелой индустрии, какого еще не видал мир (в миллионах тонн).

	1913	1931	1932	1937
Чугун	4,2	4,9	9,0	32,0
Уголь	29,2	57,0	90,0	250,0
Нефть	9,2	22,3	26,4	78,5
Электроэнергия (в млрд. квтч) . .	1,9	10,6	17,0	100,0
Железные дороги (в тыс. км.) . .	58,0	82,0	86,2	116,0

Машиностроение увеличить в 3—3,5 раза против 1932 г., продукцию широкого потребления — в 2,5—3 раза.

Все это подводит материальную базу для полной коллективизации крестьянства и уничтожения классов в нашей стране.

На основе этого грандиозного развертывания производительных сил грузооборот с каждым годом будет расти. Требования, которые предъявляет народное хозяйство, могут быть выполнены только на основе решительной, коренной реконструкции железнодорожного транспорта и всемерной мобилизации внутренних ресурсов, перестройки всей работы на основе условий Сталина в соответствии с новыми задачами и новыми, более высокими темпами нашего движения вперед.

Н. БЕРЕЗНИ и Д. ЛАСКИН

О ЗАКОНЕ СТОИМОСТИ

Критическая заметка

Заголовок этой статьи может у читателя сразу же вызвать недоумение: что говорить по столь широко известному вопросу? Какие еще требуются критические замечания? Мало ли у нас имеется книг, статей и учебников, где этот вопрос разъяснен? Разве у нас нет солидных исследований по политической экономии, в которых дан исчерпывающий ответ на этот вопрос?

В силу законности этих вопросов нам необходимо прежде всего объяснить наше выступление со специальной статьей по вопросу, который действительно широко освещен в марксистской литературе. Не рассчитывая сразу же рассеять недоумение у читателя, заметим следующее: мы не собираемся в этой статье говорить о теориях стоимости буржуазной политической экономии и отражать нападки с ее стороны на теорию стоимости Маркса; мы не собираемся также вести спор по поводу закона стоимости с такими врагами марксовой политической экономии, которые называют себя «марксистами», «пополняют», подправляют, «уточняют» и открыто или скрыто извращают Маркса; мы думаем в этой статье говорить о том толковании закона стоимости, которое распространено в нашей среде, среди марксистов-экономистов, в заданиях, программах, учебниках, статьях и книжках, написанных авторами-марксистами.

В нашей стране распространена суженная трактовка закона стоимости, и эта трактовка столь прочно вкоренилась у нас, что мы перестали замечать фальшь, подобно тому как многие марксисты-экономисты до поры до времени не замечали фальши, защищая ограниченное понимание предмета политической экономии. Ограничение политэкономии рамками только капитализма было повидимому небезуспешно распространено среди марксистов такими с позволения сказать «марксистами», как Гильфердинг, Рубин и т. п. Потребовалось немало труда, чтобы вытравить этот враждебный марксизму взгляд. С вопросом о законе стоимости мы имеем аналогичное положение: мы свыклись с «общепринятым» толкованием закона стоимости и поэтому не замечаем фальши, а между тем нетрудно все же установить, что это «общепризнанное» толкование закона стоимости привнесено из враждебных марксизму взглядов, т. е. является самым ярким образчиком «контрабандного товара», протасченного в нашу политэкономию.

Что такое закон стоимости? Какое обычно вкладывается содержание в закон стоимости? О чем обычно идет речь в наших программах, книгах и учебниках под таким примерно многообещающим заголовком: «Закон стоимости как основной закон движения товарно-капиталистического хозяйства»? Нужно прямо сказать, что здесь обычно почти всегда ничего не говорится о законе стоимости как законе движения или развития товарно-капиталистического хозяйства. Или, пожалуй, точнее будет сказать, что при изучении теории стоимости (т. е. в первом задании по теории капитализма) дается такое представление о законе стоимости, которое односторонним выпячиванием лишь одного момента смазывает весь смысл стоимости как закона развития товарного хозяйства.

Возьмем для примера только что вышедший учебник политической экономии, составленный под руководством и редакцией Б. Кофмана¹. Заметим, что можно бы было с большим успехом для иллюстрации взять какую-либо другую книжку, более характерную, чем упоминаемый учебник. На что у нас почти всегда ориентируют читатели, когда отвечают на вопрос, что же такое есть закон стоимости как закон движения товарного хозяйства? Посмотрим, что говорится на этот счет в главе IV учебника, названной «Стоимость как основной закон движения товарного производства». В первом параграфе этой главы («Стоимость и цена») речь идет об определении цен стоимостью, а в следующем параграфе («Стоимость как основной закон движения товарного производства») говорится об отклонениях цен от стоимости, о тяготении цен к стоимости и соответственно о переливании труда из одних отраслей производства в другие, о перераспределении труда между различными частями товарного хозяйства. Происходит, — говорится здесь, — «перераспределение общественного труда между отдельными отраслями производства, изменение тех пропорций, в которых труд был распределен раньше. Само собою разумеется, что при этом происходит перераспределение и средств производства. А чем обусловлено это перераспределение труда? Действием закона стоимости, ибо цены со стихийной необходимостью тяготеют к своим стоимостям; отклонение их от стоимости и вызывает перераспределение труда. Таким образом стихийный закон стоимости распределяет производителей по отдельным отраслям производства»².

Авторы учебника особо подчеркивают, что «товарное хозяйство характеризуется постоянной неуравновешенностью». Закон стоимости не обеспечивает гармонии и пр. Это ясно. Дело не в этом, а в том, как понимается закон стоимости как закон движения товарного производства? Пока содержание закона раскрыто в таком виде: это — закон, который предопределяет передвижение труда из одних отраслей производства в другие, из невыгодных сфер приложения труда в выгодные. Осуществляется действие этого закона путем сложного механизма цен, их отклонения от стоимости. Эти отклонения приводят к переливам труда, к «нормальному распределению производителей по отдельным частям производства, которое конечно не означает предустановления равновесия в хозяйстве. Но так или иначе труд переливается из одного места в другое под действием отклонения цен от стоимости и в этом находит себе выражение и исчерпывающее определение закон стоимости. Это есть стихийный закон регулирования труда товаропроизводителей: его расширения и сужения и его движения из одной сферы производства в другую. Обычно именно так и раскрывается содержание закона стоимости. Справедливости ради следует отметить, что в упоминаемом учебнике авторы еще добавляют в главе о «Стоимости как основном законе движения товарного производства», что «регулирующая роль закона стоимости не означает «топтания на одном месте». При помощи воздействия закона стоимости происходит развитие производительных сил. Это крайне существенно: «развитие производительных сил изменяют и производственные отношения».

Заканчиваются суждения о законе стоимости критикой «закона трудовых затрат». Критика этого закона ведется с точки зрения того понимания закона стоимости, которое гласит, что «закон стоимости является тем о б-

¹ Политическая экономия. Учебник, составленный бригадой аспирантов и научных сотрудников ленинградского отделения Комкадемии под руководством и редакцией Б. Кофмана, выпуск I, гл. IV.

² Там же стр. 92.

щественным механизмом, с помощью которого в товарном хозяйстве совершается распределение общественного труда в известных пропорциях между отдельными сферами производства»³. Это повидимому — «альфа и 11 июля 1868 г., где говорится, что необходимость пропорционального распределения труда является совершенно необходимой для всякого общества». Тут авторы делают ссылку на известное письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г., где говорится, что необходимость пропорционального распределения труда не может быть уничтожена ни в одном обществе, и полагает, повидимому, что закон стоимости всего лишь отвечает на вопрос: как достигается эта пропорциональность? Как распределяется труд в товарном хозяйстве? Авторы критикуют «закон трудовых затрат» и здесь же лишний раз делают указания на понимание закона стоимости. Это есть «регулятор» распределения труда, «тот способ, тот механизм, с помощью которого общественный труд распределяется между отдельными отраслями производства. А вот это самое понимание закона стоимости у нас и господствует.

Очень многие авторы, говоря о законе стоимости как законе движения товарного хозяйства, делают упор исключительно на то, что этот закон находит себе исчерпывающее определение в регулировании распределения труда между различными частями товарного хозяйства. Регулирование распределения труда товаропроизводителей, его передвижение из одних сфер производства в другие осуществляется под воздействием отклонений цен от стоимости. Это и есть закон стоимости. Закон стоимости объясняет нам как и почему осуществляется передвижение труда в этом будто бы находит себе выражение, действие закон стоимости как закон движения товаропроизводящего хозяйства. При этом почти всегда ссылаются на письмо Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г., где будто бы Маркс дает исключительно это представление о законе стоимости. Мы поэтому предварительно задержимся на этом известном письме Маркса к Кугельману с тем, чтобы показать, о чем собственно говорит Маркс в этом письме.

I. О письме Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г. и о чем в нем говорится

Приведем полностью тот отрывок из письма Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г., который нам интересует и ради которого обычно это письмо читается и перечитывается в связи с теорией стоимости Маркса:

«Что касается «Zentralblatt», — пишет Маркс, — то автор статьи в этом журнале делает мне наивозможно большую услугу, допуская, что если вообще придавать какой-нибудь смысл понятию стоимости, то неизбежно придется соглашаться с моими выводами. Несчастный не видит, что если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я дал, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно-определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена опреде-

³ Там же стр. 91.

ленной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее определения. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»⁴.

Письмо Маркса к Кугельману, откуда мы взяли эту выписку, было написано лишь год спустя после выхода в свет первого тома «Капитала». В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс говорит, что сначала его книгу пытались замолчать «ученые и неученые вожди германской буржуазии», но потом, когда эта тактика перестала отвечать потребности времени, они под видом критики «Капитала» напечатали ряд советов на предмет «успокоения буржуазной совести». Заговор молчания, начатый по отношению к его книге «специалистами и всяким газетным сбродом», был прорван, постепенно стали появляться заметки, рецензии и статьи на «Капитал» этих «всяких специалистов». Об одной рецензии на «Капитал» в «Litterarisches Zentralblatt»⁵ и упоминает Маркс в приведенном отрывке из письма к Кугельману. Автор этой рецензии высказал против теории трудовой стоимости Маркса те самые возражения, которые по словам Маркса только и можно было ожидать от сикофанта — болтуна буржуазной науки, а именно автора не удовлетворяет обоснование трудовой природы стоимости, он настаивает на необходимости доказать, что стоимость определяется трудом (так ли это?), что величина стоимости товаров зависит от «количества определенной массы общественного совокупного труда», заключенного в товаре (верно ли это?) и пр. и пр. Представители «профессорской» буржуазной «науки» еще и до сих пор, как это всем известно, по преимуществу восстают против трудовой теории стоимости. Маркс в своем письме к Кугельману, — в ответ на возражения критики из «Litterarisches Zentralblatt», против трудовой теории стоимости, — излагает свое понимание теории теории стоимости. «Маркс излагает здесь, — говорит Ленин, — в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов чрезвычайно отчетливо свое понимание так называемой «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения, против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской» буржуазной «науки», разобраны здесь Марксом коротко, просто, значительно, ясно»⁶.

Назойливое требование доказать понятие трудовой стоимости (докажите, что стоимость определяется трудом!) Маркс называет не иначе как «болтовней», основанной на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Это не значит, что вопрос о том, что лежит в основе стоимости, совершенно не заслуживает внимания. Нет. Маркс только утверждает в своем письме к Кугельману, что решение вопроса о трудовом характере стоимости вытекает с неизбежностью из всех наблюдений над товарно-капиталистическим хозяйством, если только не подходить к нему предвзято. Маркс говорит: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель».

⁴ «Письма к Л. Кугельману», перев. с нем. под ред. и с предисловием Н. Ленина, 1920 г., стр. 62—63.

⁵ Рецензия помещена в № 28 от 4 июля 1868 г., стр. 754—755.

⁶ Из предисловия Ленина, упомянутое над., стр. IV.

Представителю буржуазной «науки» как равно и «несчастному», — как его называет Маркс, — автору из «Litterarisches Zentralblatt» конечно покажется недостаточным и неубедительным такой довод: всякий ребенок знает, что труд является основой всей общественно-исторической жизни, что «богатства народов» есть результат трудовой деятельности человека и что, само собою разумеется, исключением из этого не является и богатство тех «обществ», где господствует товарно-капиталистический способ производства и где богатство составляют товары, которые «являются только представителями самостоятельного бытия стоимости, всеобщего общественного труда абстрактного богатства»⁷. С точки зрения представителя буржуазной науки это быть может, повторяем, не довод в защиту трудовой природы стоимости. Он не приемлет трудовой теории стоимости, и он не был бы представителем буржуазной политической экономии, если бы не заявлял это и если бы в своих «положительных» суждениях о стоимости не занимался увековечением бессмысленной путаницы. «Безусловный интерес господствующих классов, — говорит Маркс в этом же письме к Кугельману, — требует увековечения бессмысленной путаницы. Да и за что же, как не за это, платят сикофантам-болтунам... Характерно во всяком случае, — пишет Маркс, — до чего пали эти попы буржуазии: рабочие и даже фабриканты и купцы поняли мою книгу и сумели разобраться в ней, а эти «писатели» и «ученые» (!) жалуются, что я предъявляю чрезмерные требования к их рассудку»⁸. Не случайно следовательно они болтают о необходимости доказать понятие стоимости, доказать например то, что в основе стоимости лежит труд, т. е. то, что «всякий ребенок знает».

«Точно так же, — продолжает Маркс в письме к Кугельману, — известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и качественно определенные массы совокупного общественного труда». Здесь Маркс переходит к суждениям относительно определения величины стоимости. Стоимость всей массы товаров представляет всю массу общественного совокупного труда. Каждый отдельный товар представляет то определенное количество или ту определенную массу из совокупного общественного труда, которую представляет этот отдельный товар в общественной массе всего товарного мира. На соответствующую массу товаров, говорит Маркс, падает соответствующая пропорция из массы общественного совокупного труда. В своем письме к Кугельману Маркс не развивает подробно вопрос об определении величины стоимости, вопрос о количественном определении стоимости. От Маркса требует автор рецензии в «Litterarisches Zentralblatt» доказать это. Нужно ли это доказывать? Безусловно нужно. И у Маркса в «Капитале» (т. I, гл. I) и в «Критике политической экономии» это доказательство содержится полностью. В письме же к Кугельману Маркс делает упор на то, что доказать это опять-таки нетрудно: это «также всем известно», и «очевидно само собой», как и определение основания стоимости. Не очевидно ли в самом деле, что при какой-бы то ни было форме общественного производства — будь это капитализм или будь это коммунизм — общая масса продуктов труда будет представлять совокупный общественный труд, а определенная масса этих продуктов будет представлять определенную часть общей массы совокупного общественного труда. Что на производство одной трети общей массы продуктов общества необходимо затратить или необходимо падает треть (а не одна пятая) общей массы совокупного общественного труда, — требует ли это доказательства? Не очевидно ли это самой собою? Не очевидно ли это так же, как тот закон природы,

⁷ Маркс, К критике..., стр. 173.

⁸ Письмо к Кугельману, упомянутое изд., стр. 64.

что за днем следует ночь, а за ночью снова наступит день? И недостаточно ли уже этой популярной ссылки на неизбежность трудового измерения результатов производства во всех формациях для доказательства той простой истины, что и величина стоимости результатов товарного производства, т. е. величина стоимости товаров, так же измеряется трудом? «Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно-необходимого для его изготовления» (Маркс), т. е. эта величина соответствует той доле или той части общей массы совокупного общественного труда, которую представляет данная потребительная стоимость в общей массе продуктов труда. Вот эту очевидную истину Маркс и популяризирует для тех, кто требует доказательств, что величина стоимости определяется трудом.

Как раз в этом месте письма Маркса к Кугельману, которое, как это видно, относится к суждениям по вопросу о количественном определении стоимости, некоторые авторы (см. следующую главу нашей статьи) усматривают подтверждение того, что будто бы сам Маркс говорит о законе стоимости всего лишь как о законе, на основе которого регулируется распределение труда между различными частями товарного производства. Но это свидетельствует лишь о том, что эти некоторые авторы совсем не поняли содержания письма Маркса к Кугельману. О чем здесь идет речь у Маркса? О трудовом измерении величины стоимости, о величине стоимости, об определении величины стоимости трудом. После ссылки на неизбежность трудового измерения результатов производства во всех общественных формациях, после указания на измерение продуктов труда той массой или долей совокупного общественного труда, которая пропорционально падает на данную массу или долю продуктов труда,— после этого указания, сделанного Марксом в целях популярного разъяснения вопроса об определении величины стоимости трудом, Маркс в своем письме к Кугельману говорит далее об особой исторической форме трудового измерения результатов производства в товарном хозяйстве.

«Устраняет ли, говорит Маркс, товарная форма общественного устройства ту простую необходимость, что на определенную долю продуктов труда (товаров) падает та доля совокупного общественного труда, которая соответствует доле данной массы товаров в общей их массе? Устраняет ли эту необходимость товарно-капиталистическая форма общественного производства? Разумеется, нет. «Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления».

К чему же приводит товарная форма общественного устройства? Форма общественного производства, когда общественный характер его представлен в виде производства частных производителей, «когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда» (Маркс), приводит к тому, что «пропорциональное распределение труда (т. е. количество или часть совокупного общественного труда, падающего на данную массу продуктов труда) принимает форму меновой стоимости: труд принимает форму стоимости, продукт труда принимает товарную форму или форму стоимости. «Продукт труда,— говорит Маркс в «Капитале»,— при всяких состояниях общества есть предмет потребления, но лишь одна историческая определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар,— именно та, которая труду, затраченному на производство предмета потребления, придает вид, «вещественного» свойства последнего, вид его стоимости»⁹.

⁹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 29, изд. 1924 г.

Таково содержание интересующего нас отрывка из письма Маркса к Кугельману. Как видно, в этом отрывке «Маркс излагает в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов свое понимание так называемой трудовой теории стоимости» (Ленин). Как надо понимать стоимость? Как надо идти к объяснению трудового характера стоимости и ее количественной определенности? Как надо идти к объяснению закона стоимости, каким путем надо идти к объяснению того, что труд принимает форму стоимости и соответственно продукт труда — товарную форму? «Маркс,—говорит Ленин,—показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит на примере самых обыденных возражений своему методу¹⁰. Научный метод ничего не имеет общего с выдумыванием ответов, например на вопрос, что лежит в основе стоимости. Не надумывать надо ответ на этот вопрос, а надо осмыслить и разъяснить действительную внутреннюю связь изучаемых вещей, а это значит — понять эту связь вещей. «Анализ реальных отношений заключает в себе данные и доказательства закона развития этих отношений» (Маркс).

А теперь посмотрим, как солидное число авторов из нашей среды излагают и понимают письмо Маркса к Кугельману и какую службу они заставляют это письмо нести.

П. О том, как некоторые понимают письмо Маркса к Кугельману или о том, о чем в нем не говорится

Не менее широко, чем само письмо, известно то, что усматривали в письме Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г. т. Бухарин и многие другие, а в частности те, которые решительно выступили с критикой точки зрения т. Бухарина о «законе трудовых затрат», изложенной им в статьях в «Правде», изданных потом брошюрой под названием «К вопросу о закономерностях переходного периода»¹¹. Известно, что т. Бухарин в упомянутом нами письме Маркса к Кугельману видел обоснование «закона трудовых затрат», этого вечного и естественного закона, который будто бы Маркс тщательно анализирует в «Капитале» в различных условиях общественного производства — и в условиях «патриархального производства» крестьянской семьи, и в условиях производства «ассоциации свободных людей», работающих при помощи общественных средств производства», и наконец — в товарном хозяйстве.

«Таким образом закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни»¹². Это конституирование «вечного, годного для всех и всяческих условий общественного производства» закона было уже подвергнуто обстоятельной критике. Мы не будем останавливаться на этом далее.

Поставим интересующий нас вопрос, как т. Бухарин понимает закон стоимости? Что такое закон стоимости? Какой ответ на этот вопрос дает т. Бухарин на основании письма Маркса? Закон стоимости (ценности) есть по т. Бухарину «форма проявления «закона трудовых затрат» в товарном обществе». Это есть закон трудовых затрат, надевший на себя «фетишистский костюм». А что такое закон трудовых затрат? «Закон пропорциональных трудовых затрат,—говорит т. Бухарин,—или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия при

¹⁰ Ленин, Предисловие к «Письмам Маркса к Л. Кугельману», упомянутое изд. стр. IV.

¹¹ Н. И. Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода. Критические замечания на книгу Е. Преображенского «Новая экономика», изд. «Московский рабочий», Москва, 1928 г.

¹² Н. И. Бухарин, К вопросу..., стр. 37.

всех и всяческих общественно-исторических формациях»¹³. Если закон трудовых затрат предопределяет общественное равновесие всюду и если закон стоимости — «форма проявления» закона трудовых затрат в товарном обществе, то следовательно по своему содержанию закон стоимости есть закон общественного равновесия товарного общества. На это толкование закона стоимости мы и обращаем внимание. Закон стоимости есть исторически ограниченный в своем действии рамками товарно-капиталистического хозяйства закон, который находит исчерпывающее определение в осуществлении посредством отклонения цен от стоимости тенденции к общественному равновесию товарного общества. Это одностороннее, суженное, неверное понимание закона основано на превратном толковании письма Маркса к Кугельману. А это понимание, как это ни странно, очень распространено.

Возьмем автора работы «Советская экономика» т. Айхенвальда и покажем, сколь незадачливо он толкует письмо Маркса к Кугельману и какие выводы он делает на счет понимания закона стоимости. Всякое хозяйство¹⁴, говорит он, обязательно должно возобновлять процесс производства. Если это положение у кого может вызвать сомнение, то для этих т. Айхенвальд приводит цитату из письма Маркса к Кугельману, которая гласит, что «каждая нация погибла бы с голоду, если бы приостановила работу». Мы видели, что у Маркса эта мысль соподчинена вопросу о трудовом характере стоимости. Это говорит Маркс, всякий ребенок знает. Тов. Айхенвальд использует эту мысль для доказательства другого положения, которое уж безусловно «всякий ребенок знает». Для нормального хода производства и потребления,— продолжает т. Айхенвальд,— требуется установление известных пропорций между различными отраслями производства, таких пропорций, которые соответствовали бы потребностям общества. Тов. Айхенвальд усматривает, что это положение Маркс устанавливает в своем письме к Кугельману в следующих словах: «для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда». Тов. Айхенвальд конечно сознательно «по-своему» интерпретирует письмо Маркса к Кугельману. Ведь совершенно же ясно, что у Маркса эта мысль относится совсем не к тому, о чем говорит т. Айхенвальд, а к вопросу о количественном определении стоимости. Далее т. Айхенвальд утверждает, что необходимость пропорционального распределения труда явление обязательное. Это — закон природы! Кто будет спорить против этого «закона»? Вряд ли кто будет спорить, но, причем тут письмо Маркса к Кугельману? Разве в письме идет речь об обосновании необходимости пропорционального распределения труда? Разве не ясно, что замечания Маркса об этой необходимости имеют значение не сами по себе, а приведены в доказательство трудового происхождения стоимости, определения трудом величины стоимости? Повторяем, т. Айхенвальд сознательно толкует «по-своему» Маркса. Ему нужно было видеть в письме Маркса то, что он хочет. Он хочет видеть в письме обоснование понимания закона стоимости как закона пропорционального распределения труда и только. «Распределение общественного труда...— говорит т. Айхенвальд,— всегда каким-либо способом приводится в соответствие с требованием пропорциональности». Способ достижения пропорциональности в товарном хозяйстве есть закон стоимости. Этот способ — сложный. Он сводится к тому, что цены тяготеют к стоимости; отклоняясь на рынке вверх и вниз, но, тяготея к стоимости, они вместе с тем вы-

¹³ Н. И. Бухарин. К вопросу..., стр. 34.

¹⁴ А. Айхенвальд. Советская экономика. Экономика и экономическая политика. 1923, Гиз, стр. 277 и след.

зывают перераспределение труда между различными отраслями производства и отделяют в конце концов необходимую пропорциональность в размерах производственных отраслей. Что же такое следовательно закон стоимости? Это есть по т. Айхенвальду форма проявления закона пропорционального распределения труда между различными частями производства в товарном хозяйстве и только. Закон стоимости есть способ предустановления пропорциональности.

Верно ли, что весь смысл закона стоимости заключается в предопределении общественного равновесия в товарном хозяйстве? Верно ли, что содержание закона стоимости исчерпывается регулированием распределения труда между различными сферами производства? Верно ли это толкование закона стоимости?

Однако именно это толкование закону стоимости дается очень часто¹⁵. Возьмем для иллюстрации работу т. Леонтьева «Закон трудовых затрат», где кстати содержится и полное изложение содержания письма Маркса к Кугельману. Тов. Леонтьеву без особого труда удалось справиться с критикой закона трудовых затрат как общего закона, «годного для всех и всяческих формаций». Но эта сторона его работы нас пока совершенно не интересует. Нас интересует: какое толкование дает на основании письма Маркса к Кугельману закону стоимости сам т. Леонтьев и правильно ли он понимает это письмо? Тов. Леонтьев категорически заявляет, что в своем письме к Кугельману Маркс ведет речь о необходимости пропорционального распределения труда в обществе как о законе всякого общества, и объясняет читателю, что этот закон обозначает. Тов. Леонтьев справедливо заключает, что тут у Маркса не идет речь о конструировании какого-то универсального закона, с помощью которого будто бы можно понять каждую отдельную действительную историческую ступень общественного производства. Это совершенно справедливо, но т. Леонтьев утверждает все-таки, что закон стоимости есть всего лишь закон, предопределяющий необходимую пропорциональность в распределении труда. Эта необходимость во всяком обществе достигается различными способами, а в товарном хозяйстве достигается посредством закона стоимости.

Закон стоимости, делает заключение т. Леонтьев, есть регулятор, обеспечивающий данной хозяйственной системе некое равновесие, как одно из подчиненных элементов общего закона движения. «Под регулятором производства правильнее всего было бы понимать принцип, устанавливающий определенные пропорции в общественном производственном процессе. Само собою разумеется, что в регуляторе объединяются как форма (или специфический способ) установления или достижения этой пропорциональности, так и конкретное материальное содержание этой пропорциональности»¹⁶. Закон стоимости и есть вот этот самый регулятор¹⁷.

Верно ли, что закон стоимости и есть этот регулятор и только?

Будем даже полагать, что автор не исчерпывает равновесием состояние товарного хозяйства. Пусть он даже, будем полагать, не исходит из равно-

¹⁵ См. например книгу Д. Розенберг, Политическая экономия. Программа, задания, комментарии и библиография, изд. 1931 г., стр. 19—20.

¹⁶ Там же, стр. 58.

¹⁷ В последней главе статьи мы постараемся показать, откуда принесено к вам это суженное и неверное понимание закона стоимости, и покажем в частности, что такой «интерпретатор» Маркса, как Рубин развивал это представление о законе стоимости. В этой главе, которая посвящена вопросу о том, как некоторые авторы из нашей среды, из среды марксистов-экономистов, понимают закон стоимости, разумеется, нельзя говорить о Рубине.

веса. Автор ссылается на то место из XII главы I т. «Капитала», где Маркс в связи с суждениями о разделении труда в мастерской и разделении труда в обществе говорит, что колебание цен вокруг стоимости вызывает переливы труда из одних отраслей производства в другие и что осуществляемая «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия». Пусть даже автор обо всем этом упоминает. Не в этом дело. А дело в том, как понимает автор закон стоимости? Находит ли себе исчерпывающее определение закон стоимости в факте отклонения цен от стоимости и в переливах труда из одних отраслей производства в другие? Дает ли Маркс в своем письме к Кутельману основание столь суженно понимать закон стоимости? На этот вопрос мы сейчас ответим.

III. Что такое закон стоимости и что об этом говорит Маркс в письме к Кутельману

Сводить весь смысл закона стоимости к представлению о том, что он предопределяет тенденцию к пропорциональному распределению труда между различными отраслями производства, это значит выпячиванием лишь одной стороны смазывать закон стоимости в целом. Закон стоимости есть в полном смысле этого слова закон движения, или развития товарного (товарно-капиталистического) хозяйства, т. е. закон, предопределяющий процесс развития этого хозяйства, начиная с самого момента его возникновения; закон, раскрывающий перед нами картину перехода и усложнения его от одной стадии к другой, объясняющий внутреннюю механику товарного способа производства и наконец раскрывающий перед нами неизбежность гибели товарно-капиталистического хозяйства. Это есть действительно основной закон движения товаропроизводящего хозяйства. Стоимость есть основное отношение товарного хозяйства, и уже отсюда следует, что закон стоимости есть закон развития этих отношений, т. е. здесь речь идет о развитии товарного хозяйства («формы стоимости или меновой стоимости»), о превращении его в капиталистическое («превращение денег в капитал»), о развитии и гибели этого капиталистического способа производства (производство прибавочной стоимости, производство самого капитала — накопление капитала — всеобщий закон капиталистического накопления, и т. д.).

Маркс начинает исследование закономерностей капитализма с анализа элементарной (исходной) формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, — с товара. Маркс анализирует товар и находит, что он, с одной стороны, в своей натуральной форме есть предмет потребления или потребительная стоимость, а с другой стороны, носитель меновой стоимости. Эта последняя есть форма проявления стоимости. Маркс исследует содержание стоимости и находит, что «потребительная стоимость или благо имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществляется или абстрактно материализуется человеческий труд»¹⁸, а величина стоимости очевидно измеряется количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции»¹⁹.

В основе стоимости лежит труд. Маркс утверждает не только это. Он показывает, что в условиях товарного производства труд неизбежно должен принять форму стоимости. Второй параграф I главы «Капитала» («Двойной характер заключающегося в товаре труда») посвящен у Маркса не схоластическому мудрствованию об «абстрактном труде вообще», а доказательству того положения, которое ни разу даже не поставила для разре-

¹⁸ Маркс, Капитал, т. I, стр. 5, изд. 1924 г.

¹⁹ Там же.

шения вся предшествовавшая Марксу политическая экономия, что «при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, труд принимает форму стоимости, труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости продукта труда»²⁰. Маркс не только показывает и доказывает в «Капитале», что в основе стоимости лежит труд, а он убедительно разъясняет, что при том общественном устройстве производства, который составляет предмет его исследования, не может быть, чтобы труд не принимал форму стоимости. Это — непреложно, подобно закону природы. «Лишь для данной формы производства справедливо, что специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве, как человеческого труда вообще, и что он принимает форму стоимости продуктов труда» (Маркс).

Конец того отрывка из письма Маркса к Кутельману, который мы приводили, содержит блестящее указание на понимание самим Марксом стоимости. «Форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда — эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов». Стоимость является выражением того, что труд, затраченный в частной форме, должен получить свое общественное выражение. Стоимость — не индивидуальная трудовая затрата. Маркс не говорит ни о какой иной стоимости, кроме той, которая существует как выражение противоречия между частным и общественным трудом. Таковы общественные отношения товарного хозяйства, что совокупная рабочая сила общества состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая же из этих индивидуальных рабочих сил функционирует как общественная средняя рабочая сила, т. е. фактически представляет при производстве данного предмета труда лишь общественно-необходимое рабочее время. «Меновая стоимость товаров есть в действительности не что иное, как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, не что иное как вещное выражение специфической общественной формы труда»²¹.

Исследование двоякого характера труда, заключенного в товарах, объясняет нам отчетливо, почему труд принимает форму стоимости, как и почему продукт труда превращается в товар, как и почему продукт труда принимает товарную форму или форму стоимости. Законом, говорит Маркс в письме к Кутельману, является то, что в том обществе, где общественная связь существует в виде частного обмена, труд принимает форму стоимости.

В двойственности, в противоречивости товарной формы раскрывается перед нами существо закона стоимости как закона движения или развития товаропроизводящего общества. Ведь тот факт, что мы констатируем противоречивость буржуазной формы продукта труда — этой элементарной его формы, — это не схоластическое мудрствование, а вскрытие и познание противоречивой природы данного строя хозяйства. Вместе с тем мы получаем возможность познать развитие товарного производства на основе внутренне присущих ему противоречий. Противоречие товарной формы — не бесплодное противоречие. Именно оно объясняет нам развитие товарного хозяйства, переход его с первых ступеней к разви-

²⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 48.

²¹ Маркс, К критике..., стр. 69, изд. 1927 г.

тому товарно-денежному производству и обращению. «Эти противоречия,— говорит Энгельс,—... одновременно отражают и те трудности, которые возникают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности в которые неизбежно упирается эта примитивная форма обмена. Разрешение этих невозможностей находится в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальных товар — деньги»²². Следовательно противоречивость товарной формы и ее развитие дают нам возможность понять превращение товара в деньги и вместе с тем раскрывают перед нами картину развития товарного хозяйства, переход его на более высокую ступень своего развития, переход к развитому товарно-денежному хозяйству, дальнейшая ступень развития которого есть превращение в товарно-капиталистический способ производства (превращение денег в капитал). Как и куда идет развитие товарного производства,— вот что раскрывает перед нами закон стоимости и вот в чем находит себе исчерпывающее определение стоимость как закон движения товаропроизводящего общества. В чем, как не в этом превращении продукта труда в товар, превращении товара в деньги и далее в превращении денег в капитал, находит себе выражение действие закона стоимости как закона развития или движения товаров капиталистического хозяйства.

При решении вопроса, как и куда идет развитие товарного хозяйства, нам не приходится обращаться к действию посторонних факторов. Мы познаем движение этого анархического хозяйства на основе имманентно-присущих ему внутренних пружин. Основная задача наша сводится к тому, чтобы понять этот процесс стихийного развития. Закон стоимости раскрывает это перед нами. Закон стоимости есть закон стихийного развития товаропроизводящего общества, предопределяющий его развитие и действующий «на манер закона тяжести, когда над вашей головой рушится дом» (Маркс).

Мы устанавливаем, что с неизбежностью естественного процесса совершается развитие обмена, которое — раз возникнув — все более и более превращает производство в производство ради стоимости; развитие далее неизбежно ведет к превращению товара в деньги и следовательно к развитому товарному производству, которое в конечном счете неизбежно «превращается в капиталистическое производство». Это «превращение» знаменует собою качественный скачок в процессе развития общественно-исторической жизни. Вот этот процесс стихийного развития нам и требуется осмыслить. Закон стоимости раскрывает перед нами картину этого развития. В параграфе третьем первой главы первого тома «Капитала» («Форма стоимости или меновая стоимость») Маркс показывает, как в обществе, где продукт труда превращается в товар, неизбежно товар превращается в деньги. Этот параграф и глава вторая («Процесс обмена») материал для уяснения действия закона стоимости как закона стихийного развития товаропроизводящего общества.

А на что у нас почти всегда ориентируют читателя, когда хотят показать, что такое закон стоимости как закон движения товарного хозяйства? О чем обычно идет речь в параграфах, названных «Закон стоимости как закон движения»? О цене и о стоимости, об отклонениях цены от стоимости, о тяготении цен к стоимости,— и на этом иллюстрируется, как

²² Энгельс, см. «Энгельс о книге Маркса» в «К критике...», изд. 1929 г. стр. 11—12.

«стихийный закон стоимости распределяет производителей по отдельным отраслям производства». Но ведь именно это и есть превратное толкование закона стоимости только как закона, обеспечивающего пропорциональное распределение труда в товарном хозяйстве.

О том, что это последнее толкование закона стоимости целиком соответствует «теории равновесия», которая «не имеет конечно, ничего общего с марксизмом» (Ст а л и н) и абсолютно не соответствует Марксу, формально свидетельствует то обстоятельство, что Маркс изложил целиком всю теорию стоимости в I главе первого тома «Капитала», ни разу не упомянув о цене, отклонении цен от стоимости и о переливах труда из одних сфер в другие, т. е. не упомянув ни разу о том, что многие вкладывают в понимание закона стоимости и чем они исчерпывают его содержание. Передвижение труда из одних сфер производства в другие совершается не без участия стоимости. Но разрешать эту сложную проблему конечно невозможно без учета производительности труда, без учета движения органического состава капитала, нормы прибыли и без учета целого ряда других факторов, а с учетом только движения цен. Поэтому неудивительно то обстоятельство, что Маркс не ставит и не разрешает эту проблему в первых главах «Капитала». нас, поскольку мы говорим о предмете исследования «Капитала», этот вопрос может интересовать относительно капиталистического хозяйства, а не относительно простого товарного производства, которое в начале «Капитала» Маркс исследует как исторический и логический исходный момент капитализма. Как и почему осуществляется перелив труда и капиталов из одних отраслей производства в другие, — на этот вопрос теория Маркса полностью дает ответ, но только дает в своем месте — в III томе «Капитала» и, отвечая, устанавливает, что происходит это конечно не без участия стоимости и цен. Но нельзя эту проблему ставить и решать там, где мы только приступаем к познанию капитализма. Не делает этого Маркс.

Существует предвзвешенное предположение, что на первых порах при изучении теории капитализма (т. е. в первом же задании, при анализе товара) нельзя дать представление о стоимости как законе движения или развития товарно-капиталистического хозяйства. Этот предвзвешенный, внедренный в учебники по политэкономии Богдановым и др. есть отражение или результат того, что при изучении теории и закона стоимости в первом задании по теории капиталистического хозяйства обращается внимание на то, чего нет у Маркса в I гл. I т. «Капитала» (на цены, на их отклонение от стоимости, на перераспределение труда и т. п.), а не на то, что имеется здесь у Маркса. А ведь в первой же главе «Капитала» Маркс дает представление о законе стоимости именно как о законе развития товарного (товарно-капиталистического) хозяйства» (см. «Форма стоимости»).

Первые главы «Капитала» посвящены у него раскрытию происхождения и развития товарно-капиталистического хозяйства. Если капиталистический способ производства есть развитое товарное хозяйство, развитое в таких пределах, когда и сама рабочая сила является товаром, то очевидно товарные отношения есть действительный, а не надуманный исходный пункт исследования капиталистического способа производства. В политической экономии Маркса «идет речь не только о чистом логическом процессе, но и об историческом процессе и его идеологическом отражении» (Э н г е л ь с). о логическом или теоретическом исследовании внутренних закономерностей исторического процесса развития, в нашем случае — процесса развития капитализма. Раскрытие происхождения, развития и сущности его уводит нас в анализ товарных отношений и товара и здесь же мы раскрываем действие стоимости как закона стихийного развития товарно-капиталистического хозяйства, закона, объяс-

няющего нам, как и куда идет развитие общества, в котором продукт труда превращается в товар, т. е. товарного общества.

Не задаваясь целью критиковать извращенное понимание закона стоимости в враждебном марксизму лагере экономистов постараемся к заключению показать, откуда происходит одностороннее, суженное, неверное толкование закона стоимости.

IV. Заключение

Для буржуазной науки капитализм есть окончательный и нормальный хозяйственный строй. Понятно при этом, что целью исследования в буржуазной науке не может быть открытие законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства. Если исходить из представления о буржуазном способе производства как вечной и естественной форме производства, то само собою разумеется, что задача исследователя исчерпывается анализом условий покойного состояния капиталистического производства или производства вообще (последнее — вернее для буржуазной науки) «с целью,— добавим словами Маркса,— растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к обиходу буржуа».

Но не ясно ли например, что Богданов заимствует из буржуазной науки этот подход к исследованию капитализма? В чем видит он основную задачу исследования капитализма? Он сразу же заявляет, что весь его анализ капитализма «будет исходить из одной руководящей точки зрения, которую можно обозначить как принцип жизненного равновесия социального целого»²³. Настоящая социальная система всегда подразумевает по Богданову такую организацию затраты трудовой энергии общества (производство) и такое разделение продуктов труда, когда каждая часть общества выполняет определенную функцию и, получая за это определенную долю из общественного продукта, остается способной к дальнейшему выполнению своей функции. Все это применимо и к капитализму. «В действительности же, хотя из всех известных нам типов экономической организации капитализм является бесспорно наиболее неуравновешенным, тем не менее и в его пределах случаи жизненного равновесия и устойчивости далеко преобладает над противоположным» (Б о г д а н о в). Для исследования капитализм берется в этом состоянии покоя и задача Богдановым предопределяется в следующем виде: познать, как этот покой, или это равновесие достигаются? На этот вопрос и отвечают теория и закон стоимости. «Закон стоимости при капитализме есть закон,— говорит Богданов» которому распределение производственных элементов регулируется трудовыми затратами»²⁴

Из такой же по сути дела, как у Богданова, постановки вопроса о задачах исследования капитализма в пределах политической экономии исходят и Гильфердинг, и Конрад Шмидт, и Рубин. Достаточно здесь вспомнить суждения Гильфердинга о предмете политической экономии и истории хозяйства в его статье «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса»²⁵. Здесь он утверждает, что в пределах политической экономии не ставится вопрос о возникновении данного производственного отношения. Не в политической экономии решаются вопро-

²³ А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. 4, стр. 20.

²⁴ Из выступления А. Богданова в Комкадемии, см. «ВКА», кв. 15, 1928 г., стр. 214.

²⁵ Сборник «Основные проблемы политической экономии», стр. 67 и сл.

сы о том, «каким образом при определенном состоянии производительных сил возникают определенные производственные отношения, каким образом последние в свою очередь обратно воздействуют на производительные силы, развиваются дальше и изменяют свою форму»²⁶. По мнению Гильфердинга предметом и задачей политической экономии не является «исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке». Это, утверждает Гильфердинг,— задача истории.

Задача же политической экономии по Гильфердингу сводится к решению вопросов: что регулирует и устанавливает единство данной (товарно-капиталистической) системы, каков порядок труда независимых товаропроизводителей, что определяет распределение их продуктов и пр. и пр. Задачу и смысл закона стоимости Гильфердинг определяет так: «В меновом акте как основном явлении, в котором проявляется общественное отношение, необходимо открыть закон, который в нем осуществляется и должен осуществляться для того, чтобы сделать возможным на продолжительное время общественный процесс производства, т. е. удовлетворение общественной потребности общим трудом общества»²⁷. Закон стоимости есть закон обмена. Конрад Шмидт прямо заявляет, что задача теории стоимости сводится к объяснению «загадки цены». «Загадка цены заставляет современных экономистов искать скрытого объективного закона»²⁸. Этот закон цен и есть закон стоимости. Современные экономисты социал-демократы, вроде Альфреда Браунталя, вообще выкинули закон стоимости, заменив его учением о ценах²⁹.

Известно, что Рубин рассматривает закон стоимости не как закон развития товаропроизводящего общества, а как закон обмена и регулятора товарного хозяйства. Производительность труда — абстрактный труд — стоимость — распределение труда — такова схема товарного хозяйства, в котором стоимость играет роль регулятора, устанавливающего среди постоянных отклонений и нарушений равновесие в распределении общественного труда между различными отраслями народного хозяйства. Закон стоимости есть закон равновесия товарного общества»³⁰. Рассматривать закон стоимости как-нибудь иначе, например так, как его рассматривал Маркс, т. е. как закон, управляющий ходом отношений товарного хозяйства, как «закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, одного порядка взаимоотношений к другому»³¹, — рассматривать как закон стоимости защитник капитализма не может. Ведь, рассуждая так, можно прийти до вывода о неизбежности гибели капитализма.

Марксистская политическая экономия при исследовании капиталистического способа производства ставит задачей открыть экономический закон развития капиталистического общества. Закон стоимости есть основной специфический исторический закон движения этого общества.

Сводить же весь смысл закона стоимости к тому, что-де это есть закон, предопределяющий тенденцию к равновесию или пропорциональному рас-

²⁶ Сборник «Основные проблемы политической экономии», стр. 67—68.

²⁷ Там же, стр. 73.

²⁸ Там же, стр. 111.

²⁹ Д-р А. д. Браунталь, Социалистический учебник политической экономии гл. II «Учение о ценах».

³⁰ Рубин, Очерки, стр. 78, 3-е изд.

³¹ Предисловие Маркса к 2-му изд. I т. «Капитала».

пределению труда между различными отраслями производства, достигаемому через нарушение этого равновесия, это значит смазать смысл закона стоимости как закона развития или движения товаропроизводящего общества. Письмо Маркса к Кугельману меньше всего дает оснований упрощать смысл закона стоимости. Извращенное толкование этого письма надо решительно отразить. Мы имеем дело с письмом, которое, по словам Ленина, «представляет выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма... Остается пожелать,— замечает Ленин,— чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала»³²».

³² Из предисловия Н. Ленина к «Письмам Маркса к Кугельману», указанное изд., стр. IV.

УЧЕНИЕ ТОМАСА ГОДГСКИНА О КАПИТАЛЕ

(Продолжение)

На учение Годгскина об оборотном капитале большое влияние оказал Джемс Милль. Об этом говорит и сам Годгскин: «Определение оборотного капитала я беру у Дос. Милля»⁵¹. Далее Годгскин ссылается на следующее место из Джемса Милля, с которым он солидарен. Милль писал: «Имеется другая часть предметов, способствующих производству, которая уничтожается при употреблении... Отличительной чертой всей этой части капитала является то, что она неотложно потребляется в процессе производства, и она должна быть воспроизведена в целях предоставления возможности производителю продолжать свои операции. Имеется еще другая вещь, которая постоянно потребляется и постоянно должна воспроизводиться,— это средства существования, или потребление, или заработная плата рабочих, все равно снабжают ли рабочие себя сами, или они получают средства существования от капиталистов под видом заработной платы»⁵².

Таким образом Годгскин по вопросу об элементах, входящих в оборотный капитал, стоит на позициях современной ему буржуазной политической экономии, он вместе с Джемсом Миллем и Мак-Куллогом видит в оборотном капитале вещи, главным образом средства существования, он вместе с ними смещивает вещественное бытие капитала с его общественной формой. Однако подобно своему учению о капитале вообще, Годгскин в анализе оборотного капитала выдвигает новые моменты, которые являются шагом вперед по сравнению с постановкой этой категории у представителей классической школы и их эпигонов. Годгскин полемизирует с Мак-Куллогом, который считает, что без оборотного капитала, т. е. без пищи и одежды, рабочие никогда не могли бы начать работать ни в каком предприятии, которое не дает непосредственного дохода, который считал, что разделение труда есть результат предварительного накопления, что прежде чем может начаться разделение труда, должен быть накоплен запас товаров, достаточный для поддержания рабочих и для снабжения их орудиями. По Годгскину, оборотный капитал дает возможность рабочему существовать известное время обеспеченно, дает возможность наиболее выгодно приложить свои силы. По Годгскину, для того чтобы фабрикант или рабочий мог заняться в какой-нибудь отрасли производства, вовсе нет необходимости в обладании запасом товаров или оборотного капитала, а необходима лишь уверенность, что в то время, когда он занят своим специальным делом, вещи, которых он сам не производит, будут сделаны для него, и что он в состоянии будет приобрести их и заплатить за них продуктами своего труда.

«Все классы людей,— пишет Годгскин,— исполняют свой ежедневный труд в полной уверенности, что в то время, когда каждый из них занят своим специальным трудом, другие готовят то, что им необходимо для непосредственного и будущего потребления и пользования... Эта уве-

⁵¹ Thomas Hodgskin, Popular political economy, London 1827, p. 239.

⁵² James Mill, Elements of political economy, second edition, London 1824 p. 23—24.

ренность проистекает из того закона нашей природы, на основании которого мы с уверенностью ожидаем, что завтра взойдет солнце и что другие люди будут работать завтра и в течение следующего года точно так же, как они работали до сих пор. ...Не существует никакого накопления продуктов прежнего труда для пользования... действия, обыкновенно приписываемые запасу товаров, вызваны исполняемым в то же самое время трудом...»⁵³.

«...Успех и производительная сила каждого различного вида труда во всякое время больше зависят от сосуществования одновременно с ним производительного труда других людей, чем от всякого накопления оборотного капитала»⁵⁴. Рабочий, действительный производитель всякого товара, считает Годгскин, черпает эту уверенность из того, что он знает, что лицо, давшее ему работу, заплатит ему, и что на деньги он в состоянии будет купить то, что ему необходимо. Он не обладает никаким запасом товаров. Но таким запасом не обладает, по Годгскину, и человек, который дает ему работу и платит ему. Значительная часть ежедневно потребляемых рабочим продуктов, указывает Годгскин, отнюдь не является предварительно накопленным трудом, но представляет собой продукты, произведенные в тот же день или в ту же неделю, когда рабочий производит свой товар. Таковы например хлеб, мясо, пиво, молоко и т. п. Лишь незначительная часть товаров, входящих в непосредственное потребление, является продуктом больше чем одного года, и если они являются таковыми, как например скот, то им требуется ежегодно новый труд. Все операции, которые требуют больше года, покоятся на постоянном годичном производстве. Вся эта аргументация нужна Годгскину для доказательства зависимости рабочего от сосуществующего труда других рабочих, а не от прежнего труда. Таким образом, по Годгскину, труд всего года должен был представляться как одновременный труд. Об этом Годгскин прямо и заявляет: «Милль,— пишет он,— правильно говорит, что «то, что ежегодно производится, также и потребляется ежегодно», так что на самом деле не может быть накоплено никакого запаса товаров, который давал бы людям возможность продолжать те операции, которые продолжаются больше года...»⁵⁵.

По Годгскину, происходит накопление не прежнего мертвого труда, а накапливается искусство рабочего... «...Все действия, обыкновенно приписываемые накоплению оборотного капитала,— пишет Годгскин,— происходит от накопления и сохранения квалифицированного труда и потому, что эта наиболее важная операция совершается, поскольку речь идет об огромной массе рабочих, без всякого оборотного капитала»⁵⁶.

Таким образом, по Годгскину, учение современной ему вульгарной политической экономии об оборотном капитале является по существу сознательным орудием господствующих классов в целях обоснования эксплуатации трудящихся масс. «...Действия, приписываемые оборотному капиталу, составляют результат существования в то же самое время труда и присущей каждому рабочему уверенности, что он будет иметь возможность получать то, что ему нужно, или что другие люди также работают тогда, когда он работает».

Таковы в основном высказывания Годгскина об оборотном капитале. Учение Томаса Годгскина об оборотном капитале страдает теми же погрешностями, какие мы отмечали в его учении о капитале вообще. Годгскин

⁵³ Thomas Hodgskin, Labour defended . . . , p. 51—52.

⁵⁴ Ibid. , p. 51.

⁵⁵ Ibid. , p. 47.

⁵⁶ Ibid. , p. 49—50.

дает натуралистическое определение оборотного капитала, оборотным капиталом он считает главным образом ту часть, которая состоит из средств существования рабочих и как таковая потребляется. Однако капиталист покупает не средства существования рабочего, а самую рабочую силу. Деньги, которые уплачивает капиталист рабочему, представляют собой эквивалентную форму необходимых средств существования, следовательно переменный капитал вещественно заключается в средствах существования. Но при рассмотрении оборота, говорит Маркс, речь идет о форме. «Не средства существования рабочего и не его рабочая сила,— говорит К. Маркс,— определяются как оборотный капитал, а часть стоимости производительного капитала, затраченная на рабочую силу, благодаря форме своего оборота приобретает характер оборотного капитала, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала»⁵⁷.

Таким образом в своем определении оборотного капитала как средств существования Годгскин экономическую определенность формы оборотного капитала, обусловливаемую обращением стоимости, смешивает с вещественным свойством. Более того, благодаря включению в понятие оборотного капитала не той стоимости, которая затрачена непосредственно на рабочую силу, а стоимости, затраченной на средства существования рабочего, или, вернее, самых этих средств существования, становится невозможным понимание различия между переменным и постоянным капиталом. И действительно, напрасно мы стали бы искать у Годгскина деления капитала на постоянный и переменный, этого разграничения мы у него не находим, тем самым ему естественно не удалось вскрыть имманентные закономерности капиталистического способа производства.

Далее, Годгскин, как мы видели, определяет оборотный капитал как труд, как сосуществование различных видов общественного труда, под накоплением же он понимает не что иное, как собирание производительных сил общественного труда, как накопление искусства и знаний самих рабочих. Учение Годгскина об оборотном капитале как о сосуществующем труде было направлено против Мак-Куллога и Джемса Милля, которые полагали, что благодаря оборотному капиталу, под которым они понимали запас товаров, находящихся в руках капиталистов, осуществляется возможность содержать рабочих. Годгскин выдвинул противоположный тезис— нет накопления вещей, мертвого труда, есть лишь накопление живого труда, производительных способностей рабочих. Годгскин конечно был прав, отрицая факт накопления капиталистами жизненных средств для рабочих. Рабочий, владелец товара рабочей силы, для того чтобы приобрести средства существования, подобно любому товаровладельцу, должен совершить метаморфоз $T—D—T$, должен сначала превратить свой товар в деньги, чтобы вслед за этим превратить деньги в товары для потребления. Таким образом капиталист отнюдь не накопляет средства существования для рабочих. Накопление жизненных средств со стороны капиталиста для рабочих, по Марксу, означает только, что он должен обладать достаточным количеством денег для заработной платы рабочего. На эти деньги рабочий привлекает из сферы обращения средства потребления, противостоящие рабочему в виде переменного капитала и являющиеся собственностью капиталистов. Как говорит Маркс, «эти средства существования, которые рабочий всегда должен потребить до того, как готов его продукт, становятся «оборотным капиталом», потому что, вместо того чтобы самому их непосредственно купить или заплатить за них ценность своего прошедшего труда или свой будущий продукт, он должен сначала получить

⁵⁷ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 107, Гиз., 1929.

от капиталиста ассигновку на это — деньги; ассигновку, на которую капиталист получает право только благодаря его прошедшему, настоящему или будущему продукту»⁵⁸.

Но Годгскин не идет по этому пути. Он отрицает накопление вещественных элементов производства вообще, наличие прошлого, накопленного труда, Годгскин признает лишь наличие сосуществующего, одновременного труда, по Годгскину, существует лишь единственный вид накопления — накопление производительных способностей всех членов общества.

Рассуждения Годгскина о сосуществующем труде были бы правильны, если бы они ограничивались констатированием того обстоятельства, что общественное производство представляет собой сложную цепь различных видов труда, находящихся друг с другом в хитросплетенной связи и что в процессе воспроизводства и обращения общественного продукта все виды посредствующего труда, все средства производства, без которых живой труд не может реализоваться, фигурируют как сосуществующий, одновременный труд в настоящем. Но процесс производства отдельного товара претерпевает различные фазы, в каждой же фазе живой труд вступает в контакт с прошлым трудом как заранее данным результатом предшествовавшего труда, с трудом, накопленным в предшествовавшей фазе. Производство товара является не только движением через последовательные фазы, но процессом его параллельного производства во всех его фазах, принадлежащих особым сферам производства, как говорит Маркс, «...товар является лишь продуктом предыдущего труда, поскольку он является также продуктом одновременного живого труда»⁵⁹. Следует различать процесс производства отдельного товара от процесса его воспроизводства как одного из звеньев воспроизводства всего общественного продукта. «То, что является,— пишет К. Маркс,— действием предыдущего труда, когда я рассматриваю процесс производства отдельного товара, является одновременно действием сосуществующего труда, когда я рассматриваю процесс его воспроизводства. следовательно его процесс воспроизводства в его течении и в совокупности его условий не в изолированном только акте или в ограниченном пространстве»⁶⁰.

Но Годгскин не ведет свой анализ по этому пути, он отрицает, как мы видели, вообще наличие вещественного накопления, он признает лишь накопление производительных сил рабочего. Здесь мы имеем констатированное нами выше отрицание Годгскиным значения прошлого труда. «Годгскину,— пишет Маркс,— важно было в противоположность трубочному представлению экономистов сделать ударение на субъекте, так сказать, на субъективном в субъекте, в противоположность вещи; поэтому он не отмечает того несомненного факта, что данная ступень развития производительности труда есть то, из чего мы исходим, что имеется не только как дарование, способность рабочего, но также в вещественных орудиях, которые этот труд создал себе и которые он ежедневно воспроизводит. Это настоящий Plus, составляющий исходный пункт, и этот Plus есть результат процесса развития, накопление здесь представляет ассимиляцию, постоянное сохранение и в то же время преобразование уже созданного, реализованного... Но это не единственный Plus для производства. Человек, который занимается общественным производством, также находит уже измененную природу... и определенные взаимоотношения производителей. Это

⁵⁸ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 244.

⁵⁹ Ibid, стр. 233.

⁶⁰ Ibid, стр. 232.

накопление представляет отчасти результат исторического процесса, отчасти для отдельного рабочего, передачу искусства»⁶¹.

Приведенная цитата из «Теории прибавочной стоимости» очень интересна. В противоположность Годгскину, который историческую ступень в развитии производительности труда сводит к производительным способностям, к искусству рабочего, не замечая вещественных факторов этой производительной способности, Маркс наряду с тем, что отмечает рациональное зерно в построениях Годгскина — подчеркивание роли и значения общественного труда, указывает также и на недостатки его учения — на игнорирование вещественных моментов живого труда и на непонимание активной роли производственных отношений. Производственные отношения активны, они отнюдь не являются пассивным рефлексом развития производительных сил, производственные отношения как *Prisus* производства, как *Prisus* данной ступени развития производительности труда, — вот мысль, проводимая Марксом в приведенной цитате⁶².

В учении Годгскина об оборотном капитале мы имеем также кроме указанных определений (оборотный капитал — средства существования, оборотный капитал — сосуществующий труд) определения оборотного капитала как производственного отношения⁶³ и как лженаучного названия специально созданного духовными слугами капитала для затемнения сознания народных масс. В определении капитала как производственного отношения Годгскиным правильно понята природа этой категории как категория социально-классовой, в определении же капитала как мистифицированной формы мышления он, как мы уже отмечали, дает рационалистическое объяснение фетишизма капитала. В обоих этих определениях Годгскин делает шаг вперед по сравнению с классической школой.

По вопросу об основном капитале Годгскин целиком примыкает к учению Адама Смита. По Смиту, основной капитал характеризуется тем, что он приносит доход или прибыль, не поступая в обращение или не меняя владельца.

«Он (основной капитал. — А. Р.) составляется, — пишет Адам Смит, — главным образом из четырех элементов. Во-первых, из всякого рода полезных машин и орудий труда, облегчающих и сокращающих труд. Во-вторых, из всех тех доходных построек, которые служат средством получения дохода не только для владельца, отдающего их в аренду, но и для лиц, занимающих их и уплачивающих за них арендную плату... В-третьих, из улучшений земли, всего того, что с выгодой затрачено на расчистку, осушение, огораживание, удобрение и приведение ее в состояние, наиболее пригодное для обработки и культуры... В-четвертых, из приобретенных

⁶¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 245. Разрядка моя. — А. Р.

⁶² Не в бровь, а в глаз современным социал-фашистским теоретикам, натурализирующим производительные силы, не понимающим ведущей роли своего революционного класса, создающего новые производственные отношения по своему образу и подобию. Интересно отметить, что в своей работе «Die Materialistische Geschichtsauffassung» — этой энциклопедии социал-фашизма — К. Каутский для обоснования своей идеалистической точки зрения, что развитие производительных сил, которые он сводит к технике, которые, по его мнению, «вытекают из богатства природы, вещей и сил природы, находящихся для нашего использования в окружающем мире» (Bd. I, S. 810), для обоснования тезиса, что развитие производительных сил определяется движением познания природы, ссылается на цитированные нами места из «Labour defended» Годгскина о роли живого труда.

⁶³ «Не существует никакого накопления продуктов прежнего труда для пользования... капитал приобретает возможность содержать рабочих, а следовательно и нанимать других рабочих не потому, что он обладает запасом товаров, а потому, что он командует над трудом некоторых людей. (Fh. Hadgskin Labour defended... 52)

и полезных способностей всех членов общества»⁶⁴. Способности отдельных индивидуумов, отмечает Адам Смит, являясь частью состояния отдельного лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества. Ловкость и умение рабочего, по Смицу, можно рассматривать с той же точки зрения, как машины и орудия производства, которые сокращают или облегчают труд и которые возмещают расходы вместе с прибылью. Приобретение же таких способностей требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, реализующийся как бы в отдельных личностях.

Годгскин указывает, что существенным достоинством определения основного капитала у Адама Смита является то обстоятельство, что оно «не просмотрело наиболее важной части основного капитала, т. е. приобретенные и полезные способности всех членов общества»⁶⁵.

Благодаря использованию основного капитала, утверждает Томас Годгскин, человек значительнейшим образом увеличивает свою производительную силу труда. Но вопрос, по Годгскину, заключается в том, кто является действительным производителем инструментов и машин, в какой степени они способствуют производству независимо от рабочих и является ли собственность на машины достаточным основанием для привлечения наибольшей части продукта страны. Все орудия и машины, отвечает Годгскин, являются продуктом труда. «Пока они (машины и орудия.— А. Р.) ничего не представляют,— пишет Годгскин,— кроме результата прежнего труда и не применяются целесообразно рабочими, они не покрывают расходов, которые потребовались для создания их. Лишь когда они применяются таким образом, они приносят прибыль. Они сделаны исключительно для использования рабочими, и когда машины попадают в руки рабочих, они возвращают или выплачивают капиталисту сумму, которую машина им стоила, но свыше этой суммы рабочие должны дать им добавочную сумму, соответствующую норме прибыли в стране. Очевидно, что не прежнее производство этих вещей является основанием для прибыли, так как большинство из них теряет в стоимости вследствие продолжительного лежания... Основным капитал является полезным не благодаря прежнему, а благодаря настоящему труду, и он доставляет своему владельцу прибыль не потому, что он сохранен, а потому, что он является средством получить власть над трудом...»⁶⁶. Громадная польза машин, утверждает Годгскин, зависит не от накопления железа и дерева, а от практического и живого знания сил природы, которое одним людям дает возможность строить машины, а другим управлять ими. Единственными факторами, на основании которых капиталисты могли бы предъявить притязание на участие в продукте, являются знание, искусство и труд, ибо без этих факторов не могли бы быть созданы и не могли бы применяться производительно. «Не количество, а качество основного капитала,— резюмирует Томас Годгскин,— есть то, от чего зависит производительность промышленного усердия страны... Действие основного капитала как средства питания и содержания людей зависит всецело от искусства рабочих. Поэтому производительность промышленного усердия страны, поскольку имеется в виду основной капитал, соответствует знаниям и искусству населения»⁶⁷. В своем учении об основном капитале Годгскин совершает ту же основную ошибку, что и Адам Смит. Основной порок его концепции — смешение вещественного содержания ка-

⁶⁴ Адам Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, стр. 281. Гиз, 1931.

⁶⁵ Thomas Hodgskin, Popular political economy, London 1827. p. 239.

⁶⁶ Thomas Hodgskin, Labour defended, p. 54—55. Разрядка моя.—А. Р.

⁶⁷ Там же, стр. 68—69.

питала с его общественной формой. Годгскин перечисляет те вещественные элементы, из которых складается основной капитал, как будто бы выступать в роли основного капитала является вещественным свойством и отнюдь не вытекает из определенных функций этих вещей в капиталистическом способе производства. Годгскин неправильно включает в рубрику основного капитала «приобретенные и полезные способности» рабочего, которые на самом деле являются составной частью оборотного капитала, поскольку наемный рабочий продает свои способности одновременно с продажей рабочей силы. У Годгскина различие между основным и оборотным капиталом — это различие вещественных форм. У Маркса же различие функциональных форм основного и оборотного капитала — это различие оборота составных частей производительного капитала, вытекающее из различия натуральных форм производительного капитала, из которых одна часть при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же часть постепенно. Как говорит К. Маркс, «различное отношение элементов производительного капитала к процессу труда образует исходный пункт различия между основным и оборотным капиталом, а не само это различие. Как ясно уже из того, что оно в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и некапиталистических. Но этому различному вещественному отношению соответствуют определенные способы перехода стоимости на продукт, а последним соответствуют опять-таки различные способы возмещения стоимости посредством продукта; и только эти последние составляют искомое нами различие»⁶⁸. В своих же определениях основного капитала как сосуществующего труда, как средства командования над трудом рабочих и как мистифицированной иллюзии рабочего класса, ослепленного лженаучными теориями сикофантов господствующих классов капиталистического способа производства, — Годгскин, как мы отмечали уже при анализе как его общего учения о капитале, так и его теории оборотного капитала, совершает, с одной стороны, ту крупную ошибку, что он в своей теории сосуществующего труда отрицает значение прошлого труда, с другой стороны, определяя основной капитал как производственное отношение и как своеобразную фетишистскую категорию, он становится на новые методологические рельсы, в основном чуждые классической политической экономии, выдвигая новые точки зрения на категорию капитала, отражавшие и вытекавшие из оппозиционного, из критического его отношения к капитализму.

Подведем итоги. Годгскин с большим искусством вскрывает апологетический характер взглядов вульгарных экономистов на капитал, снабжавших теоретическим оружием парламентских дельцов буржуазии. Годгскин стирает с их учения румяна мнимой научности, обнажая его истинное значение — оправдать прибыль, обосновать прибыль как своеобразную заработную плату. Но Годгскин в своей критике теорий производительности совершает грубую ошибку — смешения потребительной стоимости и стоимости.

Как общее учение Томаса Годгскина о капитале, так и его трактовка категорий основного и оборотного капитала характеризуется причудливым переплетом построений классической политической экономии с новыми оригинальными точками зрения на эту категорию. Наряду с натуралистической трактовкой капитала Годгскин рассматривает капитал как производственное отношение, как иллюзорную форму мышления. В его центральном определении капитала как сосуществующего труда наряду с недооценкой значения прошлого труда, наряду с непониманием роли и значения вещественных моментов производительной деятельности, мы встре-

⁶⁸ Маркс, Капитал, т. II, стр. 131. Гиз, 1929.

чаем рациональное зерно — указание на ведущую роль общественного труда, подчеркивание активной роли самой рабочей силы. Таким образом, несмотря на погрешности своего учения о капитале Годгскин выдвинул новые плодотворные точки зрения, которые ставят его теорию капитала не только выше современных ему представителей вульгарной политической экономии, но и таких корифеев классической школы, как Смит и Рикардо⁶⁹. Только Марксу удалось дать действительно научный анализ категории капитала, про которую он писал, что «капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества»⁷⁰.

«Критики» Маркса неоднократно обвиняли его в плагиате, так например одни утверждали, что он свое учение о прибавочной стоимости заимствовал у Родбертуса, другие — что он это учение заимствовал у Томпсона и у других английских социалистов. Не избегал этой «честь» Маркс и по отношению к Годгскину. Еще в 1894 г. Б. и С. Уэббы в своей «The history of trade unionism» называли Маркса «знаменитым учеником Годгскина». Брентано в своей «Entwicklung der Wertlehre» (1907) утверждал, что в качестве исходного пункта своего учения о капитале Маркс использовал учение Годгскина о прибавочной стоимости⁷¹. Изложенное нами учение Годгскина о капитале со всей очевидностью свидетельствует, насколько правы «критики» Маркса. Годгскин — идеалист-метафизик, Маркс — материалист-диалектик — вот истинный водораздел между ними, который неизбежно должен был отразиться и на трактовке отдельных экономических категорий, в частности категории капитала. Будучи творцом метода материалистической диалектики, которым он изучал капитализм в его возникновении, росте и гибели, Маркс развил те рациональные элементы, которые имелись в трактовке капитала у классиков и у социалистов-утопистов, и дал обоснование капитала как категории диалектической, как категории социально-классовой. Как писал Энгельс, «Маркс первый проанализировал до конца свойственный современному капиталу способ присвоения... он приzel понятие капитала в согласии с историческими фактами, из которых оно было в конечном счете, выведено и которым оно обязано своим существованием; ... Маркс освободил это экономическое понятие от неясных и шатких представлений, которые наслоились на нем и в классической буржуазной политической экономии и у прежних социалистов»⁷².

⁶⁹ Интересно было бы проследить, насколько Годгскин был самостоятелен в своем учении о капитале. На черты сходства взглядов Годгскина и Равенстона, который в 1821 г. опубликовал работу «A few doubts as to the correctness of some opinions generally entertained on the subjects of population and political economy» указывает биограф. Годгскина Halevy (Elie Halevy, Thomas Hodgskin, Paris 1903, p. 86—88). Влияние Равенстона на Годгскина отмечает также М. Бер («История социализма в Англии», т. I, стр. 284—287) Гиз, 1921. По Беру главное влияние Равенстона сказалось на историко-философской концепции Годгскина, его же влиянию он приписывает резкую формулировку тезиса о нереальности капитала. Одяко Бер полагает, что если влияние Равенстона и несомненно, то было бы несправедливо обвинять Годгскина в плагиате «аналогичные воззрения наверно зарождались в уме Годгскина независимо от Равенстона.» (стр. 287). На влияние Равенстона на Годгскина указывает также автор недавно (1930) вышедшей диссертации (Georg Hans Schütze, Die Lehre von der Verteilung in der Volkswirtschaft bei Thomas Hodgskin). Ввиду отсутствия в институте Маркса — Энгельса — Ленина работ Равенстона мы вынуждены были пока отказаться от рассмотрения этого вопроса.

⁷⁰ К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1931, стр. 77.

⁷¹ О влиянии Годгскина на Маркса писали так же Graham Wallas, U. S. Toxwell, Elie Halevy и др. (ср. Carl Koepf, Das Verhältnis, der Mehrwerttheorien. . . Wien 1911, S. 1—5).

⁷² Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 195, Гиз, 1928. Разрядка моя.— А. Р.

Заслуга же Годгскина, как мы уже отмечали, заключается в том, что он по сравнению с классиками поставил новые вехи в анализе категории капитала, которые получили свое величественное завершение в учении Маркса.

Годгскин представляет собой наиболее яркую фигуру индивидуалистической ветви английского утопического социализма. Годгскин — утопист, ибо он выдвигает схему гармоничного общественного строя, исходя из абстрактного принципа — своеобразно понимаемого естественного права, соответствующего природе человека. Годгскин блестяще вскрывает классовый характер законодательства, он с большой силой обнажает апологетический характер официальной науки, но в то же время он убеждает богатых в безнравственности эксплуатации и, выдвигая в качестве своего социального идеала мелкобуржуазную утопию свободных промышленных и сельскохозяйственных рабочих, мечтает повернуть назад «колесо истории», приостановить развитие капитализма. Годгскин противопоставляет капитализму общественный строй, где не будет капиталистов, но где останется капитал. «Нам нужен капитал — не капиталисты» — вот девиз Годгскина. Годгскин не понимает, что там, где нет капиталистов, персонифицированных носителей капитала, там не может быть и капитала, который является общественным свойством вещей⁷³.

«Утопический социализм — писал Ленин — критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации. Но утопистический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни раз'яснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть закона его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества».

Ложное в формально-экономическом смысле, писал Энгельс, может быть истиной во всемирно-историческом смысле. Если целый ряд построенный утопистов был ошибочен, то во всемирно-историческом смысле они были правы, ибо они представляли пролетариат, не ставший еще «классом для себя», ибо они отражали тот уровень развития производительных сил в недрах буржуазного строя, который был недостаточен для формирования научного коммунизма, для создания революционной науки. Только учение Маркса и Энгельса является правильным и в «формально-экономическом смысле», ибо, как писал Ленин, «они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку»⁷⁴.

Учение Маркса и Энгельса, в нашу эпоху поднятое Лениным на высшую ступень⁷⁵ (марксизм-ленинизм); является могучим орудием классовой борьбы.

⁷³ Ленин, Три источника, три составных части марксизма.

⁷⁴ Ленин, Фридрих Энгельс, т. I, изд. 2-е, ГИЗ, 1926, стр. 410; «коммунизм для нас не состояние» писал Маркс, — которое должно быть установлено, не идеал, с которым должны образоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок».

(Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 3'3, изд. 3-е, 1930).

⁷⁵ «Метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией с дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» (И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 24 ГИЗ, 1931), борьбы и научного познания.

БИБЛИОГРАФИЯ

БРИГАДА ЭИКП: КАЗАНСКИЙ А. М., МАЦАКОВ И. Е.,
РАДЧЕНКО К. К., СИДОРОВ А. П., ЧУДНОВСКИЙ М. И.

ЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИЙ УЧЕБНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(Учебник политической экономии составлен бригадой аспирантов и научных сотрудников Ленинградского отделения Коммунистической академии под ред. т. Кофмана, изд. 1931 г.)

Лягвидация отставания теоретического фронта от революционной практики, решительный поворот теории к актуальным проблемам социалистического строительства — таковы задачи, которые поставил т. Сталин в своей имеющей всемирно-историческое значение речи на конференции аграрников-марксистов. Выполнение этих задач требовало коренной перестройки преподавания политэкономии. Эта перестройка тормозилась однако отсутствием подлинно большевистского учебника. Большой заслугой поэтому является попытка ленинградских товарищей заполнить этот пробел выпуском своей коллективной работы — учебника по политэкономии под редакцией т. Кофмана.

В настоящей статье мы попытаемся дать детальный разбор этого учебника под углом зрения того, насколько он действительно отвечает задачам, поставленным т. Сталиным, насколько он действительно является подлинным большевистским учебником. Оговоримся однако, что мы отнюдь не думаем исчерпать всех ошибочных и нечетких положений, которые имеются в учебнике.

Каков же должен быть учебник по политической экономии, для того чтобы мы имели полное право назвать его большевистским? Мерилом подлинного большевистского учебника по политической экономии является осуществление следующих условий:

Учебник должен абсолютно точно отражать политическую экономию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (ленинский этап в политической экономии) и революционно-критический, полемический характер ее, что обязывает к наиболее глубокой критике капиталистического способа производства, к тому, чтобы показать, как Маркс, Ленин в каждой экономической категории осуществляли эту глубокую критику капиталистического способа производства, вскрывая при этом все формы антагонизма и эксплуатации. Большевистский, партийный характер марксо-ленинской политической экономии обязывает раз навсегда покончить с буржуазным «объективизмом», со всеми остатками пустой, бессодержательной абстракции, талмудистики, схоластики и игры в дефиниция, требует умения «в каждом теоретическом тезисе найти применение его к острым, ясным вопросам сегодняшнего дня» (К а г а н о в и ч), подвергнуть жесточайшей критике современную буржуазную политическую экономию, социал-фашистскую политическую экономию, беспощадно разоблачать контрреволюционную сущность экономической теории троцкизма, вскрыть сущность и характер полуменьшевизма, люксембургизма в политической экономии, вести последовательную и систематическую борьбу с механицизмом и идеализмом в политической экономии и вырастающими на их основе право-п «лево»-оппортунистическими извращениями марксизма-ленинизма, раскрывая внутреннюю связь с контрреволюционной практикой вредителей, а также осуществлять постоянную связь с конкретной действительностью сегодняшнего дня (современный капитализм эпохи всеобщего кризиса и советская экономика). Итак, только такой учебник, который самым точным образом передает в доступной форме сущность марксо-ленинской политической экономии, ленинского этапа в политической экономии и его конкретизации в работах т. Сталина и ЦК нашей партии, неустанно, из главы в главу разоблачает современную буржуазную политическую экономию, социал-фашизм, осуществляет подлинную борьбу на два фронта с оппортунизмом и увязан с современными капитализмом и советской экономикой, — только такой учебник может отвечать задачам марксистско-ленинского воспитания новых кадров обучающихся в нашей школе. Только такой учебник может быть назван большевистским.

Учебник по политической экономии, составленный бригадой аспирантов и научных сотрудников ЛОКА под редакцией Б. Кофмана, представляет собой шаг вперед на

пути создания марксистско-ленинского учебника. Однако он еще далеко не удовлетворяет тем требованиям, которые мы предъявляем к учебнику. Авторы правильно в основном в соответствии с шостроением «Капитала» расположили материал в учебнике, сделали попытку всемерно актуализировать проблемы политической экономии (материал из современной капиталистической действительности, противопоставление двух систем, специальное рассмотрение некоторых вопросов советской экономики). Это положительная черта учебника.

Однако этот вывод обязывает нас с наибольшей силой подчеркнуть необходимость основательной переработки учебника с целью выправления весьма серьезных и принципиальных недостатков и ошибок, а порой и глубоких провалов, имеющих в учебнике.

Вопросы методологии политической экономии в учебнике

Прежде всего следует отметить, что главы (1-я и 38-я), специально посвященные изложению предмета и метода политической экономии, являются явно неудовлетворительными. Главы пронизаны духом академизма и схоластики. Нет боевой партийно-политической заостренности. Особенно это относится к главе о методе политической экономии. В этой главе бросается в глаза исключительно академический, позитивный характер изложения методологии политической экономии; не показано, каким оружием ведет борьбу против нас наш классовый враг на фронте экономической теории. За исключением ряда отдельных строчек и последних двух параграфов, кстати весьма куцых по объему и содержанию, нет критики методологии современной буржуазной и социал-фашистской политической экономии. Что же касается специально критики рубяцины и механицизма, то таковая загнана в «примечания» (иначе нельзя и назвать два параграфа, посвященные этому вопросу) и совершенно не связана с материалом и ходом всей главы. Между тем критика классового врага в экономической теории должна проходить через весь учебник в целом, через каждую главу и каждый параграф в отдельности, притом в самой непосредственной связи с положительным изложением Маркса, Ленина и Сталина. Ни в 1-й, ни в 38-й главах авторам не удалось показать партийный, революционный критический характер предмета и задач марксо-ленинской политической экономии. Не показано, что марксо-ленинская политическая экономия «прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией» (Ленин, Что такое друзья народа). В главе не нашлось даже места для этой замечательной характеристики марксовой политической экономии. Зато мы можем найти относительно большое количество бесплодных и по существу ошибочных рассуждений по вопросу о предмете политической экономии у классиков (см. стр. 410—411). Классическая политическая экономия в лице Смита и Рикардо изучала капиталистическое производство, которое для них являлось вечным, естественным — отсюда и двойственность и противоречивость классиков, отсюда переплетение у них научного с вульгарным, отсюда и сползание в сторону фетишизма. Полагая отличие Маркса от Рикардо в том, что один изучал отношения людей, а другой отношения вещей, авторы повторяют Рубина.

Полная оторванность глав о предмете и методе политической экономии от актуальных проблем современности характеризуется еще тем, что авторы совершенно обошли вопросы современной буржуазной и социал-фашистской политической экономии, буквально ни одной строчки не посвятили этим вопросам. Более того. В первой главе — ни слова о ленинском этапе в политической экономии и его продолжения в работах т. Сталина. Перейдем к более детальной и подробной характеристике методологических глав.

Авторы умудрились обойти вопрос о партийности политической экономии. При определении предмета политической экономии авторы не показывают того нового, что в нее внес Ленин. Ленин конкретизировал и развил положения Маркса о классовом характере политической экономии пролетариата. В следующем положении Ленин осуществляет эту конкретизацию: «Полемический характер носит система Маркса не потому, что она тенденциозна, а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить систему Маркса, не усваивая ее полемического характера: полемический характер системы есть лишь точное отражение полемического характера самого капитализма» (Ленин).

Вместо этого авторы занимаются весьма поверхностными, притом ошибочными рассуждениями на тему о том, что различные теории выражают различные классовые интересы. Так например (на 9-й стр. I вып.) авторы выдвигают следующее положение: «река действительности с точки зрения определенных классовых интересов¹⁾. Совершенно верно, что в классовом обществе существуют различные теории, но в корне неверно будет ограничиваться только этим положением. Неизвестно ли авторам учеб-

ника следующее положение Ленина: «...ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя вернуть ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии, ибо это последняя такая же партийная наука в современном обществе, как и генеалогия. В общем и целом профессора-экономисты ни что иное, как ученые приказчики класса капиталистов...» (Ленин).

Авторы учебника почему-то игнорируют то положение, что в ходе человеческой истории, когда существует классовое общество в каждой данной общественно-экономической формации, лишь один класс, наиболее революционный класс, смотрящий в будущее, отражает и правильно выражает в своей теории объективно существующую действительность. Мы уже не говорим о том, что здесь следовало бы разбирать вопрос о партийности политической экономии и развитии положения о том, что только активное, непосредственное участие в классовой борьбе пролетариата дает возможность понять сущность капитализма, направление его развития и неизбежность его гибели.

Необоснованно также обстоит дело с изложением вопроса о производительных силах и производственных отношениях. На стр. 11 мы находим такое положение: «Процесс труда как процесс воздействия общественного человека на природу, как обмен веществ между природой и общественным человеком, составляет необходимый момент существования и развития всякого общества на всех ступенях его движения, независимо от особенностей общественных отношений». Последнее же изменяет его общего характера, хотя ни один процесс труда не может протекать вне определенных общественных отношений» (разрядка наша. — Бригада).

Следовательно по существу у них система производственных отношений является совершенно пассивным началом, ибо не изменяет общего характера процесса труда. В этом положении проглядывает не что иное, как отрицание того, что производственные отношения являются активной формой развития производительных сил. Более того, находясь на позициях независимости общего характера процесса труда от производственных отношений, мы не в состоянии объяснить диалектики производительных сил и производственных отношений. Не подлежит сомнению, что и общий характер процесса труда изменяется в зависимости от производственных отношений. Капиталистический процесс труда и рабский процесс труда по своему общему характеру различны. Только стоя на позициях печально известной теории равновесия — «закона трудовых затрат», можно говорить о независимости процесса труда от производственных отношений.

Надо подчеркнуть, что авторы держатся в рамках общих рассуждений, не раскрывая существенного содержания диалектики развития производственных отношений и производительных сил в духе экономического материализма. Мы считаем, что параграф об общественно-экономических формациях должен быть значительно расширен за счет насыщения его ленинским материалом по разработке ряда вопросов. Так например, авторы обошли чрезвычайно важный вопрос для понимания переходной экономики — это вопрос о соотношении формации и системы строительства социализма в переходный период. Авторы ничего не сказали о происходившей дискуссии по вопросу о формациях. Авторы совершенно обошли вопрос о процессе рождения общественно-экономической формации социализма в СССР и в связи с этим ничего не сказали о роли т. Сталина в развитии ленинского этапа по вопросу об общественно-экономических формациях.

При правильной в общем трактовке вопроса о политической экономии в широком и узком смысле не с достаточной четкостью показано, почему именно вопрос о политической экономии в широком смысле приобрел такую актуальность в условиях пролетарской революции, а это значит, что авторы не показали, что именно пролетарская революция и строительство новой общественно-экономической формации — социализма — и являются периодом создания политической экономии в широком смысле. Вместе с тем не показана роль Ленина, Сталина, ЦК нашей партии в деле создания политической экономии в широком смысле.

Надо отметить, что в целом вопросы методологии политической экономии не с достаточной четкостью поставлены и разрешены. Так например: а) общая характеристика диалектического метода в политической экономии изложена без предварительной, хотя бы краткой характеристики диалектического материализма основных законов материалистической диалектики, б) авторы допустили грубые ошибки, когда они уже в простом товарном хозяйстве исходят из противоречий между общественным характером производства и частным присвоенным (стр. 415—417). Подробно мы эту ошибку рассмотрим в другом месте. Далее. непонятно, почему авторы при изложении вопроса об историческом и логическом отказались от более подробной критики рубиняцки и не вышли за пределы чисто логической критики, отказавшись показать, к чему ведет разрыв логического и исторического в теории. Также совершенно

¹ См. также по этому вопросу выпуск II, стр. 16.

непонятно, почему авторы не привели и не комментировали известного положения Энгельса о соотношении исторического и логического. Авторы говорят об активности экономической формы (стр. 419). На наш взгляд этого недостаточно, ибо здесь нужно говорить не просто об активности экономической формы, а о производственных отношениях как форме движения производительных сил.

Напрасно авторы более подробно (стр. 424) не остановились на вопросе об абстрактном и особенно не разобрали следующих вопросов: абстракция и действительность, пределы абстрагирования и т. д. Здесь особенно следовало разоблачить рублицину и механицизм. Не сделав этого, авторы не вооружили слушателей марксо-ленинской методологией. Совершенно слабо авторы разобрали меновую концепцию современного социал-фашизма; более того, авторы, как и в других статьях, не вышли и здесь за пределы чисто логической критики, в то время, когда надо показать здесь социал-фашизм в его контрреволюционном действии.

Авторы не нашли нужным при характеристике марксо-ленинской методологии осветить такие вопросы, как роль теории и практики в партийной политической экономии. Но совсем благополучно обстоит дело с вопросами методологии и в других главах учебника. Следует здесь же отметить, что авторы обнаруживают склонность к эклектизму. Особенно ярко это проявляется в главах об империализме, который мы рассмотрим в дальнейшем.

Вопросы ленинского этапа в политэкономии

Разработка ленинского этапа в политической экономии, выявление роли т. Сталина в дальнейшей разработке экономической теории марксизма-ленинизма являются давно назревшей и актуальной задачей экономического теоретического фронта.

Основным пороком учебника является то, что эта задача разработки ленинского этапа не выполнена. Авторы говорят о ленинском этапе только в трех местах учебника: в предисловии в главах об империализме и в главе о методологии и больше нигде.

И это не случайно, потому что авторы не понимают сущности ленинского этапа в политической экономии. В предисловии авторы, правильно определяя политическую экономии эпохи империализма и пролетарских революций, однако ограничились этим общим определением и не сделали ни одного шага по линии конкретизации самой проблемы ленинского этапа. Секрет последнего заключается в том, что авторы извращают ленинский этап в политической экономии, сводя его только к теории империализма. Вот единственное определение о ленинском этапе: «Ленин является творцом экономической теории пролетарской революции (разряда наша.— Авторы). Вместе с тем в политической экономии Ленину принадлежит та заслуга, что он в восстановил правильное понимание экономической теории Маркса, освободил ее от ревизионистских и оппортунистических извращений «теоретиков» II Интернационала. Блестящим образцом глубины ленинского понимания Маркса является замечательное совпадение многих мыслей по вопросам экономической теории, сущности метода Маркса... в этом заключается ленинский этап в развитии марксовой экономии» (вып. II, стр. 423).

Таким образом, ленинский этап в политической экономии авторы сводят к трем моментам:

- 1) Ленин создал теорию империализма.
- 2) Ленин освободил экономическую теорию от оппортунистической скверны.
- 3) Положения Ленина совпадают с положениями Маркса.

Конечно все эти три положения верны, но вместе с тем и ясно, что авторы не понимают того, что Ленин поднял на более высокую ступень всю экономическую систему марксизма в целом и каждую экономическую категорию в отдельности.

Важнейшей заслугой Ленина является то, что он в своих работах поднял на небывалую высоту революционные классовые выводы, к которым пришел Маркс, показав неизбежность всечайшего обострения классовой борьбы, приводящей к диктатуре пролетариата.

Развернуть ленинский этап в учебнике это значит:

- 1) Показать все проблемы политэкономии на высшей ступени обострения классовой борьбы — в эпоху империализма и пролетарских революций;
- 2) показать то новое, что внес Ленин в самую постановку и разрешение проблем политэкономии;
- 3) дать ленинскую теорию империализма;
- 4) показать то, что внес Ленин в дело разработки политэкономии в широком смысле (экономика переходного периода, экономика социализма);
- 5) показать, как Ленин конкретизировал, подчеркивал ряд категорий Маркса, имеющих решающее значение для понимания движения капитализма.

Авторы при проработке учебника должны дать ленинский этап. Задача эта новая и достаточно сложная. Но вместе с тем она абсолютно необходима и должна

быть осуществлена. Само собой разумеется, что предварительным условием выполнения этой задачи является пересмотр ошибочных взглядов в понимании самого ленинского этапа в политической экономии.

Вопросы социал-фашистской политэкономии в учебнике

Авторы в предисловии поставили перед собой задачу беспощадной борьбы с социал-фашистской политической экономией, но этой задачи авторы не выполнили. В учебнике нет систематической критики социал-фашистской политической экономии, это видно из следующего:

Такие главы учебника, как Товар, Деньги, Методология, Процесс обращения капитала, Цена производства и Средняя норма прибыли, Рента, не содержат совершенно никакой критики социал-фашизма; другие главы, как например Прибавочная стоимость, Ссудный капитал, содержат от одной до трех строчек текста, посвященных критике социал-фашизма.

Такова фактическая сторона дела. Таким образом, критика безусловно не систематическая. Более того, критика, построенная так, что ряд важнейших проблем политической экономии, как например «учение о прибавочной стоимости», оказались за бортом критики, — никак не может быть признана в какой-нибудь мере удовлетворительной.

С точки зрения содержания критика также недостаточна. И это потому, что у автора нет исходных позиций, нет стержня. Даже внимательный читатель после довольно тщательной работы над учебником не сумеет ответить на вопросы: «В чем же собственно состоит социал-фашистская политическая экономия?», «По какой основной линии идет извращение марксистской политической экономии?».

Критика должна быть систематической по каждой главе. Основным стержнем этой критики должно быть раскрытие меновой концепции социал-фашизма. Надо четко и рельефно показать, как каждая экономическая категория меновой концепции социал-фашизма заключает в себе контрреволюционное действие. Более того, надо показать, что меновая концепция является не объективным заблуждением, как некоторые себе представляют, а является орудием борьбы капитализма против социализма. Надо также в таком же систематическом виде показать эволюцию социал-демократической политической экономии в сторону социал-фашизма. Здесь необходимо следовательно показать центризм в политической экономии довоенной социал-демократии и ту борьбу, которую вел против нее Ленин.

Вопросы советской экономики в учебнике

Увязка с советской экономикой осуществляется на протяжении всего учебника в порядке противопоставления двух систем — капитализма и социализма. Установка безусловно правильная. Но крупнейшим пороком здесь является то обстоятельство, что авторы подали вопросы в духе правооппортунистического, шлавного, без трудностей развития советской экономики, при этом в форме общих, неконкретных рассуждений, с достаточным количеством ошибок принципиального характера. Приведем некоторые примеры, подтверждающие нашу общую оценку. По вопросу о товарной форме в СССР авторы ограничиваются следующими общими рассуждениями: «Продукт труда не играет у нас той социальной роли, какую он выполняет в частнособственническом обществе. Вот почему продукт труда в пределах государственного социалистического сектора нашего хозяйства товаром по существу не является» (вып. I, стр. 43). Таким образом, читатель учебника на вопрос: «Какова роль товарной формы экономики СССР», получает невразумительный ответ: «Товарная форма не играет у нас той социальной роли, какую она выполняет в частнособственническом обществе». Так обучать людей нельзя. Надо только рассказать: 1) о единстве и различии товарной формы в экономике СССР, 2) о том, что товарная форма, используемая социалистическим сектором, не вытекает из самой сущности социалистических отношений вообще (а ведь точка зрения о том, что товарная форма в социалистическом секторе вытекает из его сущности, гуляет по нашей литературе), 3) о том, какую роль играет товарная форма во всей советской экономике как экономическая форма связи между отраслями и укладами и как орудие строительства социализма, и в частности в отношении внутри социалистического сектора; это обязывает в этой связи рассказывать о хозрасчете, о контроле рублем и т. д. и наконец нужно сказать о том, каковы те условия, при которых товарная форма сдается в музей древностей. Полутно надо отметить, что авторы все еще стоят на такой точке зрения, что существование «товарного обмена» в нашей экономике, денег, «зарплаты» и т. д. определяется исключительно наличием частного сектора и что ликвидация частного сектора (необобщественного) означает уничтожение всех этих категорий. Совершенно очевидно, что такая точка зрения ничего общего с ленинско-сталинской постановкой вопроса не имеет.

Негодна и партийно вредна следующая формулировка: «Закон трудовых затрат, — если его понимать по Бухарину (а как еще иначе его можно понимать? —

Бригада), — является теоретической базой и для других важнейших установок правого оппортунизма (верно. Бригада)... если рассматривать «закон трудовых затрат» как «всеобщий закон хозяйственного равновесия», то необходимо будет бороться против индустриализации, или по крайней мере против быстрых темпов индустриализации» (вып. 1, стр. 96). Нетодная и непартийная установка: получается, что как будто бы возможна индустриализация СССР без быстрых темпов, будто бы можно защищать индустриализацию, не защищая при этом максимально возможных темпов индустриализации.

Мы приходим к выводу о необходимости коренной переработки советского материала в учебнике; в таком виде материал не может служить средством большевистского воспитания в борьбе за генеральную линию партии.

По вопросу методологии еще укажем на то, что борьба на два фронта — против механицизма и рубинщины, — явно недостаточна, подробно мы это докажем в остальной части рецензии. В учебнике отсутствует критика полуменьшевизма в политической экономии Р. Люксембург. Только в двух проблемах дана критика Р. Люксембург, но крайне поверхностно.

Раздел I. «Товар и деньги» (главы 2, 3, 4, 5, 6-я)

Достижением первого раздела является тот факт, что авторы сделали попытку положить в основу раздела анализ противоречия товара. Однако, став на этот единственно правильный путь интерпретации Маркса — Ленина, авторы с этой задачей не справились.

Авторы исходят из того, что уже в товаре, в простом товарном хозяйстве, дано противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Вот что они пишут: «Определяющим моментом является противоречие между общественным характером производства и индивидуальным присвоением, как противоречие данного общества, противоречие, присущее товарному хозяйству» (вып. I, стр. 61). Что вытекает из такой постановки вопроса? 1) Неправильное понимание противоречий простого товарного хозяйства и капиталистического; 2) непонимание принципиального качественного различия между простым товарным хозяйством и капиталистическим; 3) эволюционная, количественная точка зрения в вопросе развития противоречий. Не подлежит сомнению, что авторы предали забвению ленинское положение, что мы в товаре имеем зародыш всех противоречий капитализма. Нигде Маркс, Энгельс, Ленин не говорят о том, что в товаре мы имеем основное противоречие капитализма, наоборот — они неустанно подчеркивают, что в товаре мы имеем только зародышевое состояние этого противоречия. Между зародышевым состоянием противоречия и самим противоречием, образующимся из этого зародыша, принципиальная качественная разница. Товар, деньги содержат в зародыше противоречия капитализма, товар и деньги однако еще не есть капитализм. Сталин неустанно разъяснял, что простое товарное хозяйство рождает капитализм, но оно само не есть еще капитализм. Авторы в этом вопросе скатываются к троцкистской постановке вопроса о простом товарном хозяйстве. Известно, что противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения является основным противоречием капитализма. Зародышем этого основного противоречия капитализма является противоречие между общественным и частным трудом, присущее простому товарному хозяйству. Труд простого товаропроизводителя — частный и общественный в одно и то же время, более того, он частный в своей прямой непосредственности и общественный в скрытом виде. Формой движения противоречия простого товарного хозяйства является товар, деньги, обмен. «Все учение Маркса показывает, что раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастет капитал, и вместе с ним и противоречие между капиталом и трудом» (Ленин), т. е. вырастет основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным присвоением. Этого противоречия нельзя себе представить без наемного труда, без категории прибавочной стоимости. Надо видеть, как равенство простых товаропроизводителей есть такое равенство, которое заключает в себе неравенство. Следовательно надо видеть, как это «равенство» простого товарного хозяйства содержит в себе в зародышевой форме «жизнь, основанную на эксплуатации чужого труда»¹. Надо следовательно понимать, что мы имеем в общественно-необходимом труде противоречивый процесс, ведущий к дифференциации — разорению одного и обогащению других.

Итак, движение противоречия простого товарного хозяйства ведет к тому, что из простого товарного хозяйства вырастает капитализм с его основными противоречиями.

¹ Ленин, Развитие капитализма в России, гл. V.

Одним из коренных вопросов является правильное понимание роли и места потребительной стоимости товара в учении Маркса. Однако в этом коренном вопросе авторам не удалось избавиться от рубинской методологии. Став на путь трактовки потребительной стоимости товара как не исторической, не социальной, не входящей в объект политической экономии проблемы²; авторы обошли молчанием такой важнейший документ Маркса, как заметки на книгу Вагнера, в которых Маркс ведет беспощадную борьбу именно с такого рода пониманием потребительной стоимости товара³.

Авторы, правильно начав 1 отдел с анализа товара, оказались неспособными показать товар как единство двух противоположностей, так как выбросили потребительную стоимость товара из объекта политической экономии. Авторы не поняли, что утверждение Рубина о неисторичности и неажности для политической экономии потребительной стоимости имело своей целью выхолостить содержание из всех категорий политической экономии. Став на точку зрения Рубина в вопросе о потребительной стоимости товара, авторы тем самым оказывают услугу Гильфердингу в его понимании двойственной природы товара, не как реально существующей двойственности, а как двойственности точек зрения — продавца и покупателя.

Выбросив из объекта политической экономии потребительную стоимость товара, как потребительную стоимость, авторы тем самым обезоружили себя в деле решения проблемы прибавочной стоимости. Совершенно понятно, что стоит нам отбросить потребительную стоимость рабочей силы — ее труд, — и мы лишаемся возможности понять источник и процесс образования прибавочной стоимости. Ибо именно потребительная стоимость этого специфического товара — рабочей силы — обладает «свойством» быть источником стоимости, причём большей стоимостью, чем стоит сама рабочая сила. Не понимая специфически исторического характера потребительной стоимости, авторы естественно не могли правильно решить вопрос о двойственном характере труда. Авторы выбрасывают конкретный труд из объекта политической экономии как историческую категорию, а этим самым они двойственный характер труда сводят только к одной стороне, — к абстрактному труду. Таким образом, основное, главное в учении Маркса — двойственный характер труда, учение, на котором основано все понимание последующих проблем политической экономии, представлен в искаженном виде — не как диалектическое единство двух противоречивых сторон, а как формальная, искусственная двойственность, неспособная равно ничему объяснить.

Выбросив конкретный труд из объекта политической экономии, авторы точно так же лишили себя возможности правильно решить проблему прибавочной стоимости. Без двойственного характера труда нельзя понять процесса перенесения стоимости и создания новой стоимости.

Такое понимание проблемы потребительной стоимости и конкретного труда уже заранее преддрежало ряд ошибок в вопросах о соотношении стоимости и меновой стоимости, абстрактного труда и стоимости, производительных сил, их места в политической экономии и т. д.

Авторы, не понимая по существу противоречия товара, не сумели понять и правильно, в марксо-ленинском духе, изложить вопрос об общественно-необходимом труде. В этом вопросе авторы занимают явное преимущество дефинициями, в то время когда вопрос об общественно-необходимом труде нужно было рассматривать как другую сторону абстрактного труда, и в то же время в связи с движением противоречий товара. Этого авторы не сделали.

Крупным дефектом страдает и глава, посвященная выяснению закона стоимости как закона движения товарного производства. Авторы рассмотрение этого вопроса подменили по существу вопросом о том, как регулируется товарное хозяйство — это означает, что авторы в этом вопросе еще до сих пор не усвоили того, что надо было здесь-то и показать процесс обострения противоречий и что вопрос о регулировании является моментом, частным случаем закона, а не его основой.

Перейдем теперь к частным ошибкам авторов в этом разделе.

На стр. 47—48 авторы создали новую категорию — «Планово регулируемое эксплуататорское общество». Крепостное хозяйство выступает у авторов как плановое

² «Потребительная стоимость существует во всяком обществе» (стр. 39). То же на стр. 40—41. То же на стр. 45 и в ряде других мест.

³ Напомним основные положения Маркса из заметок на книгу Адольфа Вагнера. «И тот же Вагнер, — говорит Маркс, — причисляет меня к людям, по мнению которых «потребительная» стоимость должна быть совершенно «удалена» «из науки». Все это вздор. И дальше: «...благодаря этому потребительная стоимость, как потребительная стоимость «товара», сама обладает исторически-специфическим характером». Или дальше: «...Если таким образом «стоимость» товара есть лишь определенная, историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к общественной потребительной стоимости, поскольку она характеризует «потребительную стоимость товара» (Архив Маркса и Энгельса, т. V).

хозяйство (см. примечание на стр. 47). Совершенно очевидно, что это результат непонимания того, что только при социализме может идти речь о плановом хозяйстве — и ни о каком действительно плановом хозяйстве и «плановой эксплуатации» не может быть и речи в крепостном хозяйстве.

На стр. 57 и 74 дана явно мутная формулировка, свидетельствующая о непонимании авторами вопроса о соотношении формы и содержания. Так, на стр. 57 стоимость превращается только в форму, а абстрактный труд — в содержание, а так как на стр. 74 говорится, что стоимость выступает к меновой стоимости как содержание к форме, то получается непонятная картина, где одна форма является содержанием другой формы и т. д., а сути стоимости не видно.

Такая же небрежная формулировка — без пояснения — дана на стр. 78: «Стоимость, нечто чисто общественное, находит свое выражение в естественном теле». Эта формулировка будет воспринята неправильно: откуда можно понять, что стоимость есть только общественная и ничего больше, а потребительная стоимость товара только естественная, но не общественная.

В разделе форм стоимости и денег дана явно неудовлетворительная характеристика движения противорочия между потребительной стоимостью и стоимостью, причем в этом вопросе допущен ряд небрежных формулировок, омазывающих диалектическое движение и парадоксальную противоречивость.

На стр. 87 и 88 очень ярко показано, что авторы не понимают особого качества в денежной форме по сравнению с предыдущими формами стоимости. Авторы не сумели использовать Ленина в этом вопросе и показать, какова роль денег в простом товарном хозяйстве и особенно в переходе этого простого товарного хозяйства к капиталистическому.

Неправильно объясняется на стр. 73 вопрос, почему «стоимость товара не может быть выражена непосредственно в рабочем времени». Вместо теоретического освещения этого вопроса, исходя из характера производственных отношений товарного хозяйства, автор сводит дело к невозможности технически проанализировать это высказание.

Глава о деньгах наиболее неудачна. Она страдает отсутствием политической остроты, в ней не подвергнуты критике буржуазные и социал-фашистские (Каутский, Гильфердинг) теории денег; это тем более необходимо, что эти теории протаскивались контрреволюционными вредителями в нашу советскую литературу (Юровский и др.); в ней нет борьбы на два фронта — против право- и «лево»-оппортунистических, против троцкистских установок в понимании природы наших советских денег (Преображенский). Правда, в главе о коммерческом кредите и денежном обращении постановка всех этих вопросов, хотя в крайне недостаточном размере, имеется, однако исключение этих вопросов из главы о деньгах и методологически и методически не оправдывается.

Нужно признать неправильной всю трактовку функций денег, проведенную авторами на протяжении всех глав. Авторы считают, что «дельны в своих различных функциях суть выражение различных сторон и видов (подчеркнуто нами.—Б р г а д а) производственных отношений товаропроизводителей» (стр. 104). Понимание этих различных видов производственных отношений приводит авторов к явно неправильным положениям, в которых метафизически разрывается единство различных функций денег.

Далее, авторы ошибочно считают, что каждая функция денег выражает собою особый этап в развитии производственных отношений (стр. 126). Эта трактовка идет по Трахтенбергу, а не по Марксу (не случайно, что книга Трахтенберга рекомендуется учащимся как пособие). Авторы в одном месте сами цитируют Маркса, утверждающего обратное тому, что хотелось бы им. «Функции денег указывают в связи с относительно значительным значением или преобладанием той или иной из этих функций на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно «слабое» развитие товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 112). По вопросу о том, почему именно золото и серебро стали деньгами, авторы явно скатились на каутскийскую позицию, утверждая, что «причину надо искать в соответствии естественных свойств этих металлов» (стр. 107). Надо было показать, что само это соответствие является общественно-обусловленным той ролью, которую играют деньги в товарном хозяйстве.

Мы считаем также неправильным отступление от марксова изложения, когда раздел о монете и бумажных деньгах перенесен из раздела «Деньги» в раздел «Кредит и банки».

Раздел II. «Прибавочная стоимость» (главы 7, 8, 9, 10, 11 и 12-я)

Несмотря на правильное в общем изложение ряда глав, раздел в целом несвободе от недостатков, а порой досадных пробелов. В качестве крупного недостатка надо отметить, во-первых, что авторы при разборе вопроса о соотношении простого товарного хозяйства и капиталистического не дали взглядов Ленина и Сталина по

этому вопросу и отказались от критики механистов и рубинщины, правых и контрреволюционных троцкистов. Во-вторых, не дали полной, развернутой критики социал-фашистской политэкономии по вопросу о стоимости рабочей силы. Надо было показать здесь, что социал-фашисты, перенеся вопрос об эксплуатации в сферу распределения обращения, не сумели показать то место, которое занимает прибавочная стоимость в политэкономии, и то значение, которое она имеет для всей марксовой системы.

Авторы не показали, что только в свете тех социально-классовых и партийных задач, которые стояли перед Марксом, можно понять и оценить утверждения Лениши, что учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса. Авторы должны были показать, что трактовка задач Маркса как задач нахождения регулятора товарного хозяйства неизбежно вела меньшевика-вредителя Рубина к игнорированию теории прибавочной стоимости. Ибо такое игнорирование вытекало как из политических возжелений вредителя, так и логичности его системы регулятора, для изучения которого требовался переход от стоимости прямо к цене производства.

Авторы не смогли на проблеме прибавочной стоимости показать ленинский этап в политэкономии и поднять самую проблему на уровень ленинской постановки.

Далее серьезным недостатком второго отдела книги является то, что авторы не сумели показать связи между прибавочной стоимостью и стоимостью, неизбежность возникновения прибавочной стоимости, раз дана стоимость, а значит — капитализма, раз дано простое товарное хозяйство; явно неудовлетворительно дана в отделе критика отсутствует критика буржуазных школ, неудовлетворительна критика рубинщины, по существу обойдена критика троцкизма о прибавочной стоимости и эксплуатации в СССР. Совершенно непонятно, почему авторы вместо критики Троцкого в этом вопросе сконцентрировали свое внимание на «трудах» Фролова-Богдановского о «советской нефти».

Серьезным недостатком раздела является то, что авторы обошли вопрос о взаимоотношении между стоимостью и ценой рабочей силы, не дали критики в этом вопросе Бухарина и не показали тех тенденций, которые имеются в вопросе о движении стоимости и цены рабочей силы на современном этапе капитализма.

Авторы не показали характерных для современного капитализма в период мирового кризиса: усиления тенденции к повышению стоимости рабочей силы (интенсификация труда и рост цен на необходимые продукты питания, вытеснение членов семьи из производства, а в связи с этим удорожание стоимости рабочей силы основных работников, рост цен на коммунальные и другие нужды и т. д.) при систематическом снижении цены рабочей силы — заработной, что неизбежно ведет к огромнейшему невиданному обнищанию и вырождению рабочих масс.

Вся 146-я страница дутанная, имеет ряд неправильных тезисов, как-то: утверждение, что только стоимость рабочей силы выражает производственные отношения, а не потребительная стоимость ее, является по существу рубинским утверждением, разрывающим потребительную стоимость и стоимость рабочей силы.

Или немного ниже на той же странице: «Рабочий получает только часть произведенной им стоимости, а это «задерживает» развитие производительных сил», как будто когда-нибудь будет такой общественный строй, в котором работники будут потреблять все или создаваемое.

На стр. 165 дана идеализация помещика и помещичьего строя утверждением, что у них не было стимулов к безграничной эксплуатации.

И в ряде мест неправильные формулировки о равенстве рабочего в процессе обмена, льющие воду на рубинскую и социал-фашистскую мельницу, хотя в целом в этом вопросе авторы стоят на правильной позиции.

Авторы, давая на 143 странице нешолоное определение производительного труда как труда, создающего продукты, а значит негодное для капиталистического строя, делают ошибку, не дав тут же примечания о недостаточности этого определения (как делает Маркс в I томе).

Трактовка деления рабочего дня на необходимое и прибавочное рабочее время на стр. 145 и др. дается таким образом, что создается впечатление, что прибавочная стоимость создается только в последнюю часть рабочего дня, а не подчеркнуто то положение, что оно создается на протяжении всего дня, чем делается услуга Сивьеру.

На стр. 183, правильно подчеркивая преимущества для нас уже простого сложения инвентаря в колхозах, ничего не говорится о политике партии по насыщению колхозов современной техникой, и в результате — однобокое, а значит неправильное освещение вопроса.

Неверно утверждение (стр. 184) что преимущества кооперации одинаковы для всех общественных формаций.

Все эти и ряд других не отмеченных нами частных ошибок свидетельствуют о небрежном отношении к формулировкам и недостаточной продуманности ряда положений.

Тема о зарплате, не удовлетворяет тем требованиям, которые могут быть к ней предъявлены читателями.

Она имеет ряд недостатков, а порой и ошибочных положений, требующих обязательной переработки.

Критическая часть главы значительно теряет из-за отсутствия критики железного закона зарплаты Лассоля, теории фонда зарплаты и особенно недопустимым надо считать отсутствие критики Р. Люксембург в вопросе о цене и стоимости рабочей силы.

Освещение вопроса о зарплате в СССР дано явно неудовлетворительно. Так, совершенно отсутствует критика буржуазных и оппортунистических теорий зарплаты в СССР, по существу обойдены социалистические стимулы и социалистическая организация труда.

Грубейшей ошибкой главы является неверное освещение природы зарплаты в СССР, которая выступает у авторов как фетишизированная форма, скрывающая социалистические производственные отношения. Так, на стр. 216 говорится: «Зарплата в СССР скрывает социалистические производственные отношения между отдельным рабочим и рабочим классом в целом. Эта маскировка социалистических производственных отношений не случайна, она вытекает из наличия необобщественного сектора с сохранением рыночных связей. Однако в ходе социалистического строительства этот фетишизм заработной платы будет все больше уничтожаться». Совершенно очевидно, что авторы тут стали в явное противоречие с Марксом, Лениным, которые не уставали доказывать исторический характер фетишизма, уничтожение фетишизма с уничтожением капитализма. Авторам следовало, следуя за Сталиным, брать, говоря о «зарплате» в СССР, самый термин «зарплата» в кавычки, так как природа «зарплаты» в СССР коренным образом отлична от природы зарплаты при капитализме.

Этот же тезис авторов свидетельствует также о том, что авторы неправильно себе представляют, что ликвидация необобщественного сектора означала бы немедленную ликвидацию зарплаты, что также противоречит основным высказываниям Ленина — Сталина о переходном периоде. Этот раздел книги должен быть коренным образом переработан.

Высказывания авторов на стр. 221 противоречат их же тезису на стр. 220, где они показывают, что организация труда на современных предприятиях (Форд) «дает возможность Форду полностью уничтожить сделчину и перевести всех рабочих на повременную оплату», а на стр. 221 без оговорок сказано: «Повременная заработная плата, как и абсолютная прибавочная стоимость, характерна для раннего капитализма». Совершенно очевидно, что в этом пункте необходимо сделать оговорку о тенденции в целом ряде современных капиталистических предприятий к возвращению на повременную оплату. Кроме того это положение является сугубо неверным, ибо оно относит производство абсолютной прибавочной стоимости только к периоду раннего капитализма.

Точно так же должен быть развернут и внесен ряд оговорок в тезис, утверждающий, что поштучная оплата (которая свойственна раннему капитализму) ослабляет сплоченность рабочего класса. Тут очевидно необходимо сказать, что эта тенденция однако не уничтожает того факта, что с ростом капитализма сплоченность рабочего класса растет. Точно так же требует более развернутой постановки тезис о нездоровой конкуренции между рабочими, порождаемой поштучной оплатой.

Глава о всеобщем законе капиталистического накопления точно так же страдает рядом недостатков.

Главным недостатком главы является отсутствие освещения проблемы накопления в СССР в более или менее удовлетворительной форме. Тут, в этом разделе необходимо показать источники, пути, методы накопления, дать критику теории Преображенского и контрреволюционного троцкизма о доходе и первоначальном социалистическом накоплении и теории правых и троцкистов о жизненном уровне рабочего класса в СССР. Тут же необходимо осветить вопрос о «концентрации» и «централизации» в СССР.

Авторы допускают крупную ошибку, когда они, говоря о концентрации и централизации капитала, о грандиозных капиталистических объединениях в этом разделе, тут же не показывают того, что эти объединения не уничтожают конкуренции. Это необходимо сделать и тут, несмотря на то, что в разделе «империализма» этот вопрос получает достаточное освещение. Раздел содержит еще целый ряд ошибок. Так, неясным остается утверждение, что централизация путем акционерных обществ есть более гладкий путь (стр. 289).

На стр. 263, правильно приводя слова Маркса, что с ростом накопления наибольший переменный капитал приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих (через сверхурочные работы, интенсификацию труда), авторы должны были показать и обратную тенденцию в современном капитализме, когда благодаря систематическим снижениям зарплаты меньшим переменным ка-

питатом приводится в движение большее количество рабочих. Рядом с утверждением на стр. 271, что в связи со все усиливающимся сокращением квалифицированной части рабочих, лучше оплачиваемых, уничтожается та самая верхушка рабочих, которая всегда служила социальной опорой с.-д., необходимо было показать одновременно, почему с.-д. все еще имеют базу среди них.

Проблема воспроизводства и обращения общественного капитала изложена кратко и схематично, несмотря на актуальность этого вопроса для данного этапа. Мы имеем огромное ленинское наследие по этому вопросу, значение которого особенно было подчеркнуто т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов.

Известно также, что социал-фашистские «теоретики» оторвали содержание II тома «Капитала» от I, обращение капитала — от производства, и тем самым попытались возвести в догму штамм обращения над производством. Гильфердинг из обращения капитала выводит свою теорию империализма и теорию организовального капитализма; Реннер из социализации общества выводит вращение капитализма в социализм, и т. д. Известно изречение Гильфердинга о том, что у Маркса во II томе якобы дана «песнь песней» капитализма, беспрепятственного, гармонического развития капиталистического производства. Надо было со всей силой обрушиться на эту фальсификацию марксизма, подвергнуть жесточайшей критике эти теоретические основы социал-фашистской политической экономики. Это тем более необходимо, что протаскиванию этих идей мы имеем в нашей советской действительности в теории т. Бухарина о вхождении крестьянства в социализм через ворота обращения при сохранении мелкокрестьянского производства. Критика т. Бухарина, Тугана, Розы во воспроизводстве дана крайне поверхностно и отрывочно.

Туган-Барановский в ревизии учения Маркса исходил из того, что схемы Маркса являются незаконченными, а потому он занялся «уточнением» и «исправлением» учения Маркса.

Роза Люксембург также, когда она рассматривала невозможность реализации в капиталистическом обществе, походила из якобы неверных построений Маркса. Роза Люксембург считала, что схемы Маркса не отображают объективной, конкретной действительности, противоречий капиталистического способа производства. Но Роза противоречия капитализма в схемах вытекают только из бесплановости, анархии производства.

Если мы посмотрим концепцию т. Бухарина по вопросу о кризисах, то окажется, что он их по существу выводит из схем Маркса.

Таким образом, как у Тугана-Барановского, Р. Люксембург, так и у т. Бухарина кризисы вытекают из невозможности сбалансировать капиталистическое хозяйство благодаря анархии, из диспропорциональности. Ленин оставил нам большое наследие по этому вопросу, где он говорит, что Маркс дал нам схемы не для того, чтобы из них выводить, объяснять кризисы. Схемы Маркса показывают, как происходит процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала, несмотря на противоречивость капиталистического способа производства. Что касается диспропорциональности, то она является одним из моментов воспроизводства всех противоречий, валовых и чистых в капиталистической системе. Но авторы учебника, изложив проблему воспроизводства, отдельно не пытались проследить, на основе каких противоречий осуществляются воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Вследствие такого изложения у них эта проблема получила несколько абстрактная, оторванная от тех противоречий, которые с неизбежностью вытекают из этих схем.

Авторы вовсе не поставили вопроса о воспроизводстве в СССР, о законах движения нашего социалистического воспроизводства и всех преимуществах системы социализма перед системой капитализма.

Переходим теперь ко II книге этого учебника, причем мы будем рассматривать эту часть в том же порядке, как это изложено у них.

Первая глава начинается с проблемы о ценах производства, которая, несмотря на свою актуальность, дана в очень сжатом виде. Изложению наиболее абстрактных тем авторы уделяют гораздо больше внимания. Это между прочим говорит о том, что авторы еще не совсем освободились от недавнего прошлого, в частности на экономическом и философском фронте, борьбе с которым партии пришлось уделить и уделять немало внимания. Прибыль например как превращенная форма прибавочной стоимости в этом отделе совсем не освещена, что для данной проблемы является решающим. Во многих учебниках мы можем встретить утверждение, что прибыль — это реализованная прибавочная стоимость, а это неверно. Превращенность этой формы заключается в том, что прибыль выступает как порождение всего авантюриального капитала, т. е. она представляет прибавочную стоимость, которая порождается как постоянным, так и переменным капиталом. «Прибавочная стоимость представляется таким образом как порождение всего авантюрированного капитала, приобретает превращенную форму прибыли» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 15). Нам представляется, что если бы авторы следовали этим путем, для нас было бы ясно, почему Маркс дает анализ производству и обращению индиви-

дуального и общественного капитала до анализа цен производства. Этот вопрос и в экономическом учении Маркса имеет важное значение. Маркс во многих местах отмечает, что Рикардо сводил прибыль фактически к прибавочной стоимости и прибавочному труду. Классики не могли показать, каким образом прибавочная стоимость превращается в прибыль. Если бы авторы учебника вывели это превращение, тогда был бы понятен и анализ средней прибыли, а отсюда и превращение закона стоимости в закон цен производства. Это дало бы более углубленную критику утверждений о противоречии между I и III томами «Капитала».

Глава «Тенденция шормы прибыли к понижению» изложена абстрактно. Авторы рассматривают в этой главе «закон как таковой» и «противодействующие причины» этого закона, и ни одного слова о противоречии этого закона. У Маркса, как известно, существуют этой тенденции являющиеся противоречия этого закона, которые стимулируют и обостряют все те противоречия, которые проявляются в кризисах. Изложить этот закон так, как он изложен в учебнике, это значит абстрагироваться от самой сущности этого закона. Правда, авторы противоречия этого закона рассматривают в главе о кризисах — как видно, они решили не повторять этих противоречий в двух местах и лучше их отнести к главе о кризисах. Маркс никогда не рассматривал проблем и категорий так, чтобы не вскрыть противоречий как сущности этого закона. Только уловив противоречивость этих категорий на протяжении прохождения всего курса, мы можем понять теорию Маркса о кризисах. Эти противоречия должны войти для обоснования сущности этого закона, тогда как в теории кризисов они входят как моменты противоречий, которые усиливают и обостряют все те противоречия, которые заложены в капиталистической системе.

В IV разделе «Земельная рента» авторы не дали критики «закона убывающего плодородия», являющегося важнейшей методологической основой буржуазной теории по аграрному вопросу; не подвергли критическому разбору «аграрный вопрос» Каутского, дающего основу для реформистской аграрной тактики довоенного интернационала, а также совершенно обошли современные социал-фашистские теории по аграрному вопросу. Не поставив во весь рост проблемы ленинского этапа в аграрной теории, являющегося теоретической базой аграрной программы и тактики большевиков III Коммунистического интернационала, авторы не использовали огромного наследия теоретической борьбы большевиков с меньшевиками по аграрному вопросу. Вопрос о социалистической реконструкции сельского хозяйства СССР поставлен очень бегло, не дано развернутой критики неонародничества, право- и деволюптаристических извращений генеральной линии партии и контрреволюционного троцкизма по вопросу о коллективизации.

И дальше, вместо того чтобы показать относительное и абсолютное обнищание промышленных рабочих, сельскохозяйственных рабочих и крестьянства, они делают противопоставление самих этих групп. На стр. 141 авторы пишут: «Чтобы выдержать в конкурентной борьбе с крупным производством, мелкий производитель ограничивает свое потребление».

«В марксистской литературе давным давно доказано, что мелкий производитель платится хуже не только городского рабочего, но и хуже с.-х. наемного рабочего. Эту историю начинают понимать и некоторые из буржуазных экономистов...» А дальше идет цитата немецкого буржуазного экономиста Дитце для подтверждения этого положения. Абстрактно рассуждая, это конечно верно, что мелкий крестьянин относительно, возможно, живет и хуже с.-х. и промышленного рабочего. Но сказать и на этом остановиться является грубой ошибкой. Как мелкий крестьянин, с.-х. рабочий, так и промышленный рабочий — все они находятся в тисках капиталистической системы, которая высасывает все соки из этих трех видов жертв. Никому из них не лучше; живется — все они хуже живут, и по мере развития и распространения капитала их положение ухудшается относительно и абсолютно. Сказать так, как сказано в учебнике, это значит стать на сторону цитируемого буржуазного экономиста Дитце.

Охарактеризовав влияние банков и аналогового бремени на «развитие» сельского хозяйства при империализме, авторы не сказали ни одного слова о влиянии монопольных цен на разорение сельского хозяйства. Влияние монопольных цен на разорение и обнищание крестьянства, рабочего класса и колоний является одной из основных особенностей империализма.

Глава о кризисах в учебнике построена отдельно от проблемы воспроизводства.

Авторы придерживались в данном случае марковского порядка изложения, а не изложения предшествующих учебников, что нужно признать совершенно правильным.

В целом глава о кризисах страдает существенным недостатком, вытекающим из неправильной трактовки основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным присвоением.

Мы уже указывали, что авторы неправильно понимают основной закон противоречий как общественный характер производства и частный характер присвоения.

Авторы не могли правильно поставить вопрос о кризисе, поскольку они

отождествили основной закон противоречий при капитализме с противоречием общественного и частного характера труда в простом товарном хозяйстве, поскольку возможность кризиса в простом товарном хозяйстве у них превратилась в действительность.

Маркс рассматривает противоречие в товаре как возможность кризиса, но «превращение этой возможности в действительность требует целого ряда условий, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют» (стр. 65).

Но вопросу о денежном кризисе авторы пишут: «В денежном кризисе противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения проявляется как дальнейшее развитие противоречий между конкретным и абстрактным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью» (стр. 180). Почему именно в денежном кризисе основной закон противоречий получает свое дальнейшее развитие, — этого авторы не показывают. Авторы хотят вывести все противоречия, присущие капиталистической системе, из этого основного противоречия, но делают это недостаточно. Исходя из развития основного закона противоречий, авторы должны были вскрыть этот закон в каждом отдельном конкретном случае развития и обострения всех противоречий. Этого они очень часто не показывают, вследствие чего этот закон у них превращается в ничего не объясняющие пустые фразы.

Кроме этих основных недочетов в учебнике мы находим и по другим вопросам немало неверных формулировок, которых нельзя обойти молчанием. Например на стр. 185: «Капиталисты посредством конкуренции объединяются в практический союз класса капиталистов и делят между собой общую награбленную добычу — прибавочную стоимость». Здесь авторы хотят изложить правильную мысль Маркса, но у них она получает извращенную форму. Маркс говорит, что в средней норме прибыли находят свое выражение солидарность класса капиталистов в противоположность классу рабочих, несмотря на то, что в конкуренции они выступают друг против друга враждебно. У авторов же получается, что не эксплуатация классом капиталистов рабочего класса объединяет их в братский союз, а борьба между самими капиталистами через конкуренцию.

В критике антимарксистских теорий кризисов авторы совершенно обошли молчанием установки по этому вопросу правых, в частности т. Бухарина. Дав критику буржуазных экономистов и социал-фашистов, авторы пишут: «Недалеко от такого неправильного понимания анархии производства ушли и некоторые марксисты — Бухарин, Герценштейн» (стр. 168). Мы знаем, что т. Бухарин и до сего времени стоит в объяснении кризисов на той точке зрения, что кризисы возникают из анархии, из бесплановости, из невозможности абанксировать капиталистическое хозяйство (см. его высказывание в «Заметках экономиста»). Спрашивается, зачем же обходить молчанием критику правых как главную опасность на современном этапе строительства социализма? Конечно дело здесь не только в Бухарине, а в той методологической установке, которую в учебнике нужно подвергнуть жестокой критике.

Авторы, охарактеризовав бескризисность развития советского хозяйства, пишут: «... ибо в СССР в основном разрешено противоречие между общественным производством и частным присвоением. Поэтому хозяйство СССР имеет возможность бескризисного развития» (стр. 218).

Получается, что у нас, в СССР, только в «основном разрешено противоречие между общественным производством и частным присвоением». Октябрьская революция «абсолютно», а не только «в основном» покончила с этим основным законом противоречий капиталистического общества и тем самым является исходным пунктом нашего дальнейшего развития на основе социалистических производственных отношений, не знающих капиталистических противоречий и кризисов.

Раздел III «Империализм и всеобщий кризис капитализма»

Раздел учебника об империализме страдает весьма существенными недостатками.

Авторы должны были во весь рост поставить задачу — показать, что «Ленин был первый из марксистов, подвергший действительному марксистскому анализу империализм как новую последнюю фазу капитализма» (Сталин).

Вместо этого они стали на явно ошибочную позицию эклектического сочетания ленинской теории с гильфердинговской. Наряду с идеализацией Гильфердинга у авторов проскальзывает такой взгляд, что Ленин вообще ничего нового не дал, — основное уже сказали до Ленина Гильфердинг, Парvus. Даже по вопросу замгнивания капитализма авторы нашли предшественников Ленина в лице Гобсона (стр. 270).

Эта позиция неизбежно привела авторов к тому, что они не смогли противопоставить ленинскую теорию империализма классово враждебным теориям, не смогли дать развернутую принципиальную критику гильфердинговщины, критику, которая имеет актуальное политическое значение. Они не смогли в конечном счете дать и правильное изложение ленинской теории.

Авторы правильно положили в основу изложения структуру ленинской работы об империализме, но во многих местах ленинскую схему они наполняют гильфердинговским содержанием.

Образование монополий выводится из концентрации производства. По форме — это по Ленину. Но если ближе рассмотреть постановку вопроса, как и почему из концентрации производства возникают монополии, то увидим, что это объяснение дано по Гильфердингу.

Монополии для авторов учебника — это объединения капиталистов «для совместного выступления сначала в сфере торговли, а затем и производства с целью добиться повышения прибыли» (стр. 239). Возникновение монополий представляется как процесс обороны капиталистов перед угрозой потерять прибыль в силу повышения органического состава капитала (там же). Двигательная сила монополий у авторов лежит в конкуренции, в необходимости «согласованного выступления на рынке, с целью овладения им для сбыта товаров при условии устранения или значительного сокращения конкуренции. Словом, целью здесь является монополизация рынка» (там же). Историю монополий авторы выводят из акционерных обществ, как и формы монополистических объединений начинают описывать с корнеров, трингов, шваццев.

В итоге весь анализ переносится в область рыночных отношений, в сферу обращения. А это и означает сослалывание на позиции Гильфердинга, — на меновую концепцию.

Авторам «неудомек» совершенно иные исходные позиции ленинской теории.

Ленин исходит из открытого Марксом всеобщего закона капиталистического накопления; само изложение теории он начинает с установления того, что «громкий рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма» (Ленин, Империализм, стр. 81).

И далее, на основе огромного фактического материала, охватывающего десятилетия капиталистического развития, делает обобщение, что «концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, влютную к монополии» (стр. 82).

Развивая учение Маркса, Ленин устанавливает, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» (стр. 85). Таким образом для Ленина основа основ — отношения производства, прима производства над обращением.

Различные исходные позиции Ленина и Гильфердинга являются водоразделом между марксо-ленинской теорией империализма и оппортунистической теорией Гильфердинга, они лежат в основе двух направлений, двух тактик — пролетарской, революционной тактики большевизма и оппортунистической — социал-фашизма.

В этих весьма острых вопросах современной борьбы с враждебными теориями нужны максимальная четкость, ясность. Учебник не вооружает читателя в этой борьбе.

В главе «О финансовом капитале» авторы явно идеализируют Гильфердинга, совершенно некритически цитируют его «Финансовый капитал».

«Концентрированная банковская система сама становится важной движущей силой, в направлении высшей ступени капиталистической концентрации, принимающей форму картелей и трестов» (стр. 257). Приведя данную цитату из Гильфердинга, авторы поясняют ее так: «Здесь мы видим диалектическое (это у Гильфердинга-то!) взаимоотношение концентрации промышленности и концентрации банков». Как же это взаимоотношение осуществляется? Авторы отвечают: «Крупные банки заинтересованы в дальнейшей концентрации промышленности и образовании монополий... так как... «Банк заинтересован в уничтожении или смягчении конкуренции между предприятиями, тесно с ним связанными». «Банк достигает (подчеркнуто нами. — Бригада) этого своим влиянием как кредитора и участника этих предприятий». Налицо прямое списывание у Гильфердинга. Роль Ленина сведена лишь к подчеркиванию некоторых положений.

Авторы пишут: «Мы еще раз должны подчеркнуть, что монополии образовались бы в конечном счете и без воздействия банков. К этому ведет концентрация производства, подгоняемая конкуренцией. Но банки в свою очередь ускоряют этот процесс. Это подчеркивает Ленин в своем «Империализме» (стр. 257).

Выходит, что Ленин только подчеркивает то, что сказано... Гильфердингом, Гобсоном.

По вопросу о сущности финансового капитала авторы подали читателю целый клубок путанных положений. В то время, как Ленин противопоставил свое понимание сущности финансового капитала гильфердинговскому, авторы пытаются соединить гильфердинговское понимание с ленинским, указывая только, что Гильфердинг в некоторых местах отстывает от правильного понимания.

Без всяких оговорок авторы цитируют определение финансового капитала из Гильфердинга, очевидно соглашаясь с ним.

Более того, они совершенно выбросили ленинскую критику этого определения.

Приведя определение финансового капитала, данное Гильфердингом, Ленин указал: «Это определение не вполне постольку, поскольку нет указания на один из самых важных моментов — именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии»...

И далее...

«Концентрация производства, монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержания этого понятия»⁴.

Вместо резкого различия этих определений авторы шагнули для себя возможным дополнить Гильфердинга Лениным, показав тем самым, что они находятся в плену у гильфердинговщины.

Эта крупнейшая ошибка становится тем более значительной, что авторы обошли развитие и обострение противоречий капитализма, показанные Лениным через освещение значения и роли банков в эпоху монополии.

«Банки», писал Ленин, — создают в общественном масштабе форму, по имени только «форму общего счетоводства и общего распределения средств производства», — писал Маркс полвека тому назад в «Капитале»⁵.

«Приведенные нами данные — продолжает, дополняет и развивает Маркса Ленин. — о росте банковского капитала, об увеличении числа контор и отделений крупнейших банков, числа их счетов и пр. показывают нам конкретно это «общее счетоводство» всего класса капиталистов и даже не только капиталистов, ибо банки собирают, хотя бы на время, все денежные доходы и мелких хозяйчиков, и служащих, и ничтожного верхнего слоя рабочих. «Общее распределение средств производства» — вот что растет, с формальной стороны дела, и современных банков, которые в числе трех-шести крупнейших банков Франции, шести-восьми в Германии распростираются миллиардами и миллиардами. Но по содержанию своему это распределение средств производства совсем не «общее», а частное, т. е. оно соотносилось с интересами крупного капитала, и в первую голову крупнейшего, монополистического капитала, действующего в таких условиях, когда вся масса населения живет впроголодь, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берет дань со всех отсталых ее отраслей»⁶.

В разделе «Конкуренция и монополия» авторы дают популярное истолкование не всех положений ленинской теории. Они опустили весьма важный момент, заключающийся в том, что перед нами не просто «конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу... Развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство «препятствует «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже «одорвано», и главные прибыли достаются «теплым» финансовым проделкам. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам»⁷.

Вопрос о правильном понимании соединения монополии и конкуренции имеет весьма важное значение. Правильно авторы учебника поступили, когда они писали, что «из ленинского определения следует, что империализм не случайное явление — он вытекает с железной необходимостью из законов развития капитализма, в силу которых свободная конкуренция сменяется монополией» (стр. 299). Но они не правы, когда они останавливаются на этом. Нужно было эту мысль о смене свободной конкуренции монополией дополнить и расширить мыслью Ленина о соединении противоречащих друг другу «начал» конкуренции и монополий.

Ленин по этому поводу писал:

«Именно это соединение противоречащих друг другу начал: конкуренция и монополия, и существенно для империализма. Именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию»⁸.

Проблему монополярной цены авторы изложили в духе предшествовавших учебников, со всеми их недостатками. Авторы учебника дают ряд неточных, нечетких формулировок. На стр. 245 авторы пишут: «Установление монополярной цены означает, что монополия повысила цену на продаваемые товары выше обычного уровня, т. е. выше цены производства».

И в дальнейшем объяснении процесса образования монополярных цен авторы несомненно дают повод к пониманию монополярной цены как цены политической, что

⁴ Ленин, «Империализм», стр. 109.

⁵ Русский перевод, т. III, ч. 2, стр. 144.

⁶ Ленин, Империализм, стр. 98—99.

⁷ Ленин там же стр. 90; разрядка наша.

⁸ Ленин, т. XX, стр. 297.

льет воду на мельницу социал-фашистов. В частности по этому очень важному вопросу они не дают критики социал-фашистов.

На стр. 248 авторы говорят о двух секторах капиталистического хозяйства — монополизированных и немонополизированных отраслях производства. Это ошибочно. Именно это обстоятельство, очевидно, и приводит авторов к неправильному положению о существовании двух начал в эпоху империализма — монопольной цены на одной стороне и цены производства на другой (стр. 247).

В итоге модификации закона стоимости сущность этого вопроса осталась недостаточно выясненной, неразработанной, что является большим недостатком.

В критике различных теорий империализма авторы учебника оставили в стороне весьма существенные стороны вопроса.

Ведь известно, что в области теории социал-демократия изменила марксизму, полностью и целиком пройдя через ревизионистский этап к законченному либерально-буржуазному реформаторству и откровенному социал-империализму: учение Маркса о противоречиях капитализма она заменила буржуазным учением о его гармоническом развитии; учение о кризисах и обнищании пролетариата она сдала в архив; грозную и пламенную теорию классовой борьбы она прератала в пошлую проповедь классового мира; учение об обострении противоречий она променяла на мещанскую басню о «демократизации» капитала; на место теории неизбежных при капитализме войн она поставила буржуазный обмен пачифизма и живую проповедь «ультра-империализма»; теорию революционного крушения капитала она разменяла на фальшивую монету «здорового» капитализма, мирно превращающегося в социализм; революцию она заменила эволюцией; разрушение буржуазного государства — его активным строительством; учение о пролетарской диктатуре — теорией коалиции с буржуазией; учение о международной пролетарской солидарности — учением о защите империалистических отечеств; диалектический материализм Маркса — идеалистической философией и кокетничаньем с религиозными отбросами буржуазии»⁹.

Эти программные постановления КИ должны быть широко популяризированы в учебниках политической экономии. Они должны быть конкретизированы на примерах из теоретических писаний и практики вождей социал-фашизма.

Авторы учебника должны были на этой основе развернуть до конца последовательную, всестороннюю, по каждой проблеме политической экономии критику социал-фашизма, одновременно вскрывая глубокую органическую связь социал-фашистской политической экономии с ревизионизмом довоенной эпохи.

Например авторы учебника в критике Гильфердинга органичились его теорией «организованного капитализма». А нужно было самым основательным образом раскритиковать довоенного Гильфердинга, показать читателю, как уже в «Финансовом капитале» даны такие положения, которые неизбежно вели в обстановке всеобщего кризиса капитализма к социал-фашистским теориям. Авторы должны были разоблачить кое-где гуляющую легенду о том, что Гильфердинг, Каутский и др. до войны были последовательными марксистами и их «треухпадение», разрыв с марксизмом произошел внезапно лишь в годы войны.

В критике социал-фашизма необходимо направить удар и на «левых» социал-фашистов, являющихся наиболее вредной и опасной фракцией социал-фашизма.

Большим недостатком раздела об империализме является отсутствие критики троцкизма; критикуя каутскпанскую теорию ультра-империализма, авторы совершенно обходят тот факт, что по существу эту теорию разделяет и Троцкий и что с этим связана борьба Троцкого с Лениным по вопросу о неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и о возможности победы социализма в одной стране. У автора выходит, что только на XV партконференции Троцкий впервые выступил против ленинского положения об усилении неравномерности развития в эпоху империализма (стр. 304).

Совершенно недостаточна критика люксембургпанской теории империализма, совершенно игнорируется критика современных люксембургпанцев (Штернберг, Гроссман, Тальгеймер), тем самым не показаны политическая актуальность борьбы с люксембургпанством и связь люксембургпанства с мельшевизмом и троцкизмом.

Критика Бухарина должна быть развернута не только по линии его теории «организованного капитализма», а — в целом, по всей его теории империализма по таким его работам, как «Мировое хозяйство и империализм», «Экономика переходного периода» и др., с самым широким применением известных указаний Ленина и Сталина по этим вопросам.

Вывод: раздел «Общая характеристика империализма» должен быть подвергнут коренной переработке и значительно актуализирован.

Раздел «Всеобщий кризис капитализма» является, несмотря на его недостатки, несомненным достижением учебника. Однако и он не лишен недостатков. Этот отдел носит в большей части описательный характер, что в значительной мере снижает

⁹ Программа КИ.

его качество. Совершенно недостаточно использованы классические работы Сталина по данному вопросу. Совершенно недостаточно показаны роль и значение фашизма и социал-фашизма. Совершенно слабо освещена роль Коммунистического интернационала в организации классовых сил пролетариата под лозунгом «класс против класса», одушевлена ярко выразившаяся в целом ряде фактов тенденция к сплочению различных фракций буржуазии против рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Классовая борьба, отход рабочих масс от социал-демократии, революционный подъем, поднимающиеся на борьбу миллионные массы колониальных народов — все это не получило должного освещения в учебнике.

В учебнике недостаточно заострено внимание на противоречиях капитализма, на основе постановки вопроса т. Сталина на XVI съезде партии, как противоречий внутри капиталистического сектора мирового хозяйства, так и противоречий между СССР и капиталистическим миром. Классовая борьба воспроизводится теперь в огромном, действительно мировом масштабе и воспроизводится в таких условиях, когда мировой пролетариат имеет свое государство, свое отечество — Советский союз, этот очень важный момент, который как «наиболее яркое выражение глубочайшего кризиса мировой капиталистической системы и небывалого еще в истории расширения и обострения классовой борьбы» следует осветить возможно подробнее.

В главе «Борьба двух систем» необходимо показать восходящий бурный рост социализма в СССР и процесс уничтожения остатков капиталистических классов вообще. Необходимо показать разрешение вопроса «кто — кого» внутри Советского союза, показать мировое и историческое значение этих достижений для ускорения революционного разрешения вопроса «кто — кого» на мировой арене в пользу социализма.

Авторы должны были показать, что умирание капитализма есть восхождение человечества к лозовому, более высокому и радостному для человечества, коммунистическому строю. Умирание капитализма есть умирание классового господства буржуазии, базирующегося на рабочем угнетении огромного большинства человечества.

Недостатком раздела является то, что в нем слабо развернута критика троцкизма как передового отряда контрреволюционной буржуазии, недостаточно развернута критика и концепция правых оппортунистов в Коминтерне, в частности — взглядов Бухарина. Мы попытались, насколько это позволяет журнальная статья, показать основные ошибки и провалы в учебнике, а также наметить те пути, по которым должна идти дальнейшая переработка учебника.

Надо полагать, что авторы в последующем издании исправят многочисленные недостатки 1-го издания, без чего учебник не может быть рекомендован, как марксистско выдержанное пособие для наших школ.

В. НОСОВ, А. СЕРГИЕВСКИЙ, С. ФЕДОРОВСКИЙ.

ПО ПОВОДУ КНИГИ „О ПРИРОДЕ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ“.

Снабкоопгиз, 1931 г., стр. 170.

Задачи, поставленные партией в области советской торговли, предъявляют к теоретическому фронту огромные требования в смысле углубленной разработки актуальных проблем, связанных с данным участком социалистического строительства. Однако мы еще до сих пор не можем похвастаться достаточной разработкой этих проблем. Известным шагом вперед в разработке вопросов советской торговли является дискуссия о природе советской торговли на современном этапе, происходившая в Коммунистической академии. Под этим названием вышла и рецензируемая нами книга.

Самый доклад и отдельные выступления содержат в себе ряд положительных моментов, но вместе с тем в выступлениях участников дискуссии имеются принципиально неверные, политически вредные концепции, требующие детального их рассмотрения.

Тов. Гатовский в своем докладе в общем правильно устанавливает и дает характеристику пройденных этапов советской торговли. Он также дает в основном правильный анализ современного этапа советской торговли, в ряде мест (стр. 17, 18, 19, 20, 79) критикуя свою прежнюю «теорию» поглощения сферы обращения сферой производства, высказанной им в статье «О меновых связях на новом этапе» (см. сборн. «На новом этапе») и являющейся «левацкой» трактовкой сферы обращения на современном этапе. Тов. Гатовский подвергает критике антиленинские теории торговли в СССР, совершенно правильно видя в них идеологическую основу всех имевших место извращения линии партии в области торговли (перепрыгивание через советскую торговлю непосредственно к прямому распределению, переход к системе расчетных знаков и т. д.).

Довольно подробно докладчик останавливается на анализе товарной формы в условиях нэпа, коренным образом отделяя товарную форму в нашей экономике от товара в капиталистическом хозяйстве. Освещению извращений принципов советской торговли в системе потребкооперации т. Гатовский также уделяет место в своем докладе, правильно оценивая известный автоматизм в снабжении, некоторый бюрократический централизм в системе построения потребкооперации, остатки «нэпмановского духа», часто встречающееся пренебрежительное отношение к хозяйственному расчету. Все это несомненно должно быть отнесено к положительной стороне доклада т. Гатовского. В то же время доклад имеет ряд недочетов.

Основным недостатком является некоторая абстрактность доклада. Такие важные вопросы, как улучшение рабочего снабжения и в первую очередь на ударных социалистических стройках, анализ деятельности и перспектив закрытых рабочих кооперативов, в докладе почти не затрагиваются. Проблема хоэрасчета в сфере обращения, опять-таки не в общей, а в конкретной постановке вытекающая из задач всемерного развертывания советской торговли в условиях, когда «потребкооперация, вытеснив частника, заняла монопольное положение на рынке», затронута лишь вскользь. Советская политика цен и извращение практики торгующих организаций, рационализация товарооборота и пути товарного движения, практика планирования торговли, проблема материально-технической базы советской торговли и другие актуальные вопросы не нашли конкретного освещения в докладе т. Гатовского.

Заключительное слово т. Гатовского содержит критику некоторых выступлений, но оно не дает полного отпора антиленинским теориям отдельных участников дискуссии. Вместо того чтобы дать отпор махровой правооппортунистической теории Новаковского, связавшего переход к прямому распределению с наступлением неэквивалентного обмена в пользу деревни, т. Гатовский вначале критикует эти оппортунистические утверждения, но к концу заявляет, что «т. Новаковский совершенно правильно заострил внимание на необходимости вкладывать исторически определенное содержание в политику прямого распределения» (стр. 176).

Ниже мы постараемся вскрыть этот истинный «историзм» т. Новаковского и показать, что он ничего общего с марксо-ленинской теорией уничтожения противоположности между городом и деревней не имеет. Недостаточно критикует т. Гатовский даже политически неверные места, содержащиеся в выступлениях ряда других товарищей.

Основным недостатком прений по докладу является почти полное отсутствие анализа конкретного материала, характеризующего советский товарооборот на современном этапе. В выступлениях отдельных товарищей обходились наиболее слабо разработанные современные проблемы советской торговли (закрытые кооперативы, классово-производственный принцип снабжения, материально-техническая база торговли, пути продвижения товара и т. д.), в которых особенно нуждается практика. Элементы схоластики и формализма занимают в выступлениях большое место. Выступавшие товарищи уделяли большое внимание вопросам будущего, как например переходу к прямому социалистическому распределению, почти не затрагивая вопросов, связанных с данным этапом.

Далее — в докладе и в прениях не дано развернутой критики контрреволюционной меньшевистской вредительской теории товарооборота Фишгландера, Залкина и др. Не были раскритикованы также контрреволюционные «теории», как теория равноценности обмена и производства Фишгландера, «теория» рыночного равновесия в сфере обмена и распределения, определение процесса обобществления торговли мирным революционным процессом, кулацкая «теория» цен, предложения о внеклассовом снабжении деревни промтоварами как об экономическом стимуле развития обмена между городом и деревней и ряд других теоретических фокусов контрреволюционного порядка не только не были разоблачены в прениях, но почти не были затронуты.

Контрреволюционная троцкистская «теория» обмена между городом и деревней, высказывания Преображенского, вытекающие из контрреволюционной методологии троцкизма, также не получили достаточного разоблачения в прениях. Наличие некоторых антипартийных выступлений в дискуссии, требовало от всех участников дискуссии повышенной бдительности, партийной воинственности и непримиримости в борьбе за генеральную линию партии на этом отрезке идеологического фронта против всякого рода оппортунизма и прежде всего против правого, как главной опасности в период развернутого социалистического строительства и против гнилого либерализма в этой борьбе. Это требование участвующими в дискуссии было выполнено совершенно неудовлетворительно.

Правооппортунистическое выступление Новаковского не получило коллективного большевистского отпора со стороны большинства участников дискуссии. Выступление Новаковского является прежде всего невероятно путанным, содержащим ряд грубых правооппортунистических ошибок, а потому политически вредным. Прежде всего «свой глубокомысленный теоретик» желает найти двойственность в советской торговле и показать таким образом свои анализы в области диалектического метода.

«Что же такое советская торговля? Что содержится в советской торговле? Что имеется в ней от торговли и что имеется в ней от советского?» — «диалектически» вопрошает Новаковский и столь же «диалектически» отвечает: «От торговли имеется наряду с обязательным добровольным распределением, имеется форма проявления субъективного фактора постольку, поскольку тут добровольный обмен. Обмен этот имеет эквивалентную форму. Это — форма эквивалентных отношений между трудом и продуктами труда, эта форма соответствует принципу оплаты по количеству и качеству труда. Здесь имеются и элементы борьбы в виде соревнования, имеются следовательно и элементы первенства... Вот что есть от торговли, в этом есть наследие от капитализма».

И далее: «Советского в советской торговле есть прежде всего план, который является обязательным для эквивалентного обмена, для договора, который является определяющим моментом, который является на данном этапе не только регулирующим, не только доминирующим, но и преобладающим, преобладающим фактором. Это первое. И второе — это советское право, это диктатура пролетариата, социалистическая политика и ответственность перед советским государством за исполнение договора» (стр. 87).

Нетрудно видеть из приведенных выдержек, что автор их ставит диалектику наголову. Он расщепляет совершенно механически категорию советской торговли на два схоластических понятия: «советская» и «торговля». Новаковский совершенно неправильно записывает соревнование по линии капиталистического наследия, высказывая таким образом полное непонимание закономерностей социалистического строительства.

Говоря о «советском» в советской торговле, автор этой замечательной формулировки некритически противопоставляет план, диктатуру пролетариата и социалистическую политику, отождествляя диктатуру пролетариата с советским правом.

Грубейшей правооппортунистической ошибкой Новаковского являются его рассуждения по поводу хозрасчета на отдельном предприятии. Противопоставляя хозрасчет на одном каком-либо предприятии хозрасчету во всем народном хозяйстве, Новаковский утверждает, что директор любого предприятия «может исходить из интересов только данного предприятия, если он всерьез борется за развитие производительности его предприятия»... Может ли директор предприятия сам по себе, заключая договор, выставляя свои требования народному хозяйству, исходить из чего-либо другого, как не из хозяйственных расчетов своего предприятия? Нет, хозрасчет не может не фигурировать у него как *главный стимул, главный мотив в его хозяйственной работе*» (стр. 87).

Такие утверждения записывают их автора в число тех горе-теоретиков, которые по существу обосновывали практику буржуазных тенденций в наших предприятиях, проявившуюся осенью 1931 г. в некоторых совхозах Союзасахара и Зернотреста. Нет сомнения, что подобные утверждения, направленные прямо против партийного толкования категории хозрасчета в условиях последнего этапа вехи, сыграли свою отрицательную роль как в теории, так и в практике.

Грубейшими ошибками автора являются и такие утверждения, как например: «бывшему крестьянину (ныне колхознику) выгоднее перескочить через хозрасчет... Он (колхозник. — Автор) воочию убеждается в преимуществе принципа «каждый действует по способностям и получает по потребностям», и, ликвидировав полностью свою отсталость, он вслед за рабочим переходит на более высокую ступень прямого коммунистического распределения» (стр. 85).

Вот действительно «научный тезис». Тут и колхозник великолепно уживается в высшей фазе коммунизма; тут и самоубеждение, разбивающее «последние рудименты» торговли, тут и самоликвидация своей отсталости, чтобы «вслед за рабочим» «перейти на более высокую ступень прямого коммунистического распределения». Такого рода ошибки нельзя объяснить технической и политической безграмотностью автора. Под путанной формой скрывается антимарксистское содержание данных формулировок.

Чрезвычайно своеобразно трактует Новаковский возможность перехода от советской торговли к прямому продуктообмену. «В тот момент, — говорит он, — когда мы сможем прийти в колхоз и дать колхознику товар в неэквивалентном, в его пользу, обмене, когда вместо 100 руб. мы сможем ему дать 110 руб., в этот момент торговля уступит место продуктообмену» (стр. 91). Данное утверждение есть не что иное, как перепев знакомой партии правооппортунистической «теории» эквивалентного обмена, лишь в подправленной форме. Задача социалистического накопления всегда игнорировалась и игнорируется правым оппортунизмом. В вопросах политики цен правые оппортунисты скатываются на путь предложенный эквивалентного обмена, вредность которого партия отмечала уже не раз.

Однако Новаковский в данном выступлении целиком опирается на эти антипартийные позиции. Он так же, как и все оппортунисты, отрицает руководящую роль рабочего класса, как основной производительной силы. У него деревня является базой развития социалистической промышленности. А раз так, то необходим не

только эквивалентный, но даже не эквивалентный в пользу колхозника обмен. То, что рабочий класс под руководством партии создал самую лучшую и самую крупную в мире промышленность, сельское хозяйство, машиностроение, идущую на помощь колхозному крестьянству, и то что рабочий класс создает социалистическую материально-техническую базу всего производства, обеспечивающую быстрейший рост материального и культурного положения всех трудящихся, у Новаковского смазывается, сознательно упускается из виду.

Неверно и то утверждение Новаковского, что вначале наша партия ставила перед собой задачу «оживления частнокапиталистической торговли», задачу «оживлять частнокапиталистическую форму торговли». В то время партия своей задачей считала восстановление промышленности и сельского хозяйства, разрушенных империалистической и гражданской войной. Оживление торговли, только не капиталистической, а советской, проводилось партией вовсе не с целью оживлять капиталистический товарооборот, а с целью всемерно развернуть государственной кооперативный оборот. Если следовать за Новаковским, можно сделать вывод, что пролетарская революция, в корне изменив социальный характер производительных сил, не произвела никаких изменений в сфере обращения. Абсурдность такого вывода ясна. Правильное понимание природы советской торговли упирается непосредственно в правильность понимания новой экономической политики. Новаковский и в вопросе понимания соотношения нашей и советской торговли совершает грубую оппортунистическую ошибку. Говоря о природе и необходимости советской торговли, Новаковский утверждает, что «советская торговля как форма обмена на данном этапе — обуславливается... главным образом тем, что этого требуют производственные отношения, сложившиеся в высшем хозяйственном укладе, в господствующей социалистической формации, в ее первоначальной стадии». С таким положением никак нельзя согласиться. Это положение не вяжется с основными методологическими принципами изучения советского хозяйства, а главное, оно низводит чуть не до нуля значение производственных отношений рабочего класса с крестьянством и политику его к капиталистическим элементам.

По сути дела данным положением Новаковского игнорируется известное классическое определение существа рынка, данное т. Сталиным на XIV съезде ВКП(б), о том, что рынок есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».

Этим мы заканчиваем критику выступления Новаковского, антипартийная сущность которого, после сделанного нами разбора, очевидна.

Выступление Дементьева имеет особый интерес в связи с его выступлением в ЛОКА, где он по вопросам переходной экономики и империализма отстаивал меньшевистско-троцкистскую концепцию. В выступлении Дементьева мы сталкиваемся с целым рядом грубых политических ошибок.

Во-первых, Дементьев утверждает, что деньги и товар являются обязательными по существу категориями для развитого социализма. «Социализм, — заявляет он, — в течение известного периода сохраняет ценностные показатели. Социализм в течение известного периода сохраняет категории товара, денег, хозрасчета, весь этот круг... И чем больше развивается социалистическое общество, тем меньше остаются родимых пятен капитализма, тем более он становится коммунистическим, тем все более отмирают, исчезают ценностные показатели, следовательно — товар, деньги, хозрасчет и т. п.».

Как видим, у Дементьева выпадает тот этап, который характеризуется прямым социалистическим распределением. Товар, деньги, советская торговля продолжают у него существовать вплоть до высшей фазы коммунизма. Такого рода утверждения ведут к смазыванию специфических особенностей отдельных этапов социалистического строительства, к смазыванию разницы между последним этапом нашей и тем периодом, когда исчезнут элементы рынка, но когда мы еще не будем иметь высшей фазы коммунизма. По сути дела Дементьев стоит здесь на позиции Каутского, утверждающего, что деньги, товар и т. д. будут существовать и в развитом социалистическом обществе.

Грубую политическую ошибку допускает Дементьев в трактовке двойственного характера товара в условиях переходного периода. Он заявляет: «Я считаю, что двойственный характер товара в наших условиях является самым дальнейшим развитием и в известном смысле отрицанием как раз той двойственности товара, которая имеет место в условиях капиталистического хозяйства». Таким образом, по Дементьеву, товар в советских условиях есть не что иное, как тот же самый капиталистический товар, только в более развитой форме. Нетрудно видеть, что в такого рода утверждении кроется отрицание коренных измене-

ний, происшедших благодаря социалистической революции в производственных отношениях в нашей стране. Это утверждение отрицает социалистический характер производственных отношений пролетариата и вместе с тем доказывает антиленинское толкование товарной формы в условиях переходного периода.

В трактовке двойственного характера труда в условиях капитализма и в условиях СССР Дементьев допускает те же самые грубые ошибки. Он по существу не проводит необходимого различия этих категорий в наших условиях и в условиях капитализма. Эти ошибочные положения Дементьева находятся в прямой связи с его антиленинской концепцией, отстаивавшейся им и в прошлом году по ряду теоретических вопросов. Тем более странно, что эти вредные установки совершенно не встретили отпора и разоблачения со стороны выступавших в прениях.

Для правильного понимания происходящих процессов в переходной экономике серьезное значение имеет марксистско-ленинское разрешение вопроса о единстве советской экономики. Мы считаем необходимым особо остановиться на этом вопросе в связи с тем, что в выступлении т. Трошина, участвовавшего в дискуссии, имеется ряд неправильных и печетких установок. Тов. Трошин, искренне желая бороться со всеми, кто исходит из двухсекторной структуры в анализе нашей экономики, и предлагая исходить из двухсекторной структуры тем не менее сам делает серьезную ошибку, по существу отрицая единство воспроизводства трех типов производственных отношений в условиях переходной экономики. Он заявляет, что пленение подтодом к анализу советского хозяйства из двухсекторной структуры «присходит потому, что хотя бы что бы то ни стало познать, так или иначе обосновать единство процесса воспроизводства, совершаемого на основе единого закона развития (плана)... причем делается это так, что изобретается во что бы то ни стало закон движения, а к нему подгоняется материальный процесс производственных сил, как процесс целиком подчиненный, по их мнению, этому единству» (стр. 147; подчеркнута нами).

Таким образом, Трошин берет под сомнение единство нашей экономики, называет его в дальнейшем смутным единством, утверждает, что единство, как и единый закон движения, изобретается, а не существует объективно и т. п.

Благодаря этому он делает еще несколько ошибок. В частности, говоря о воспроизводстве в СССР, он берет слово «единство» в кавычки, так и озаглавливая соответствующую часть своего выступления: «О «единстве» воспроизводства». Здесь, предварительно отмежевываясь на словах от теории воспроизводства двух кругов и «стрелко» квалифицировав всех тех, кто стоит на этой теории, т. Трошин заявляет: «Воспроизводство по секторам есть воспроизводство социальных экономических тенденций, не единых, а наоборот, идущих в различных направлениях друг с другом» (стр. 156). Он утверждает, что тот, кто не подчеркивает этого, тот стоит на позиции правых. Но на каких позициях стоит сам т. Трошин, если он договаривается до подобного утверждения, где воспроизводство представлено не в виде «двух ящиков», катящихся рядом друг с другом, а как воспроизводство тенденций, идущих «в различном направлении друг с другом». Выходит, что катятся те же ящики, два или три — неважно, но в противоположном направлении друг о другом. Единства у т. Трошина нет, — да и я сам этого не отрицаю. Он говорит, что у нас «сфера товарного обращения образует единство процесса расширенного воспроизводства».

«Но однако от этого названное единство не становится органическим, структурным единством. И в этом, так сказать, состоит большая ошибка товарищей, утверждающих нечто обратное» (стр. 154).

Прежде всего, по Трошину, единство процесса воспроизводства образуется на основе сферы товарного обращения. Неправильность этого утверждения очевидна.

Наряду с указанным т. Трошин утверждает, что для социалистического сектора «товарная форма продуктов, как и товарное обращение, является иррациональной категорией» (стр. 154). По Трошину выходит, что социализм на определенном участке нашего хозяйства родился в готовом и завершенном виде и лишь в силу латентной диалектики развития самого социалистического способа производства Трошин не понимает. Товарная форма трактуется им исключительно как форма без содержания. Социализм с самого начала появляется на свет, по Трошину, в готовом виде, и развитие его трактуется как механическое расширение на другие участки народного хозяйства. Единство советской экономики трактуется не как органическое единство, а очевидно как механическое единство, где социализм грубым образом переплетается с товарным производством. Все это, нет сомнения, явно ошибочные положения, высказанные т. Трошиным.

Мы должны отметить здесь, что т. Трошин, трактуя товарную форму как иррациональную для социалистического способа производства, хотел этим самым подчеркнуть то положение, что товарная форма не вытекает из самой сущности социалистического способа производства. Само собой разумеется, что товарная форма не вытекает из сущности социалистического способа производства. Но и утверждение

т. Трошина по этому поводу является неправильным. Нельзя отрицать внутренней связи товарной формы с социалистическим способом производства, хотя она и не вытекает из существа последнего, ибо подобное отрицание неизбежно приведет к прямому отрицанию единства воспроизводства социалистического и мелкотоварного способов производства. Необходимо иметь в виду, что товарная форма в условиях переходного периода является необходимой формой продуктов труда и что исчезновение товарной формы может произойти только на основе полного установления развитого социалистического способа производства во всем народном хозяйстве СССР.

Здесь нельзя забывать того указания т. Сталина, которое он дал в своем заключительном слове на XIV съезде партии по вопросу о категориях капиталистической экономики, существующих у нас в советских условиях. «Дело вовсе не в том, — говорит т. Сталин, — что торговля и денежная система являются методами капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов... Дело в том стало быть что благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма и в ущерб капитализму».

Вот это положение т. Сталина т. Трошин так и не смог усвоить.

Необходимо еще остановиться на некоторых ошибочных моментах выступления т. Долинского. Характеризуя первый этап нэпа и состояние торговли на этом этапе, т. Долинский явно преуменьшает значение таких фактов, как существование диктатуры пролетариата, сосредоточение основных командных высот в руках пролетариата (промышленности, транспорта, фондов) для характеристики роли советской торговли на первом этапе нэпа.

Вот как характеризует т. Долинский первый этап нэпа: «На первом этапе нэпа господствует рыночная стихия. Роль плана сводится к приспособлению к конъюнктуре рынка и к некоторому регулированию стихии... Распределение средств производства в значительной мере определяется рынком... В связи с этим основные рыночные категории — цена, спрос и предложение — определяют не только план, но и состояние рыночной конъюнктуры». «На первом этапе нэпа план не являлся определяющим ни в цене, ни в спросе, ни в предложении». Такая характеристика первого этапа нэпа является явно неправильной, политически ошибочной.

Разумеется, что первый этап нэпа отличается от реконструктивного периода. Социалистическое наступление тогда не велось по всему фронту, однако развитие города и деревни осуществлялось при ведущей роли планового начала. Торговля и на этом этапе являлась орудием в руках рабочего класса для осуществления задач социалистического строительства. Те, кто сдвигает значение планового начала на первом этапе, ведущую роль пролетариата, по существу ставят на позицию троцкистов в отношении характеристики восстановительного периода и роли стихийных факторов на этом этапе.

На этом мы ограничиваем характеристику выступлений, имевших место по докладу. В данной рецензии мы ни в коем случае не исчерпали всех спорных и неверных положений, выдвинутых участниками дискуссии. Некоторые из такого рода положений подверглись совершенно правильной критике, в процессе самой дискуссии. Более всесторонний разбор положений, выдвинутых в процессе обсуждения доклада и в самом докладе, должен стать предметом дальнейшей коллективной работы.

XVII партийная конференция еще раз заострила внимание партии и рабочего класса на важности вопросов, связанных с развертыванием советской торговли. Резолюция конференции говорит по этому вопросу следующее:

«Развертывание товарооборота — прежде всего розницы — и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе являются важнейшим стимулом для выявления имеющихся в нашем хозяйстве и далеко еще неиспользованных внутренних резервов, способствующих ускорению роста социалистического накопления, и тем самым укрепляют материальную базу всего социалистического строительства. Вместе с тем только на основе развертывания товарооборота возможно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни».

Таким образом, грандиозность задач в области теоретической разработки проблем советской торговли не требует комментариев.

В дальнейшем перед коллективом коммунистов-экономистов, работающих в области теории и практики советской торговли, стоят задачи огромной важности. Прежде всего необходимо включить в разработку гораздо больше практических материалов. Особенное значение коллективная работа должна приобрести в связи с разработкой проблем второй пятилетки. Необходимо также пересмотреть всю литературу по вопросам советской торговли, выпущенную до сих пор, и своевременно откликаться на каждую новую работу в этой области.

В связи с письмом т. Сталина перед коллективом коммунистов-экономистов поставлена важная задача: дать критику всех антипартийных и контрреволюционных теорий советского товарооборота. Октябрьский пленум ЦК и ряд правительственных постановлений поставили много задач по вопросам советской торговли. В качестве новых субъектов торговли выступают объединения, тресты промышленности, совхозы, колхозы, кустарная промышленность. Последние решения ЦК и СНК о торговле колхозов, колхозников и трудящихся крестьян единоличников открывают новую страницу в развитии советской торговли. Большая роль в деле улучшения снабжения рабочего класса отводится самозаготовкам. Заострено внимание промышленности и торговых организаций на вопросах качества продукции и качества работы торгового аппарата. Намечен целый ряд мероприятий, которые должны поднять планирование снабжения на более высокую ступень. Особую актуальность приобретает вопрос об оптовом звене, вопросы ускорения товарооборота, ликвидация остатков замораживания и т. д. и т. п. Все эти вопросы должны встать в центре внимания научной мысли, работающей по проблемам советской торговли.

ОТ РЕДАКЦИИ

В дальнейшем журнал „Проблемы Экономики“ будет выходить один раз в два месяца в увеличенном объеме.

Состав редакции дальнейших номеров следующий:

БУТАЕВ К. (ответ. редактор)
ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н.
ГОТОВСКИЙ Л.
КРИВИЦКИЙ М.
ШУРЫГИН В.

Редколлегия: Бородин Б., Бутаев К., Бурдянский И., Грановский Е., Козлов Г., Криницкий М., Милютин В., Островитянов К., Рубинштейн М., Резнибург Д., Тирабанурт Т.

Ответственный редактор Милютин В.

Сдано в производство 13/V — 32 г.

Подписано к печати 1/VII — 32 г.

Уполн. Главлита В — 27413.

Выпускающий Широков.

Формат 72 × 105/16.

Партиздат № 645. Зак. тип. 879.

9½ печ. листов, 67 000 зн. в п. л.

Тираж 21 950 экз.